

Русские в Киргизии

Общественный фонд Александра Князева

Русские в Киргизии

Бишкек-2008

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

Р 89

Русские в Киргизии. Сборник статей и материалов / Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2008. - 240 с.

Под общей редакцией доктора исторических наук, профессора А.А. Князева

ISBN 978-9967-400-78-8

Сборник статей и материалов «Русские в Киргизии» - издание о проблемах русских в Киргизии, политике России в регионе - как в историческом прошлом, так и в настоящее время.

Издание предназначено для специалистов в области этнической политики, историков, социологов, всех, интересующихся историей и современными проблемами русских в Киргизии.

Редакционная коллегия:

А.А. Князев, докт. ист. наук
(ответственный редактор)

В.М. Скринник, канд. полит. наук

Л.И. Сумароков, канд. ист. наук

Р 0503020000-08

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

© Авторы статей, 2008 г.

ISBN 978-9967-400-78-8

© Общественный фонд Александра Князева, 2008 г.

Издатели и редакционная коллегия выражают благодарность за предоставленные к публикации материалы Вавилкиной Наталье Викторовне, Акчурину Вилору Ахмедовичу, Ушакову Владиславу, за фотографии и содействие в работе с архивными документами директору Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Киргизской Республики Майгулаковой Нине Тоялыевне, директору Центрального государственного архива Киргизской Республики Самаевой Бахтыгуль Оморовне и сотрудникам архивов.

**Издание осуществлено при поддержке
Правительственной комиссии
Российской Федерации
по делам соотечественников**

«Пойдем к русским, пусть народ отдохнет от междоусобиц и живет в покое...»

Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский

«Ташкент взят генералом Черняевым.

Никто не знает почему и для чего».

*Из «Дневника» П.А. Валуева,
министра внутренних дел России.
Запись от 20 июля 1865 года*

В современном обществе существуют два взаимоисключающих взгляда на историю взаимоотношений России и государств Центральной Азии. Поборники одного утверждают, что в девятнадцатом веке русские колонизировали Центральную Азию, поборники другого - что русские оказались здесь долгожданными гостями... В чем же состоит историческая истина? Были и есть предпосылки как для первого суждения, так и для второго. Истина историческая всегда вектор, а не стрелка указателя, приколоченного к определенному времени, как к фасаду уличного здания.

Будем опираться на факты.

В 1855 году в урочище Каркыра, собрав представителей всех ближайших родов на общий совет, вождь племени бугу Боронбай первым делом принес в жертву белую лошадь. Так делалось лишь перед тем, как надо было совершить какой-либо наиважнейших поступок, принять какое-либо исключительно важное решение. На сей раз предстояло обсудить вопрос о вхождении в подданство России. Если и был спор, то - по всей видимости - он шел о деталях. Общее же решение было сформулировано так:

«Мы с русскими имеем связи с давних пор, русские большой и многочисленный народ. Пойдем к русским, пусть народ отдохнет от междоусобиц и живет в покое».

Дальнейшая хроника событий складывалась так:

в 1862 году - за бугинцами последовали предводители племен Чуйских солтинцев Байтик и Келиналы, родоправитель Шабдан¹, также принявшие российское подданство;

в 1863 году - центрально-тяньнаньские киргизы;

в 1864 году - кетмень-тюбинские;

в 1867 году - сарыбагышский манап Уметалы письменной присягой как бы завершил процесс юридического закрепления и официального присоединения северных киргизов к Российской империи.

Кстати сказать, представление о том, что подобные решения диктовались исключительно заботами о простом выживании родов и племен, о самосохранении, верно только лишь отчасти. Как всего лишь отчасти верно и то, что сближение киргизских правителей с Россией диктовалось некими меркантильными, локальными соображениями. Проще говоря - соображениями выгоды. Не отрицаем, естественно, было и это, но главное заключалось в том, что уже тогда народ древнего азиатского региона понимал - именно в

¹ Родоправитель Шабдан - фигура удивительно интересная. Вот что о нем пишут историки: «В 1868 году во главе двухсот всадников он помогал бишкекскому уездному начальнику утверждать новое административное управление в Центральном Тянь-Шане. В 1875 году в составе войск М.Д. Скобелева способствовал завоеванию Кокандского ханства, участвовал в сражениях против повстанцев Пулат-хана. <...> Шабдан получил чин войскового старшины, равнявшийся званию подполковника. Ему определили пенсию в размере 300 рублей в год и пожизненно выделяли в личное пользование 400 десятин земли. В 1883 году находился в составе почетных гостей Туркестана на коронации Александра III. На его груди наряду со многими российскими наградами был Георгиевский крест, которым он был награжден первым из туркестанских правителей». - См.: Джунушалиев Д., Какеев А., Плоских В. «Исторические этапы киргизской государственности». - Бишкек, 2003.

России заключена некая гарантия защищенного существования всякого самого малого племени, всякого древнего рода.

Пока Россия рядом - даже самым малым народам не грозит исчезновение.

Понимание этого - сближало. Особенно в больших и - если можно так сказать применительно к прежнему времени, времени межродовой и межплеменной раздробленности, - государственных масштабах.

В малых же масштабах получалось и по-иному: если твой давний соперник за влияние в регионе вдруг вступал в союз с русскими, это еще настораживало: не против тебя ли этот союз? Так рушилась картина единообразия в оценке появления русских в регионе. И если где-то их встречали облегченным вздохом, как гарантов мира, то где-то - и жесточайшим сопротивлением, как явных колонизаторов. Друг моего врага мой враг.

Отсюда: русские в одинаковой степени являлись и освободителями, и оккупантами. В зависимости от местного понимания событий.

Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Михаил Дмитриевич Скобелев, завоеватель Кокандского ханства, первый военный губернатор Ферганской области, для одной и той же, сегодня независимой, страны равно и завоеватель, и освободитель. Ведь если присоединение Киргизстана к России на севере региона произошло мирно, то на юге - киргизские племена удалось покорить лишь силой оружия. Алай не присоединялся, Алай был завоеван.

Далее же обычно происходило следующее: не примирение с неизбежностью случившегося, но понимание того, что эта неизбежность несет и свою перспективную выгоду, приводило к пересмотру антирусской позиции. Свидетельством тому могут служить многочисленные документы, наиболее известным из которых является письмо знаменитой правительницы Алая, на тот момент - пленницы М.Д. Скобелева, некогда жестко сражавшейся против русских войск, Курманджан-датхой. Он очень важен, а потому, процитирую его:

«Многоуважаемому высокостепенному Ферганскому областному губернатору от служителя Ошского уезда Курманджан-датхи.

Заявление.

Уважаемый, прошу извинения. При этом заявляю Вам, что когда Ферганское мусульманское государство не признавало еще Россию, я воевала и спорила с Вами...

По величине Россия равняется Риму. Возможно, в настоящее время она еще увеличивается... Я считаю, что если относиться со всей душой, всем сердцем и уважением к этому государству, тогда Бог простит все, что мы совершили против него раньше.

В это мирное время я заявляю: весь мой народ, я сама и мои родные никогда не выступим против вас. От нас никакой неприятности не будет.

Если мой народ сделает плохо и станет изменником, тогда накажу виновного самой тяжкой мерой, буду вечно мучиться до конца дней своих.

В заверение ставлю печать:

дочь Маматбека Курманджан-датха».

Да, Россия страна сильная, притягивающая к себе многих и многих.... Но это не та страна, которая, притянув, включив в саму себя какой-нибудь малый народ, поглощает его, нивелирует, уничтожает. Во все века специфика Российской государственности была такова, что страна не являлась неким этнически чистым государством (для нее это было бы самоубийством). Испокон веку Россия бытовала как государство многонациональное, терпимое и к иноверию, и к инобытованию.

Терпимость к непохожести делало это государство сильным, ведь не для какого-то одного народа, изначального, коренного, государство являлось родиной. Но для очень и очень многих. Для людей разной веры, разных языков. И вот эти-то многие, дорожа своей защищенностью, всегда единым щитом прикрывали свою общую родину, свою общую страну - Россию.

И под этот прикрывающий щит готовы были укрыться все те, кто хотел сохранить самих себя именно в своей идентичности.

Как раз в совместном существовании «непохожестей» и была гарантия стабильности.

Не знаю, насколько политически корректно такое сравнение, но, взглядываясь в прошлое, в историю, определяя историческую значимость России, я нахожу, по-моему, достаточно точное метафорическое сравнение: Русь почти во все времена была неким «железным обручем», стягивающим в единое целое «гибкие деревянные доски, образующие крепкую деревянную бочку». Убери обруч - и все рассыплется.

И подобное «рассыпание» легко можно было наблюдать на бывшем пространстве бывшего же Советского Союза, после его закономерного распада, внутри иных - отделившихся государств.

Развивая идею, выскажу еще одну парадоксальную и, понимаю, непопулярную мысль: до определенного времени в некоторых молодых независимых странах, где опыта демократического государственного правления фактически никогда не было (в Европе он вырабатывался столетиями), возможно и авторитарное правление. Естественно, строящее структуру легитимной смены власти, которая должна сложиться вовсе не в результате разноцветных революций, и не по воле случая... Подобное правление не должно выливаться в диктатуру. Но роль железного обруча некоторое время играть именно ему. Иначе - все-таки: или внутригосударственный хаос, или втягивание молодой страны в орбиту каких-либо иных, имеющих свою корысть, сторонних государств.

Но это не только сейчас. В прежние времена тоже так было. Как только правитель начинал забывать, с чьей помощью и для кого он взшел на трон, начиналась смута или очередное сближение с той силой, которая была бы способна утишить эту смуту, вернуть жизнь в нормальное эволюционное русло. Силою такую очень часто оказывалась Россия.

Вот достаточно известный пример.

Во второй половине XIX века, во времена правления жесточайшего Худояр-хана, правящего киргизским народом из Коканда, непрерывно вспыхивали народные волнения. После одного из них, начавшегося в ноябре 1873 года, скинувший Худояр-хана, Пулат-хан, на которого было много надежд, - ничуть, однако, дел в государстве не улучшил, но, пожалуй, еще более придавил его налогами. Больше того, он попытался отмежеваться от ранее существовавшего среди восставших мнения, что следует сближаться с Россией.

Впрочем, тому были причины. Россия всегда достаточно лояльно относилась к национальным лидерам, поддерживая их официально (в этом всегда была и сила и слабость России). И когда приближенные Худояр-хана бежали от восставших, представители России - туркестанские власти - дали им приют, то есть предприняли то, что мы сейчас - при повторении подобной картины в современных условиях - называем «предоставлением политического убежища»...

Во многом это даже шло вразрез с казалось бы выгодной для России политикой присоединения новых земель, с их вхождением в состав империи. Более того, такая сравнительно сторонняя политика России, по сути, - политика невмешательства во внутренние дела киргизов, привела к тому, что Пулат-хан объявил «газават» - священную войну рус-

ским. И, как это всегда случается с правителями, не сумевшими своими делами выразить исконную суть стремлений народа, сам себе подписал приговор. Он как-то забыл, что в 1873 году русской администрации Туркестанского края депутацией кокандских киргизов был передан целый список из сорока двух киргизских родов, пожелавших принять подданство России... Число их по приблизительным подсчетам доходило до пятисот тысяч человек.

Тут важно сказать, что местное население уже хорошо знало, - Россия никогда ни при каких условиях не занималась насильственным утверждением христианства в Туркестане. «В общих чертах позиция Туркестанской администрации Туркестанского генерал-губернаторства сформировалась при первом генерал-губернаторе К.П. фон Кауфмане.

Еще в самом начале своей службы в Туркестанском крае, в январе 1868 года, в ответ на запрос главы Русского миссионерского общества князя Голицына, фон Кауфман мудро отписал ему, что миссионерская работа в крае «... не даст хороших последствий... принесет... вред... и может лишь породить затруднения».¹

Такая позиция Туркестанского генерал-губернатора соответствовала общегосударственной политике, вовсе не ориентированной на всеобщее приобщение к Православию. Более того, известен Указ Сената от 1833 года, буквально требующий от мусульман, чтобы они «выполняли все требования своей религии и строго следовали предписаниям ислама».²

Вот отчего в письме-обращении кокандских киргизов к православному царю имела место даже и жалоба на несоблюдение Худояр-ханом законов шариата. Они писали: «Хан начал выступать против шариата, за это мы, не вынося несправедливости, ограбили его зякетчи (сборщиков налогов). Худояр послал к нам войска свои, от которых мы бежали в горы, оставив наши кочевья. Но ханский военачальник успел захватить у нас 270 человек в плен, привез этих людей в город Асаке и, по приказанию хана, велел всех посадить на кол. Тогда мы все собрались и объявили себя врагами хана»³. Далее и последовала просьба к русским властям принять восставших в российское подданство.

Вот отчего не одни лишь христиане где-нибудь на Балканах видели в России свою защиту, но и мусульмане Туркестана тоже. Русская политика по отношению к религиозной жизни народов Средней Азии разительно контрастировала с аналогичной практикой западных европейцев в соседних странах, например, - Англии в Индии. Это отмечалось как западными авторами, так и самими жителями азиатских стран. Даже один из английских авторов, замечал по этому поводу: «У русских миссионеров нет (насилия): они к этому приему не прибегают. Они хотят приобрести доверие (...) народов, не противореча им ни в их верованиях, ни в их обычаях». А другой английский автор еще в начале XX века приводил в своей книге слова некоего афганца, имевшего возможность близко познакомиться и с англичанами, и с русскими: «...каждое воскресенье англичане выходят на базар доказывать, что их Хозрет-Исса (Христос) больше нашего Пейгамбора (пророка) и что их вера настоящая, а наша ничего не стоит... Пейгамбора всячески поносят, кормят его грязью... Вы, Русские, этого не делаете, слух об этом дошел и до Индии - все вас за это хвалят».⁴

Я уже неоднократно писал о том, что немногочисленные случаи перемены веры среди жителей Туркестанского края несколько не затронули общих дружественных отношений православных и мусульман. Истинная миссия Православия в Туркестане виделась в том, чтобы мусульмане стали терпимо и с уважением относиться к христианам.⁵

¹ Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. - М., 1960, С. 100.

² Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. 4 2.- М., 1997.

³ ЦГА Республики Узбекистан. Ф. и. 715, оп. 1, д. 58, л. 362.

⁴ Флыгин Ю.С. «Миссионерство, которого не было». Рукопись. - Ташкент, 2008.

⁵ См. например: Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир. Земля потомков патриарха Тюрка. - М., 2002. с. 174.

Это примеры, характеризующие духовную сторону жизни, наиболее близкую мне.

Однако существуют во множестве и примеры светского порядка. Так правительство Российской империи, охраняя спокойствие и быт коренных жителей нового в ее империи Туркестанского края, защищало его... от русских.

То есть - по большому счету - от действительной колонизации края.

Ведь после того, как завершились все военные кампании, и Закон о переселении от 10 июля 1889 года распространился, допустим, на ту же Семиреченскую область, на ее Пишпекский и Пржевальский уезды, в вечных поисках лучшей доли в регион буквально хлынуло безземельное российское крестьянство. И через каких-нибудь пять-десять лет пригодных для земледелия орошаемых земель фактически не осталось... Естественно, возникло напряжение между местным населением и приезжими, начались самозахваты. И тогда особым циркуляром Министерства Внутренних дел России от 15 июня 1896 года переселение в Семиреченскую область было приостановлено.

Более того, 13 октября 1897 года колониальная администрация получила еще одно предписание. Оно запрещало переселение и в остальные края Туркестанского края.

Однако хлебные и фруктовые земли притягивали надеждой на лучшую, безбедную жизнь. Получалось, что, в некоторой уже степени, и за счет жизни других.

К 1905 году в том же Пржевальском уезде неустроенными, то есть - без земли, официально числилось более одной тысячи семей. Между тем, «самовольцы» все прибывали и прибывали...

Понимающая всю пагубность подобного наплыва Туркестанская администрация предпринимала все, что могла, вплоть - до насильственного выселения с уже обжитых земель. Это не осталось без внимания местного населения. И отныне оно еще более стало доверять, обращаясь именно к русской - колониальной! - администрации Туркестанского края с жалобами на всякого рода беззакония как местных, так и пришлых людей, среди которых, к слову добавим, были и мигранты из Восточного Туркестана, жители как бы коренные. Им стало известно, - в пределах России налоговый гнет намного меньше ханских, и они целыми семьями пошли через границу под власть пришедшей России.

Жаль, что немудрое большевистское правительство, не переняло опыта царской администрации, и - придя к власти - повело себя здесь слоном в посудной лавке, наломав столько, что разгрести до сих пор приходится. У большевиков и в мыслях не было прислушиваться к мнению местного населения, поэтому какое-либо очередное эпохально-историческое решение они принимали без всякого учета традиционного уклада жизни на данной территории.

Тем не менее, все предыдущие примеры говорят об одном: истинная Россия всегда была, пусть и в ущерб своей геополитике, лояльна и терпима по отношению к местному населению, к его религии, обычаям и нравам.

Даже в моменты политических колебаний, внутригосударственных собственных своих шатаний, в моменты, не имеющие какой-либо четко выработанной позиции по тем или иным центральноазиатским вопросам, Россия оставалась дружественной к любому из народов, обратившихся к ней.

А таких колебаний было немало.

Есть они, к сожалению, и в нынешние времена. У России до сих пор, как мне кажется, и как наблюдается отсюда, из Средней Азии, нет какой-либо единой стратегии по отношению к Среднеазиатскому региону. Возможно потому, что Россия до сих пор не смогла предложить странам ближнего зарубежья (я уж, в частности, не говорю о русских, проживающих там), что-нибудь более мощное и значимое, чем разовую гуманитарную

помощь в виде присылаемых книг, учебников, краткосрочных культурных программ. Или же - в виде заключения взаимовыгодных экономических договоров. Достаточно солидных. В том же соседнем Узбекистане доля Российских инвестиционных проектов составляет почти половину от общего их числа в 2008 году.

Тем не менее, нет главного - некой центральноазиатской российской идеи!...

Да, исчезла идея - и не худшая - имперской политики «цивилизаторства», некогда раскрывающая, расширяющая как духовные горизонты культуры, так и прагматически выгодные горизонты рынка, торговли. Полностью скомпрометировала себя политическая идея построения общего для всех народов - без различия национальных особенностей - земного рая, то есть - идея «социализма-коммунизма»; кстати сказать, некогда бывшая достаточно привлекательной для многих народов мира и до конца не изжитая и сегодня.

Однако разделение во многом произошло не только из-за скомпрометировавших себя идеологических концепций и политических несогласий. Мне кажется, всемирная глобализация, агрессивно наступающая на государства и нивелирующая все вокруг, сделала свое дело: встречное сопротивление, направленное на отделение и сохранение собственных неповторимых национальных культур, собственного же неповторимого национального бытования, привело к отторжению и размежеванию на национальной основе...

То есть, размежевание все-таки произошло по культурно-национальному разлому да и по религиозному, пожалуй, тоже.

Но надо учесть, что опасные идеи едва ли не насильственного внедрения - внедрения извне! - «института демократии», в ее западной модели, или же идеи построения государства, основанного лишь на доктрине «фундаментального ислама» (и тоже - со стороны!) равно неприемлемы для большинства молодых независимых центральноазиатских стран. И, следовательно, им ничего не остается, как замкнуться в себе, в своей «самостийности», двигаясь вперед методом проб и ошибок, руководствуясь закрытой идеей защиты самих себя от всей этой внешней суеты мира, чтобы сохранить - даст Бог! - опять же самих себя в своей идентичности.

Таковым мне видится малое понимание новой, собственной, независимой истории молодых стран.

Но, рано или поздно, обязательно должно придти на смену и большое понимание событий вокруг своей страны в контексте этих событий. Ведь всякий изоляционизм опасен для внутренней жизни народов, да и, вообще, малопроизводителен для их духовно-культурного и экономического существования.

Да, отныне - и это факт, состоявшийся и общепризнанный - Россия лишилась возможности напрямую вмешиваться в дела суверенных республик (кстати сказать, некоторые иные страны этого еще не поняли).

В современном мире - мире не только экономической, но и - что намного опаснее - культурной глобализации (вернее, псевдо-культурной) в изоляции не устоять и не сохраниться никакой самой как будто благоприятно существующей стране.

Не устоять и не сохраниться, если не удастся воспользоваться все тем же опытом существования России. Государства многонационального, многоконфессионального, многотерпимого.... А еще - и собственным, более чем столетидесятилетним опытом сосуществования, допустим, того же Киргизстана с той же Россией...

Здесь речь не идет о каком-то новом всепоглощающем союзе, сегодня он невозможен. Но речь идет о совместном существовании новых, подчеркиваю, - открытых систем, способных обмениваться энергией и информацией друг с другом. Я имею в виду не-

зависимые государства и Россию. Ее опыт, опыт «всемирной отзывчивости», как называл его Ф.М. Достоевский, бесценен.

И накопленный временем опыт, выраженный словами востоковеда Айдера Куркчи: «...в величие мусульманской цивилизации вносили заметный вклад многочисленные... христианские общины», тоже вспоминается.

Ведь понимание того, что у России никогда не было прежде никакого, например, христианского прозелитизма, по-прежнему существует. И оно, особенно отчетливо видится сегодня, при агрессивном наступлении многочисленных западных религиозных сект на местные традиционно-мусульманские народы.

Как вспоминается и то, что сила России наиболее надежна в борьбе с терроризмом. И то, что это не с ее территории приходят переворотные «оранжевые революции», несущие выгоду не стране, но отдельным, достаточно закрытым для народа, группировкам. Лишь она при сближении с ней - гарант, возможно, и юридический, легитимной власти.

Между тем, создается совершенно новая и благоприятная именно для России геополитическая ситуация. Ее величие - и, как знать, может, национальная идея тоже? - не только в пространстве ее границ, но в том, которое вокруг.

Ее величие в высоком духовном опыте взаимопроникновения, взаиморазвития и взаимообогащения культур.

Этническая идентичность и организационные проблемы русских и русскоязычных общин в Киргизии и Центральной Азии¹

*А.А. Князев, докт. истор. наук, профессор, действительный член
Русского географического общества*

Существующая тенденция к сокращению русского мира в странах центральноазиатского региона, и в Киргизии в том числе, обусловлена как причинами естественного, объективного характера, так и некоторыми искусственно создаваемыми факторами. В частности, естественное сжатие русского общественно-политического, культурно-образовательного и информационного пространства связано с распадом социально-экономической среды существования русского населения (прежде всего - развалом научно-промышленного сектора), с процессами самоопределения титульных народов региона, резким уменьшением численности русскоязычного населения в результате динамичного миграционного процесса.

Вместе с тем на протяжении всего постсоветского времени, а в отдельных случаях и в поздний советский период, можно наблюдать и искусственное вытеснение представителей русского этноса практически из всех ключевых сфер общественной жизни во всех без исключения странах Центральной Азии. Актуализировавшиеся в настоящее время задачи сохранения русскоориентированного центральноазиатского пространства как части общего культурного, гуманитарного пространства стран региона обуславливают необходимость критически оценить состояние и перспективы русского мира в регионе и того, что является его базовым, фундаментальным носителем. Другими словами, сегодня актуальной является задача исследования русской и русскоязычной общности (или общины) центральноазиатского региона.

Попутно необходимо отметить неуместность применения к данной общности (если говорить об общности сугубо русской) понятия «диаспора», практикуемого многими авторами. Диаспора, как известно, это устойчивая совокупность людей единого этнического или национального происхождения, живущая за пределами своей исторической родины и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей общности. Положение российских соотечественников в республиках бывшего СССР не может быть описано с помощью концепции диаспоры. Объективная сложность и разноплановость явления диаспоры обуславливает тот факт, что в самой научной среде нет единства в понимании, описании и определении этого феномена. Одним из общепризнанных и очевидных признаков диаспоры является пребывание некой этнической (и/или конфессиональной) общности людей за пределами страны (территории) их происхождения, то есть в иноэтническом (иноконфессиональном) окружении. Другим критерием в определении диаспоры является то, что диаспора понимается как такая этническая (конфессиональная, этноконфессиональная) общность, которая сохраняет наиболее важные характеристики национальной самобытности своего этноса или конфессии: национальный язык, особенности культуры, ментальности и сознания в целом. Нельзя определять как диаспору любую группу лиц определенной этнической (и/или конфессиональной) принадлежности, если у них нет функционально выраженного внутреннего стимула, потребности к самосохранению, что, в свою очередь, предполагает соответствующие организационные формы реализации этой потребности. Нельзя назвать диаспорой или принадлежащей к диаспоре

¹ В основу статьи положен текст выступления президента Центральноазиатского Института русской диаспоры, члена Координационного совета организаций российских соотечественников Киргизии А.А. Князева «Организационные проблемы русских общин в Центральной Азии» на круглом столе «Современная русская идентичность в России и за рубежом», состоявшегося 28 февраля 2008 г. в Москве в Институте русского зарубежья (Russkie.org). - По URL: <http://www.msskie.org/index.php?module=fullitem&id=12207>

некую дисперсную группу эмигрантов, проживающих в зарубежной стране. Диаспора качественно отличается от дисперсной эмиграции наличием организационных форм своего функционирования и развития, от занятых бытовыми проблемами землячества до общественных, национально-культурных и политических движений и политических партий. Привлекательность диаспоры для эмигранта во многом определяется тем, что диаспора берет на себя функцию социальной поддержки и при необходимости защиты конкретных эмигрантов, помогая им интегрироваться в новую социальную среду.¹ В понимании автора, диаспора, помимо соответствия названным выше критериям, - это еще и община, проживающая на территории, исторически не принадлежащей народу, частью которого она является. К территории бывшего Советского Союза это не относится.

Русские, проживающие за рубежами современной России, но в пределах границ бывшего СССР, находятся на территории, исторически им принадлежащей и веками находившейся в составе сначала Российской империи и затем Советского Союза. Эти русские не эмигрировали за пределы своего государства, наоборот, это государство не по их воле вдруг неожиданно изменило состав своей территории, уменьшилось, и они оказались за границами собственно России. Это, кстати, в абсолютно той же степени относится, например, и к узбекам, проживающим за пределами территории современного Узбекистана, да и ко всем остальным гражданам бывшего СССР и их потомкам. Поэтому наиболее точным здесь представляется определение Марлен Ларюэль. По ее мнению, та или иная этническая община может быть названа «диаспорой», если выполнены следующие условия: 1) общность этнического самосознания, 2) объединение общины в рамках определенной общественной и экономической организационной формы, 3) особая связь со страной, рассматриваемой в качестве «родины, отечества».²

В случае с русскими в постсоветских странах упомянутые элементы частично или совсем отсутствуют: например, ощущение этнического единства развито (или, по крайней мере, декларируется) у активистов немалого числа разнородных общественных организаций, имеющих в своем названии определение, производное от понятий «русский» или «российский». Однако это ощущение этнического единства отсутствует у подавляющего большинства русских. Единство основывается на общей идентичности и можно предполагать, что именно ее отсутствие либо неразвитость и обуславливают разрозненность всей русской этнической группы.

Этническая идентичность представляет собой результат эмоционально-когнитивного процесса осознания этнической принадлежности, отождествление индивидом себя с представителями своего этноса и, что важно, обособления от других этносов («идентичность есть «идентичность в себе», проявленная в процессе взаимодействия с инаковостью - иной идентичностью»³), а также глубоко лично значимое переживание своей этнической принадлежности. Это есть осознанная и отрефлектированная ассоциированность. Этот феномен далеко не эквивалентен понятиям «этничность», «этническая принадлежность», «этническое самосознание», «этническая идентификация». В отличие от этнической принадлежности, этническая идентичность есть результат самокатегоризации, достигаемой самостоятельно каждым индивидом в итоге его собственного конструирования образа окружаемого мира и своего места в нем. Наряду с причислением индивидом себя к представителям своего этноса, этническая идентичность включает и глубоко значимое переживание данной принадлежности, как одного из важнейших ком-

¹ Особую роль в становлении и сохранении диаспор обычно играет религиозный фактор. История показывает, что именно религия очень часто становится главным фактором консолидации группы эмигрантов, ярчайшими примерами являются в этом плане армянские и еврейские диаспоры в самых разных странах мира.

² Ларюэль Марлен. «Русская диаспора» и «российские соотечественники»// Демократия вертикали. Сост. А. Верховский. - М., 2006. Цит. по URL: <http://www.polit.ru/research/2006/09/08/diaspora.html>

³ Перелегин С. «О возможности использования термодинамического подхода при описании социальных процессов». - Цит. по URL: http://www.igstab.ru/materials/other/BR_Russian.htm

понентов в системе представлений личности о себе.¹ Становление и развитие этнической идентичности заключается в синтезе множества частных идентификаций, которые интегрируются в систему составляющих компонентов целостной идентичности. Среди ее основных критериев могут быть такие, как родной язык, общность происхождения, культура, традиции, религия, общее историческое прошлое, чувство привязанности к родной земле, своей Родине, общей территории проживания и др.²

Истинная этническая идентичность человека часто может не совпадать с официально предъявляемой или приписываемой этнической принадлежностью, что весьма характерно как раз для граждан бывшего СССР, характеризующихся в бывших союзных республиках определением «русскоязычные».³ Для Киргизии это большой список этносов - представителей выходцев из бывшего СССР - от армян до якутов. Найти этому феномену объяснение в историческом ключе несложно, труднее определить для его представителей критерии идентичности, в определенном смысле - уже «надэтнической». В своем широком первичном лингвистическом значении определение «русскоязычные» характеризует любых людей, способных разговаривать на русском языке. Понятно, что это определение чрезвычайно широко и не может быть употреблено при рассмотрении проблематики нетитульных этносов в странах постсоветского пространства. Более узкое значение понятия «русскоязычные» утвердилось после распада СССР и обозначает вполне определенные категории или группы населения в государствах на территории бывшего Советского Союза. Можно согласиться с С. Панариным в том, что первый существенный признак «русскоязычное™» - это глубокая включенность в русскую культуру, преимущественно в ее советском варианте, помимо знания русского языка этот признак включает в себя и достаточно свободное владение основными идиомами русской культуры, ценности которой в самом полном смысле слова являются привычными, родными, нередко не рефлекслируемыми.⁴ Во многом несовпадение индивидуальной (внутренне осознанной) этнической идентичности с формальной (предъявляемой или приписываемой этнической принадлежностью) связано с эмоционально-ценностным компонентом, который, объединяя переживание человеком тождественности с этнической общностью, удовлетворенность собственной этнической принадлежностью, оценку ее значимости, желание принадлежать к этнической группе, а также комплекс этнических чувств (гордости, любви, преданности, приверженности, солидарности, самоуважения и достоинства, обиды, стыда, вины, ущемленности, униженности и мн. др.), в целом отражает отношение индивида к факту собственной этнической принадлежности, его отношение к своей этнической общности в целом, а также ее оценку. Эта оценка может быть как позитивной, так и негативной.

Позитивная этническая идентичность является естественно сформировавшейся, нормальной, и наиболее распространенной для большинства людей. В этом случае чувство этнической принадлежности порождает ощущение стабильности, безопасности и защищенности.

Негативная этническая идентичность, являясь результатом неблагоприятного межэтнического сравнения, отражает негативную (или преимущественно негативную)

¹ Стефаненко Т.Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности. - По URL: <http://flogiston.ni/articles/social/ethnic/> См. также: Стефаненко Т. Этнопсихология. - М.: Институт психологии РАН, 1999; Абдулатипов Р.Г. Природа и парадоксы национального «Я». - М.: Мысль, 1991; Бажутина Т.О. Национальное сознание в динамике идентификации личности// Изв. СО АН СССР. История, философия и филология. - Новосибирск, 1992. - Вып.3. - С. 43-47; Ethnic groups and boundaries. The social Organization of culture differences. - London: Polity Press, 1989, и др.

² В разные исторические периоды у разных народов доминирующая роль как ведущих критериев этнической идентификации, так и этноидентифицирующих признаков может меняться. Посредством идентификации транслируются и усваиваются эталоны и этнические стереотипы поведения, нормы и ценности, традиции и обряды народа, осуществляется становление этнически обусловленного мировосприятия.

³ См., в частности: Павленко В.Н., Солдатова Г.У. Некоторые особенности самосознания этнического меньшинства// Свобода или воля (к проблеме национального определения и самоопределения). - Кишинев, 1994. - С. 76-92.

⁴ Панарин С. Русскоязычные у внешних границ России: вызовы и ответы (на примере Казахстана)// Диаспоры. - М., 1999. -№2-3; см. также: Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. - М., 1995. - С.131.

оценку представителей своей этнической группы. Этот феномен имел и продолжает иметь место в сознании определенной части русско-русскоязычного населения региона, хотя можно предположить, что во многих случаях декларирование негативизма может являться и своего рода защитной реакцией от реалий повседневной действительности. В ряде случаев - у части нетитульной молодежи постсоветского времени - подобный негативизм сформировался под преобладающим воздействием несемейных факторов: в учебных заведениях, под влиянием неправительственных организаций и т.д. Негативная идентичность чаще присуща представителям недоминантных этнических групп и этнических меньшинств и связана с комплексом таких чувств, обусловленных этнической принадлежностью, как неуверенность, неполноценность, униженность, ущемленность и др. Выделяют следующие виды трансформаций этнической идентичности: а) этническая индифферентность, б) гиперидентичность (национальный фанатизм, этноизоляционизм и этноэгоизм), в) гипоидентичность (этнонигилизм). Гипоидентичность характеризуется негативизмом по отношению к собственной этнической группе. Гиперидентичность сравнивают со своеобразным этническим нарциссизмом, базирующемся на этноцентризме. Проявлением крайних форм гиперидентичности является сверхпозитивное отношение к своему этносу, готовность к любым жертвам во имя его интересов наряду с выраженной нетерпимостью, враждебностью, даже ненавистью к другим народам.¹

Интересно отметить, что, несмотря на отсутствие «ощущения стабильности, безопасности и защищенности» для русских и русскоязычных граждан центральноазиатских республик после распада СССР (в данном случае - в контексте ожидавшихся поддержки и неких гарантий со стороны России), позитивная идентичность осталась основной для русских, живущих в регионе.

Российские соотечественники - в этом понятии в данном случае объединены в единое целое как русские, так и русскоязычные - явление уникальное. Часто встречаются попытки сравнивать положение русских и русскоязычных в бывшем СССР с положением представителей бывших метрополий в колониях после распада колониальных империй - Великобритании, в первую очередь. Но это принципиально неверный подход. Среднюю Азию Россия, по большому счету, не завоевывала. Русские, живущие здесь, никогда не чувствовали себя временщиками, колонистами, и, по сути, не были ими, любая из бывших союзных республик была для них частью большой Родины, а в некоторых случаях, как, например, в Северном Казахстане, на Украине, - и территорией исторического расселения. И для них эта территория была и остается их Родиной.

Общий анализ сегодняшнего состояния этой общности (в первую очередь русской, хотя многие из тенденций в одинаковой степени присущи и русскоязычной общности в целом) позволяет выделить ряд характеристик, в той или иной степени свойственных русским общинам всех стран центральноазиатского региона, хотя ключевым примером берется в основном Киргизия.

Первой из них является пресловутая разрозненность, практически полное отсутствие любых вертикальных связей между различными социальными категориями. Понятно, что эта общность не может быть - просто по факту - неким корпоративным сообществом, это может быть только не очень жестко структурированный союз разнообразных корпораций. Но выживает и становится полноценной только та общность, которой удастся соединить интересы различных социальных групп, в нее входящих.²

¹ См.: Рыжова С.В. Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках Российской Федерации (по материалам эмпирического исследования)//Суверенитет и этническое самосознание: идеология практик. - М., 1995. - С. 267-282; Солдатова Г.У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания//Познание и общение. - М., 1988. - С. 111-126; Ее же: Психология межэтнической напряженности. - М.: Смысл, 1998.

² В ином случае - в зависимости от множества факторов, включая и просто количественные показатели (например, для русских в Китае), и степень компактности проживания, - результатом становится либо миграция, либо ассимиляция.

Прежде всего - как наиболее важные в качестве идентификационных, - это интересы тех, кто является хранителем и/или носителем этнокультурного наследия. Это, без сомнения, интеллигенция, а точнее, если говорить о реалиях Киргизии, да и всех стран региона за исключением Казахстана и в какой-то мере Узбекистана, остатки того, что было нетитульной частью интернациональных (полиэтнических) интеллигенций этих республик. Результаты миграции и естественных демографических процессов полутора десятилетий сегодня с большим сомнением позволяют говорить о наличии этой социальной страты в структуре русскоязычных общин Киргизии, Таджикистана, да и всего региона. Показательным примером в этом плане может служить профессорско-преподавательский состав Киргизско-Российского Славянского университета (и в той же мере - Российско-Таджикского Славянского университета), где русскоязычные преподаватели составляют абсолютное меньшинство, существует большой дефицит квалифицированных профессорско-преподавательских кадров вообще, а в итоге к преподаванию все чаще и чаще привлекаются вчерашние студенты.

Во-вторых, это те, кто обеспечивает экономическую основу выживания общины. О феномене этнического предпринимательства существует много различных мнений: от констатации вынужденного характера этнического предпринимательства до того, что его определяют как «тотальное освоение территории под собственные экономические уклады»¹ и инструмент стратификации и противопоставления своих чужим и наоборот. Являясь стратегией выживания в условиях неблагоприятной социально-политической и экономической ситуации, в которой обычно находятся представители этнических меньшинств, предпринимательство, распространенное среди представителей этих групп, может способствовать их экономической и социальной мобильности и, в итоге, стабильному социальному статусу. Мировой опыт объясняет высокую профессиональную мобильность этнических мигрантов и этнических меньшинств вообще, включая и развитие этнического предпринимательства, социально-экономической маргинальностью недоминантных этнических сообществ. Этнические сообщества представляют собой в определенной мере изолированную среду, которая оказывает поддержку своим членам, передает опыт и квалификацию, обеспечивает рабочие места.² Предпринимательство становится своеобразным социальным амортизатором. По мнению А. Андреева, «...в бывшем СССР экономическая дифференциация этносов приобрела такие формы, которые делают невозможными прямые аналогии с другими странами».³ Это мнение справедливо, вероятно, в отношении этнического предпринимательства общин выходцев из республик бывшего СССР на территории России. Абсолютное отсутствие подобного в русско-русскоязычной среде постсоветских республик - по крайней мере, в странах Центральной Азии - можно, наверное, во многом объяснить как раз тем, что эта среда развивается не по диаспоральным, а по иным, еще не вполне установленным наукой законам. Тем не менее, в Киргизии и в любой центральноазиатской республике (за исключением, возможно, Туркмении) имеется немалое число русскоязычных предпринимателей. В Киргизии, например, существует значительный слой русскоязычных, занятых в сфере торговли, малого и частично среднего бизнеса и т.д. Главным условием их успешности является подчеркнутая лояльность к властям разных уровней, полная отстраненность как от политической сферы вообще, так и от проблем русскоязычных общин в особенности. Этническая «ориентированность» ярко проявлялась во время приватизации, и если сегодня проанализировать состав собственников большинства госпредприятий, ныне приватизированных, то там

¹ Андреев А. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства// Общественные науки и современность. — М., 1996. - № 1.-С. 111.

² Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия// Полис. — М., 1993. - № 5. - С. 85.

³ Андреев А. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // Общественные науки и современность. - М., 1996. - № 1. - С. 110.

очень мало фамилий не титульного происхождения. Подавляющее большинство крупных объектов того, что можно было бы отнести к этническому предпринимательству, это некие полутеневые, а то и вообще теневые структуры которые к субъектам нормальной экономики относятся в малой степени. Общим итогом является тот факт, что все русскоязычные представители этой сферы создать некую экономическую основу для консолидации общины просто неспособны.

В-третьих, это те, кто создает общественно-политические условия для сохранения этнической общины. Это могут быть партийные группы, депутаты в местных представительных органах и так далее. Вообще, русскоязычная номенклатура является абсолютно уникальной, хотя и весьма малочисленной, категорией. И в этом плане очень показателен пример как раз Киргизии, где в постсоветский период можно увидеть не так уж и мало русских на весьма высоких государственных должностях. Это обстоятельство не имеет ни малейшего отношения к собственно русским в республике. Участие отдельных представителей в структурах власти, скорее исключение, а не правило, и по сути - это попытки создать иллюзию того, что политическая жизнь республики имеет полиэтничный характер. Со стороны самих же представителей этой категории их участие в политике и государственном управлении - предмет не более как их личной карьеры. Именно в этой среде ярко проявляется (в подчеркнуто публичном контексте) негативизм по отношению к этнической идентичности. В этом же плане любопытно выглядит также уже устоявшийся феномен «русского премьера» в Киргизии, образ, активно эксплуатируемый в СМИ как некий знак прорусскости и пророссийскости политики киргизского руководства, но в реальности таковым отнюдь не являющийся.

Еще одна важная характеристика - отсутствие связей между существующими организациями российских соотечественников и собственно соотечественниками. В Киргизии проявляют себя около двух десятков организаций российских соотечественников. Некоторые из них распространяют свою активность в лучшем случае на одну-две тысячи человек - при самых оптимистических расчетах. В большинстве же случаев численность задействованных в этой активности людей исчисляется не более как сотнями, а чаще - десятками. Все эти организации не оказывают какого-то заметного влияния на ежедневную жизнь людей, и люди в основной своей массе просто не знают о них. Люди существуют, объединяются или эмигрируют в рамках личных, семейных или профессиональных связей. Нет влияния и более широкого - в плане значимых публичных инициатив в правовом, социально-экономическом, информационном и других полях.

Таким образом, в русскоязычной общине Киргизии отсутствуют, как таковые, все необходимые условия для диаспорального развития. Нельзя отнести к диаспоре любую группу лиц определенной национальности, если у них нет внутреннего стимула, потребности к самосохранению, что, в свою очередь, предполагает соответствующие организационные формы реализации этой потребности и определенное внутрigrупповое (внутриобщинное) структурирование. Этих структурно-организационных форм нет, а существующие являются имитацией, обеспечивающей необходимый социальный статус конкретным активистам, большинство из которых составляет группу так называемых «профессиональных соотечественников», рекрутируемых по стечению ряда обстоятельств преимущественно из числа социальных неудачников.

Примечательным моментом, в полной мере проявившимся к началу 2000-х гг., стало закрепление тенденции полной аполитичности русского населения республики. Прецеденты по созданию русскими политических партий или их участия в митингах и демонстрациях являются скорее единичными (это относится только к Казахстану) и не отражают общего состояния общин. На этом фоне очевидным представляется практическое бездействие уже имеющихся в республике общественных организаций русских.

Большинство объединений русских Киргизии являются организационно и финансово слабыми, их действия не координируются, добиться даже минимальной консолидации соотечественников им в большинстве случаев не удастся. Нет никаких оснований предполагать, что русские в Киргизии, как и в других республиках Средней Азии, способны успешно организовать для защиты своих интересов. Подавляющее большинство русского населения, согласно данным опросов, инертно, пассивно, не знает о деятельности русских центров, хотя и очень нуждается в организации, которая могла бы помочь им защитить свои права. У русских, будь то организованных или неорганизованных, во всех республиках Средней Азии нет сколько-нибудь реальной возможности защищать свои интересы обычным, политическим путем. Можно только согласиться с мнением О.И. Брусиной, которой одной из причин усиливающейся политической апатичности русских предлагается считать возвращение в общественную жизнь после распада СССР традиционных среднеазиатских институтов, предполагающих авторитарную модель управления, основанную на клановом устройстве общества. Русские же, в отличие от основной массы населения, не могут стать составной частью этой системы, они не могут ее понять и научиться адекватно реагировать, потому что это система очень «закрытая», недоступная для посторонних. «Для русских это - чужая, непонятная, совершенно неприемлемая форма социальной организации, не соответствующая их образу жизни...». Соответственно, «русские лишены необходимой базы для политической деятельности и социального продвижения в обществе...».¹

Парадоксально, но вся работа с российскими соотечественниками, ведущаяся по линии МИД РФ (прежде всего, это, конечно, касается посольств), сконцентрирована именно на юридически оформленных организациях, то есть, является по существу глубоко формальной. Получается, что эта работа, заметно активизировавшаяся в последние годы, затрагивает лишь очень малую часть русской общины, а также отдельные институты, каковым, например, в Киргизии является Киргизско-Российский Славянский университет.

Одной из причин происходящего, вне всякого сомнения, необходимо считать неизученность русской общины, отсутствие сколько-нибудь научной, объективной картины этого явления - демографической, социологической и других. Все имеющиеся оценки, к которым нередко апеллируют те или иные субъекты этой сферы (организации соотечественников, представители посольств и местных госструктур) в подавляющем большинстве случаев умозрительны, основаны на непрезентативной подборке фактов, не учитывают динамики происходящих изменений. Это обстоятельство, кстати, в определенной мере лежит и в основе тех недостатков, которые испытывает в своей реализации - при всем энтузиазме работников представительств ФМС РФ - программа содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. При том, что интересы разных групп русских, проживающих в Средней Азии достаточно разнообразны, вовлечение их в эту программу тоже должно быть дифференцированным, но картины этого разнообразия попросту нет.

Непринятие во внимание обозначенных и ряда других факторов существования русских общин в странах центральноазиатского региона создает условия для дальнейшего усиления этнократического давления на нетитульное население республик региона. В этой ситуации странным выглядит то обстоятельство, что Россия продолжает отказываться от какого-либо увязывания своей политики по отношению к конкретной стране с положением российских соотечественников в этой стране. Использование возможностей диаспор и родственных этнических групп для лоббирования тех или иных интересов страны является нормальной политической практикой современного мира, уместно

¹ Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. - М.: Центр Карнеги, 1998. - С.48-52.

вспомнить о практике еврейских, армянских, а в последние десятилетия и китайских лобби на самых высоких уровнях в огромном количестве стран. Столь же нормальной, хотя и менее распространенной, является практика защиты прав этнических соотечественников, проживающих на территории другой страны. У России, имеющей огромное количество жизненно важных для нее интересов на постсоветском пространстве, нет никаких причин к тому, чтобы не использовать эти возможности. Пока же российские соотечественники, помимо иного, - это не используемый Россией ресурс в диалоге со своими постсоветскими партнерами.

Динамика миграции из Киргизии (1979-1997 гг.)

В период с 1979 по 1989 годы национальный состав проживающего в республике населения изменялся, в основном, за счет естественного прироста, и каких-либо резких миграционных всплесков не наблюдалось. Но уже в конце 80-х годов стала заметна тенденция к миграции по некоторым национальностям.

Геополитические изменения постсоветского периода повлекли за собой рост динамики и изменения демографической ситуации. Значительно увеличился отток из республики русскоязычного населения. С 1991 по 1998 годы республику покинуло только 300 тысяч славянского населения. Численность русских уменьшилась более чем на 200 тыс. человек, украинцев на 40 тыс. человек. Весьма высокая миграция немецкого населения, количество которого снизилось с 70 тыс. (1991 г.) до 17,3 тыс. (1997 г.), в этот же период из республики выехали почти три четверти еврейского населения. При этом численность киргизов возросла с 2371,6 тыс. человек (1991 г.) до 2781,1 тыс. человек (1997 г.). Узбекская диаспора Киргизстана за этот же период выросла с 580 тыс. человек до 653,3 тыс., количество казахов возросло с 39,5 тыс. человек до 42,4 тыс. человек.

Внутренняя политика киргизского государства на протяжении постсоветского времени вольно или невольно, но всегда провоцировала вынужденную миграцию, которая с 1989 по 1998 годы составила более 500 тысяч человек.

Из каждых выбывших 1000 человек населения, наибольший показатель среди немцев - 285,3, евреев - 236,4, татар - 148, украинцев - 134, белорусов - 114, русских - 112,7. Позднее темпы миграции снизились, но она продолжается и дает основание утверждать, что в условиях проводимой политики руководства Киргизии приоритет по-прежнему отдается представителям киргизской национальности.

В частности, укоренившаяся монополизация в подборе и расстановке кадров в структурах государственного управления не способствует укреплению межнациональных отношений в полиэтническом государстве. К примеру, при изучении состава руководящих кадров в 1996 году в городе Чуй-Токмок было установлено, что руководство милиции, прокуратуры, таможенной инспекции представлены полностью только киргизами, хотя демографически население города и района более чем на 60 процентов состоит из представителей других национальностей. Аналогичная картина наблюдалась во всех районах Чуйской области.

К вопросу об этнокультурной и социально-политической структуре русских в Киргизии¹

Л.Ю. Немешина, канд. истор. наук, доцент Киргизско-Российского Славянского университета

Официально провозглашенный и получивший конституциональное закрепление, зафиксированный в многочисленных международных обязательствах, стратегический политический курс Киргизстана декларирует строительство демократического, правового государства, защищающего интересы и достоинство всех граждан многонационального общества. В то же время, создаваемое после распада СССР государство в Киргизии носит все более очевидные признаки этнократического. При этом процессы демократизации, обновления всех сфер жизни, начавшиеся на начальном этапе государственного строительства, открыли, в частности, новые возможности для изменения условий жизни всех этнических групп.

Активный рост самосознания национальных меньшинств, формирование национально-культурных и общественных движений, возрождение этнических традиций и тех форм культуры, которые латентно функционировали в течение многих десятилетий, другие явления, связанные с названными процессами, буквально за несколько лет самым существенным образом изменили этнокультурную и общественно-политическую ситуацию в Киргизии.

Для того чтобы адекватно оценить современное состояние государства, качество преобразований политической и социально-экономической системы, определить перспективы его развития, нужно знать структуру, особенности мышления и поведения, культуру народа, его национальные ориентации и многие другие этнические аспекты.

Изучение многонационального населения республики, а в Киргизстане проживают представители свыше восьмидесяти этносов, возможно путем исследования его составных элементов - этнических групп, составляющих единый народ Киргизстана. Необходимость такого рода исследования подтверждена развитием современной жизни нашего общества, а также последними событиями, связанными с миграционной ситуацией русскоязычного и русского населения, дискуссиями о принятии двойного гражданства, развитием киргизско-российских отношений, исторически сложившейся ролью русских в социально-экономической сфере общества. Изучение культурных черт русских, проживающих вне России, как составной части общего фонда русской культуры, необходимо также для характеристики культурных особенностей русской нации в целом.

История сложения русской группы на киргизской земле достаточно продолжительна. Первые поселения русских в регионе известны с начала XIX в. Однако хронологические рамки начального этапа формирования этой группы определяются обычно серединой XIX в. Именно в этот период уместно говорить о появлении так называемых «диаспоральных признаков»: этнического самосознания, территориальных особенностей материальной и духовной культуры, поведенческих признаков, отмеченных еще современниками переселенцев: «...коренное русское население азиатских владений империи, состоящее из потомков их завоевателей и первых засельщиков, носит на себе глубокие следы своего исторического прошлого, существенно и во многих отношениях отличающие его от коренного русского населения Европейской России. В их характере под влиянием новых условий появляются некоторые особенности: большое сознание собственного до-

¹ Статья подготовлена на основе предыдущей публикации автора: Немешина Л. Русские в Киргизии: этнокультурная и социально-политическая структура// Русский мир в Центральной Азии. Сборник статей и материалов. Выпуск 1. — Бишкек: Общественный фонд Александра Князева, Центральноазиатский институт русской диаспоры, 2007. - С. 34-54.

стоинства, самоуверенность... вызванные... влиянием природы и соприкосновением с инородческими племенами».¹

Первыми русскими, ступившими на киргизскую землю, были путешественники, географы, дипломаты. В их плееду входят П.П. Семенов-Тянь-Шанский (1827-1914), первый русский ученый, проникший в Центральный Тянь-Шань, изучавший природу и быт Киргизстана, зоолог и путешественник Н.А. Северцов (1827-1885), совершивший на территорию Киргизстана три экспедиции, И.В.Мушкетов - первый геолог Тянь-Шаня, А.П.Федченко (1844-1873), путешественник, исследователь быта, особенностей хозяйства киргизов южной части края, дипломаты И.С.Ушковский (1717-1825), Г.И.Рычков (1712-1877), Ф.Ефремов (1750-1811) и другие. Подвижников, направлявшихся в регион, было много: в течение XIX в. более 40 специализированных комплексных экспедиций (геологических, почвенно-биологических, гидротехнических) были организованы в край. Неоднократно выходили в свет сообщения о научно-теоретической и практической деятельности русских исследователей по изучению горного края.²

Относительно сложения этнической группы русских, приобретшей диаспоральные черты, следует отметить, что проникновение этой категории русских в край следует датировать началом XIX в., именно в этот период представители группы начинают массово заселять отдельные территории Средней Азии и Казахстана.³ В этот период немногочисленные группы русских находились, в основном, в западных, восточных и северных областях современной территории Казахстана, где проживало около 129,2 тыс. человек из числа русских - дворян, штатских служащих, мещан, купечества, крестьян, казаков, духовенства, горнозаводских рабочих, старообрядцев.⁴

На значительной части Средней Азии, в том числе на территории Киргизстана, массовое переселение русских проходило лишь с середины XIX в. В переселении (середина XIX - начало XX в.) отмечались как периоды активизации, так и периоды спада.

Начальный период переселенческого движения на территорию Киргизстана (1860-1890 гг.) характеризуется появлением крестьянских переселенческих поселений в Чуйской и Таласской долинах, в Прииссыккулье и на юге республики. Первое крестьянское поселение Аламедин в Чуйской долине было основано на линии почтового тракта в 1868 г., где водворились около 300 семей, прибывшие из Воронежской губернии. В последующее десятилетие аналогичные селения появляются на Иссык-Куле: Преображенское (низовье Тюпа), Сазановское (на р. Кунгей Аксу), Каракол и др.

Второй этап переселенческого движения русского населения в Киргизию (1897-1905 гг.) характеризуется вольной колонизацией, сопровождавшейся неорганизованностью и стихийностью. Хотя центральные правительственные власти, конечно, регулировали переселенческие потоки в Туркестанский край. В целом, по данным 1897 г., русские были представлены по трем областям Туркестана в следующих пропорциях: Семиреченская - 95,4 тыс. человек, Ферганская - 9,8 тыс. человек, Сырдарьинская - 44,8 тыс. чело-

¹ Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом, - СПб, 1914- С.178.

² Проблематике русского сподвижничества в культурной сфере в Киргизии посвящен ряд исследовательских работ, см., например: Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество 1842-1904. - М., 1972; П.П. Семенов-Тянь-Шанский, его жизнь, деятельность, - Ленинград, 1928; Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. - Ташкент, 1965; Воропаева В.А. По тропе времени. - Бишкек, 2003; История отечественного востоковедения до середины XIX века. - М.: Гл. ред. вост. лит.,1990; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. - М.: Вост. лит.,1997; Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. - Ташкент: Наука, 1965; Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь\ М.К. Басханов. - М.: Вост. лит.,2005; Колесников А.А., Матвеева М.Ф. Ош глазами русских исследователей. - Бишкек, 2003; Колесников А.А. Русские военные исследователи Азии. - Душанбе: Дониш, 1997; его же. Исследователи Центральной Азии// Вестник АН Каз.ССР. - Алма-Ата, 1990, № 11; его же. Востоковедная деятельность русских офицеров (конец 19 - начало 20 вв.)// Материалы XVIII научной сессии по историографии и источниковедению. — СПб, 1995 и др.

³ Брук С.И., Кабузон В.Н. Динамика численности и расселения русского этноса. 1978-1917 //Советская этнография. - Москва, 1982.— № 4.- С.10-11.

⁴ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии в последней четверти XVIII в. - 60-х гг. XIX в.,-М., 1980,-С. 166.

век.¹ Переселенцы-крестьяне из числа русских третьего этапа (1906-1910 гг.) по своему социальному составу отличаются от таковых двух предыдущих периодов. До 1906 г. основная их масса принадлежала к среднеобеспеченным, бедняцкому крестьянству, а зажиточные крестьяне составляли меньшинство. Данные обследований переселенческих поселков 1906-1908 гг. свидетельствуют о новой тенденции, когда половину переселенцев составили разорившиеся крестьяне-бедняки: 23,3% «заведомо бедняцкие слои крестьянства, имеющие до 2 десятин земли»². Это, в свою очередь, способствовало формированию социально активного слоя общества и изменению социального состава русских Киргизстана. В регионе формируется относительно стабильная этносоциальная группа. Самовольное переселение и оседание крестьян на новой территории вели, в том числе, и к формированию отношений, не предусмотренных царской колониальной политикой.

В период столыпинских реформ заселение русскими региона приобрело массовый характер. О значении переселения в приросте населения Северного Киргизстана этого периода можно судить по данным областных и уездных переселенческих организаций края и местной администрации. Если с 1861 по 1885 гг. в край переселилось около 300 тыс. человек, а в 1885-1905 гг. более 1,5 млн. человек, то в 1906-1910 гг. - свыше 2,5 млн. человек.³

Четвертый период переселенческого движения в край (1911-1917 гг.) - следующий этап в формировании русской группы Киргизстана. Принятие закона 1910 г. определяет его основное содержание: продолжение осуществления политики «нового курса» в аграрной сфере. По сути, этот закон утвердил права на неограниченное изъятие земель «излишних для кочевников» и передачу их «во введение главного управления землеустройства и земледения... в видах наилучшего обеспечения интересов кочевого населения».⁴ Продолжалось насаждение хуторской и отрубной системы хозяйства с «политическим преобладанием в Туркестане русской народности, что должно быть закреплено и хозяйственной ее силой».⁵ В целом, с 1906 по 1916 гг. для переселенцев было отведено: в Семиреченской области - 974 участка (1481558 десятин), в Сырдарьинской - 31,3% земель, в Ферганской - 1041 участок (749855 десятин земли).⁶

С начала переселения формируются и основные этносоциальные признаки русской группы. В производственно-отраслевой структуре Киргизстана уже с середины XIX - начала XX вв. характер хозяйственных занятий дифференцированно приобретал городскую и сельскую направленность, что в первую очередь было связано с увеличением числа городов и численности городского населения. Уже в это время русские вносят свой решающий вклад в индустриальную летопись истории Киргизии. В 1990-х гг. в край проникают промышленные, финансовые и торговые предприниматели, инвестирующие в разработку природных богатств края, развитие сельскохозяйственных отраслей, открытие банков и торговых учреждений. Развитие капиталистических отношений способствовало появлению и расширению в крае промышленного сектора, а также общему росту производительных сил. В этот же период здесь появляются и первые представители русского рабочего класса, способствовавшие развитию в крае кустарного производства, появлению небольших промышленных предприятий. Это люди, которые «ищут применения своему

¹ Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом.- Санкт-Петербург, 1914,- Т.1.- С. 82.

² Галузо П.Г. Туркестан - колония. (Очерки истории Туркестана от завоевания русских до революции 1917 года).- М., 1929.- С.102.

³ Хелимский Е.И. Переселенческое движение в Киргизстан (вторая половина XIX - начало XX в.) //Русские в Киргизстане - Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002,- С. 86.

⁴ Хелимский Е.И. Переселенческое движение в Киргизстан (вторая половина XIX - начало XX в.) //Русские в Киргизстане.- Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002,- С. 94.

⁵ Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX - начале XX в. (социально-экономический аспект).- Ташкент, 1983,- С. 69.

⁶ Материалы по земельному вопросу,- Петроград, 1918,- С.30.

труду, закладывают зерно промышленной колонизации наших окраин».¹ Именно они стояли у истоков формирования «промышленной элиты» русских Киргизстана, сыгравших значительную роль в формировании отличительных черт русских Киргизстана.

Следует отметить, что на этом этапе уже отчетливо наблюдается тенденция к сложению определенных этнических признаков, характеризующих материальную культуру русской группы. Именно в начальный период формирования зарождаются историко-социальные, культурные, нравственные особенности русских Киргизстана, наблюдается сложение их этнического самосознания. Это было отмечено еще современниками переселенцев: «...Коренное русское население азиатских владений империи, состоящее из потомков их завоевателей и первых засельщиков, носит на себе глубокие следы своего исторического прошлого, существенно и во многих отношениях отличающие его от коренного русского населения Европейской России. В их характере под влиянием новых условий появляются некоторые особенности: большое сознание собственного достоинства и самоуверенность».² Уже в этот период идет деление на «старожилов» и «новоселов», при этом первые, являясь коренными жителями, обладают рядом характерных черт, обусловленных «влиянием природы и соприкосновением с инородческими племенами».³

Советский период формирования этнической группы - этап количественного роста русских в Киргизстане, а также качественного изменения их места в социально-политической, хозяйственной и культурной жизни республики, когда происходит формирование субкультуры русских. Процесс формирования национального сознания русских Киргизстана был обусловлен рядом факторов, в числе которых изменение географических и природно-климатических условий жизни. Расселение русских в регионе, появление региональных отличительных характеристик в хозяйстве и быте оказали влияние на сложение особенностей русского характера, приобретшего азиатские черты, наряду с сохранением исконно «русских черт характера».⁴

Формирование русской группы Киргизстана советского периода целесообразно ограничить временными рамками, довольно обширного отрезка времени, условно делимого на двадцатилетия. Каждый из подпериодов характеризуется определенными качественными изменениями социальной роли русских в общественно-политической структуре государства.

Для первого постреволюционного двадцатилетия (1920-1940-е гг.) характерна значительная миграция населения, вызванная, с одной стороны, голодом, разрухой, политическими гонениями в центральных областях России, а с другой - спланированной правительственной политикой переселения квалифицированных рабочих и специалистов в «отсталые» районы для осуществления промышленной перестройки и освоения природных богатств края.

Таким образом, переселенческая политика правительства по-прежнему оставалась приоритетным фактором роста русского населения республики, хотя не последнюю роль в миграции русских занимало и так называемое «индивидуальное переселение» в южный край. В этот период наблюдается тенденция формирования новых отличительных черт и качественных показателей русских Киргизстана: производственная ориентация группы, рост промышленной культуры и образования этнических русских, повышение их профессиональной роли в промышленном секторе республики. Так, если в 1926 г. русские составляли 24,9% от общей численности рабочего класса республики, то к 1939 г. в 125-

¹ Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г.- СПб., 1912 — С.III.

² Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом.- СПб., 1914,- С.178.

³ Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом.- СПб., 1914,- С. 179.

⁴ Подопригора В.М., Краснопевцев Т.И. Русский вопрос в современной России //Вопросы философии,- 1995.- № 6.- С. 66.

тысячном отряде рабочих численность русских увеличилась до 42,9 %.¹ Переселяющиеся из России преподаватели, врачи, инженеры, техники, ученые, квалифицированные рабочие, деятели культуры, наряду с представителями других национальностей, сыграли заметную роль в становлении и развитии основных отраслей промышленного сектора, здравоохранения, образования, науки и культуры республики. Для этнической русской группы характерен также и высокий процент представленности в среде работников сельского хозяйства.

Численный состав русских Киргизстана в следующий период, 1950-1970-е гг., имел устойчивую тенденцию роста. В целом, в 1926-1979 гг. доля русских, проживающих вне РСФСР, во всем русском населении СССР возросла с 6,7% до 17,4%.²

Важным фактором количественного роста русских Киргизстана являлся и естественный прирост. Наиболее результативными показатели оказались в 1960-е гг., когда естественный прирост составил 9,4%,³ опередив по значимости количественного роста, миграцию, как основной источник увеличения численности русских республики. Хотя, по мнению ряда исследователей, увеличение русского населения в Киргизстане было обусловлено не столько его естественным ростом, сколько этнотрансформационными процессами, то есть, идентификацией себя с русскими части украинского и белорусского населения,⁴ и фиксацией в документации новорожденных детей от национально-смешанных браков русских с представителями других этносов в пользу русской национальности.

Объективными факторами количественного роста русских в этот период можно также считать оседание эвакуированного населения из районов центральной России; миграцию трудовых ресурсов из центральных российских областей на окраины, открывающие перспективы профессионального роста и увеличивающие численность вакантных мест в регионе; высокую материальную базу расширяющегося производства.

В следующее десятилетие, 1980-е - начало 1990-х гг., темпы прироста русского населения Киргизстана сокращаются, что было обусловлено сложившейся в этот период в СССР в целом демографической обстановкой, когда в естественном движении населения произошло снижение рождаемости. Прирост числа русских в общей численности населения республики отмечался с 1950-х гг., когда он опережал аналогичные показатели по всему среднеазиатскому региону. По данным переписи 1959 г., доля русских в населении Киргизстана составила 30,2%.⁵ В 1970-1979 гг. показатели прироста достигли отметки 6,5 %, что составляло 56 тыс. человек и почти соответствовало среднему показателю по стране.⁶ А к 1979 г. удельный вес русских снизился до 25,9%, что было обусловлено более высоким естественным приростом у киргизского населения в сравнении с русским.

С середины 1980-х гг. кризисные явления в обществе, связанные с резким спадом экономики, усилением этнократических настроений, социальной напряженностью, разжиганием локальных национальных конфликтов, стали причиной усиления миграционных процессов во всех союзных республиках, в том числе и в Киргизстане. Отток русских из региона привел к тому, что их доля в населении республики быстро снизилась до 21,5%.⁷ Но, несмотря на снижение удельного веса русских в населении республики, Киргизстан по-прежнему выделялся из всех среднеазиатских республик наиболее высокой количественной долей представителей данной группы. Аналогичная ситуация, свя-

¹ Кравченко Т.Ф. Участие русских и других славянских народов в промышленном развитии Киргизстана в 20-30-е гг. XX в. // Русские в Киргизстане, - Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. - С. 123 -124.

² Русские: этносоциологические очерки. - М., 1992 - С.18.

³ Орусбаев А. Этноязыковая ситуация в Киргизии //Очерки языковой практики в Киргизии. - Фрунзе: Илим, 1985,- С.10.

⁴ Русские: этносоциологические очерки. - М., 1992. - С. 28.

⁵ Население СССР,- М., 1989,- С.124-129.

⁶ Субботина И.А. Русская диаспора: Численность, расселение, миграция //Русские в новом зарубежье: Киргизия.- М. 1995. - С.57

⁷ Население СССР,-М., 1989,-С. 124-129.

занная с сохранением высоких численных показателей русских в населении республики, сохраняется практически до конца 1980-х гг., что наглядно видно из табл.1

Таблица 1. Доля русских в населении республик Средней Азии (в %)⁴

Республики	1959	1970	1979	1989
Киргизстан	30,2	29,2	25,9	21,5
Таджикистан	13,3	11,9	10,4	7,8
Туркмения	17,3	14,5	12,6	9,5
Узбекистан	13,5	12,5	10,8	8,4

Уменьшение численности русского населения Киргизстана определялось главным образом социально-политической ситуацией, имеющей тенденцию к коренным преобразованиям в стране. В начале 1980-х гг. приток русских в республику уменьшился, а с середины 1980-х гг. наблюдается отток русскоязычного населения из республики, что и снижает показатели численности русских. Так, за десятилетие 1979-1989 гг., численность русских возросла лишь на 0,5%, их количество составило 916,6 тыс. человек,² а в южных регионах республики произошло сокращение численности русского населения. В 80-е гг. процесс сложения и развития группы характеризовался дальнейшим повышением степени концентрации русских в столице (г. Фрунзе) при очевидном одновременно сокращении их доли в городском населении. Такая ситуация была обусловлена множеством факторов: общий отток русского населения из республики, увеличение миграционного потока киргизского населения в города, более высокие показатели естественного прироста киргизов в сравнении с русскими. Так, если доля русских в городах республики в 1979 г. составила 35,5%, то в 1989 г. она увеличилась до 37,2%, при этом в населении г. Фрунзе составляла 61,6% и 55,8% соответственно.³

При этом следует отметить увеличение доли старожильческого населения русских Киргизстана. К 1989 г. более половины городского русского населения было представлено уроженцами этих мест.⁴ Ситуация в среде сельского русского населения была аналогичной. И, следовательно, можно говорить об уже устоявшейся структуре русских, претерпевшей некоторые изменения в последующий период развития группы в условиях суверенного Киргизстана.

В целом на протяжении 1959-1989 гг. динамика численного состава русских Киргизстана имела тенденцию роста при уменьшении общей доли прироста в структуре населения и сохранении довольно высокого удельного веса в населении республики в целом (табл.2).

Таблица 2. Динамика численности русских в Киргизстане (тыс. чел)⁵

Годы	1959	1970	1979	1989	Прирост за период i в %)		
					1959-1970	1970-1979	1979-1989
	623,6	855,9	911,7	916,6	37,2	6,5	0,5

¹ Таблица рассчитана по: Население СССР- М., 1989 - С. 124-129; Субботина И.А. Русская диаспора: численность, расселение миграция //Русские в новом зарубежье: Киргизия,- М., 1995,- С.58-60; Ситнянский Г. Киргизия: национальные проблемы внутренние и внешние //Центральная Азия. Независимый общественно-политический журнал. - 1998,- №3 (15). - С. 77; Киргизстан в цифрах: Стат. сб. 1995.-Бишкек, 1997,-С.18.

² Субботина И.А. Русская диаспора: численность, расселение, миграция //Русские в новом зарубежье: Киргизия,- М., 1995 — С. 56.

³ Субботина И.А. Русская диаспора: численность, расселение, миграция //Русские в новом зарубежье: Киргизия,- М., 1995,- С. 61.

⁴ Субботина И.А. Русская диаспора: численность, расселение, миграция //Русские в новом зарубежье: Киргизия,- М., 1995,- С. 62.

⁵ Таблица составлена по: Субботина И.А. Русская диаспора: численность, расселение, миграция //Русские в новом зарубежье: Киргизия,-М., 1995,- С.58-60; Население СССР,-М., 1989.-С. 124-129; Киргизстан в цифрах: Стат. сб. 1995.-Бишкек, 1997.-С.18.

Советский период стал отдельным и особым этапом сложения этносоциальных признаков русских Киргизстана. Этот период характеризовался относительно стабильной динамикой численного роста, оформлением социально-профессиональной структуры, качественными изменениями места и роли русской этнической группы в социально-политической, хозяйственной и культурной жизни республики. Одновременно он характерен перманентным формированием диаспорального национального сознания, которое выразилось в появлении региональных отличительных характеристик в хозяйстве и быте, оказавших в свою очередь влияние на особенности русского характера, приобретшего, наряду с сохранением исконно «русских черт»¹ и азиатские черты.

С 1991 года изменения политического, экономического, социального характера привели к коренным переменам в жизни нашего общества. Распад СССР, демократизация и суверенизация бывших союзных республик, объявление конституционными и законодательными актами их независимости изменили условия существования и развития этнических групп, составлявших единый советский народ. Это обусловило трансформацию места и роли русских на всем постсоветском пространстве, в том числе и в Киргизстане.

Подъем национального самосознания, резкий спад экономики, ухудшение социальных условий, усугубленное перераспределением собственности, рост безработицы и инфляция, падение уровня жизни спровоцировали социально-экономическую нестабильность, социальный дискомфорт и резко усилили миграционные процессы, пик которых пришелся на 1993 г., когда из Киргизстана выехало 120,6 тыс. человек² - 89,9 тыс. человек из которых составляло русскоязычное население.³

На начальном этапе периода суверенизации причиной миграции русского населения из республики стало значительное ухудшение социально-экономической базы государства. В 1989-1993 гг. наблюдается снижение национального дохода и объемов промышленного производства, резкое увеличение потребительских цен, стремительная инфляция. Так например, с 1991 по 1994 гг. среднегодовой рост цен составил 822,7%,⁴ что при резком сокращении производства привело к стагнации основных отраслей промышленности. К концу 1994 г., число официально зарегистрированных безработных достигло 70,6 тыс. человек.⁵

Перечисленные факторы были основной причиной миграции русскоязычного населения из региона. Факторный ряд миграционных настроений можно дополнить изменением статуса данной группы населения; развитием социального дискомфорта, вызванного принятием «Закона о государственном языке» 23 сентября 1989 г., понизившего значение и роль русского языка в жизнедеятельности многонациональной республики. В этом же ряду - усиление этноцентристской доминанты в создании нового независимого государства. Освобождение от занимаемых должностей некоторых представителей русскоязычного этноса стали социальным фоном для потенциальных мигрантов.

Интенсивность миграционных процессов этого периода привела к сокращению общей численности населения Киргизстана. Так, если в 1993 г в Киргизстане проживало 4502,0 тыс. человек,⁶ то в 1994 - 4462,6 тыс. человек.⁷ И если в 1993 г. в республике проживало 840,5 тыс. человек русской национальности, то к 1994 г. их количество со-

¹ Подопригора В.М., Краснопевцев Т.И. Русский вопрос в современной России //Вопросы философии - 1995 - № 6. - С. 66.

² Социально-экономические проблемы миграции населения Киргизской Республики. (1991-1996 гг.). - Бишкек, 1997. - С.77.

³ Социально-экономические проблемы миграции населения Киргизской Республики. (1991-1996 гг.). - Бишкек, 1997 - С. 85.

⁴ Социально-экономические проблемы миграции населения Киргизской Республики. (1991-1996 гг.). - Бишкек, 1997 - С. 37.

⁵ Социально-экономические проблемы миграции населения Киргизской Республики. (1991-1996 гг.). - Бишкек, 1997 - С.37. Этот показатель не отражает реального положения - число безработных достигло отметки гораздо выше 200 тыс. человек.

⁶ Этнический мир: Информационно-аналитический бюллетень - Бишкек, 2000 - Май - С.6-7.

⁷ Социально-экономические проблемы миграции населения Киргизской Республики. (1991-1996 гг.). - Бишкек, 1997. - С. 6.

кратилось до 756,3 тыс.¹ К началу десятилетия, по статистическим данным на 1990 г., в республике проживало 917,5 тыс. русских.²

В уменьшении численного состава русского населения во второй половине 1990-х гг. немаловажную роль, как и ранее, играет и сокращение естественного прироста этнической группы. Довольно высок процент смертности русского населения, составивший, например, в 1994 г. 12,9 человек на 1000 человек населения,³ что является одним из наиболее высоких показателей среди аналогичных по республике.

В целом, количественные показатели представителей группы, а также удельный вес русских в населении республики в обозначенный период показан в табл.3.

Таблица 3. Численность русских в населении Киргизстана в 1990-е гг. (тыс. чел.)⁴

Годы	Все население	Киргизы	Русские	Доля в общей численности населения (в %)		
				Все	Киргизы	Русские
1990	4367,2	2298,4	917,6	100	53,0	21,2
1991	4422,2	2371,6	905,4	100	54,0	20,6
1992	4484,5	2450,4	888,7	100	55,0	20,0
1993	4502,0	2526,4	840,5	100	56,6	18,8
1994	4462,6	2595,7	756,3	100	58,6	17,1
1995	4483,4	2656,1	720,0	100	59,7	16,2
1996	4512,4	2720,8	707,5	100	60,3	15,7
1998	4574,1	2781,1	698,1	100	60,9	15,2
1999	4822,9	3128,1	603,2	100	60,6	12,5

Таким образом, 1990-е гг. стали переломным этапом в развитии русской группы Киргизстана. В этот период произошло качественное изменение устоявшихся традиций этнической группы. Выезд представителей русского этноса из республики отразился не только на качественном составе группы, но и на экономическом и социальном положении государства, интеллектуально-профессиональном составе населения Киргизстана. В структуре русского населения произошли коренные изменения социального характера. Потеря высококвалифицированных работников во всех сферах общественной жизни страны, трудоспособного русского населения, являющегося одним из участников процесса реконструкции и развития экономики, изменения политической и социальной жизни, отразились и на русских Киргизстана. С 1998 г. демографическая ситуация в Киргизстане претерпела особенно существенные изменения. Наблюдается стабилизация миграционных потоков, «обратный процесс», когда русские мигранты, не адаптировавшиеся к иной общественной среде, возвращаются в республику.

Таким образом, в период формирования русского населения Киргизстана в динамике численности и расселения представителей этого этноса сложились определенные исторические характеристики, которые отчетливо проявились в преимущественной кон-

¹ Демографический ежегодник Киргизской Республики. 1996 год - Бишкек, 1997.- С.34-35.

² Демографический ежегодник Киргизской Республики. 1996 год.- Бишкек, 1997.- С. 34-35.

³ Сводный том с некоторыми итогами послевоенной переписи населения,- Бишкек, 1992,- С.34—35. Демографический ежегодник Киргизской Республики. 1993 год.—Бишкек, 1994,-С.70.

⁴ Таблица составлена по: Демографический ежегодник Киргизской Республики. 1996 г. - Бишкек: Нацкомздат,1997.- С.34-36; Социально-экономические проблемы миграции населения Киргизской Республики. (1991-1996 гг.).- Бишкек, 1997.-С.6.,34-36; Киргизстан. Общая оценка состояния страны,- Бишкек, 1999,- С.38; Основные итоги Первой Национальной переписи населения Киргизской Республики 1999 года,- Бишкек, 2000,- С.27; Этнический мир: Информационно- аналитический бюллетень,- Бишкек, 2000. - Май.-С. 6-7.

центрации русских в северном регионе республики, в трансформации и развитии городской русской культуры, в социально-профессиональных установках, а также в отсутствии ярко выраженных мест их компактного проживания.

Одним из факторов процесса сложения национальной группы является образовательный уровень. Именно интеллектуальный потенциал народа позволяет судить о его месте и роли в истории того или иного государственного объединения. Образование как одна из форм развития национальной культуры служит приобщению к инациональным культурным ценностям.

Для русского населения Киргизстана, как впрочем, и для любого другого народа, проживающего в инациональной среде, характерен более высокий образовательный уровень в сравнении с представителями национальности, проживающими на «исторической родине», то есть в России. Это обусловлено социально-профессиональными и демографическими условиями, в которых находятся представители этнических групп. Оказываясь в ситуации жестокой конкуренции, востребованности высококвалифицированных специалистов, представители этнических групп изначально ориентированы на получение образования. Немаловажную роль играют и исторически сложившиеся традиции русской интеллигенции Киргизстана, бережно передающиеся из поколения в поколение и имеющие глубокие корни, а также высокая степень урбанизации русского населения республики. Уже среди первых русских переселенцев конца XIX - начала XX в. было немало горожан со сравнительно высоким образовательным потенциалом, представителей интеллигенции, способствующих развитию таких областей знания края, как просвещение, медицина, образование. Отметим, что среди переселенцев было немало и горожан со сравнительно высоким образовательным уровнем, представителей русской интеллигенции, заложивших фундамент развития целого ряда областей знания Киргизстана: образования, медицины.

С середины 1950-х гг. повышается общий образовательный уровень русских Киргизстана с ориентировкой на получение среднего специального образования, причем так же, как и при получении высшего образования, приоритетным является техническое направление. Так, в 1959 г. среди русских высшее образование имели (в расчете на 1000 человек в возрасте 10 лет и старше) 30 человек, незаконченное высшее - 13, среднее специальное - 73, среднее общее - 72, неполное среднее - 236 на 1000 человек русского населения.¹ В 1970 г. высшее образование имели 40 из 1000 человек, незаконченное высшее - 15, среднее специальное - 90, среднее общее - 124, неполное среднее - 261 человек.² В последующее десятилетие наблюдается увеличение числа, имеющих высшее образование среди русского населения Киргизстана почти в 2 раза, и в 1,5 раза увеличивается число лиц, имеющих среднее специальное образование (в сравнении с показателями 1970 г.). Происходит сокращение численности русских, имеющих неполное среднее и начальное образование. Так, по данным на 1979 г. русских (в расчете на 1000 человек в возрасте 10 лет и старше) с высшим образованием насчитывается 81 человек, незаконченным высшим - 16 человек, средним специальным - 203 человека, неполным средним - 240 человек, начальным - 226 человек.³ На 1979 г. уровень занятого населения в среде русских республики по-прежнему остается высоким. Данные показатели составляют 114 человек, имеющих высшее образование, 262 - среднее специальное из расчета на 1000 человек.⁴

Для русских Киргизстана в этот период была характерна представленность в среде «массовой» интеллигенции. Находясь в инациональной среде, русские, как правило,

¹ Русские: этносоциологические очерки. - М., 1992, - С. 238.

² Русские: этносоциологические очерки. - М., 1992, - С. 236-238.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения по Киргизской ССР. Т.1. - Фрунзе, 1972 - С.174-175.

⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения по Киргизской ССР. Т.1. - Фрунзе, 1972.- С. 174-175.

чаще получали образование в специальных учебных заведениях, причем технического направления, пополняя слой уже почти традиционно преимущественно русской технической интеллигенции. Второй по значимости сферой приоритетного образования для русских являлось высшее образование с ориентацией на принадлежность в дальнейшем к среде массовой интеллигенции (врачей, учителей и т.д.). При этом и здесь русские студенты в большей степени отдавали предпочтение техническому направлению. Значительно меньше обучались по гуманитарному направлению и, тем более, выбирали в качестве основной профессии творческие специальности.

К концу 1980-х гг. следует отметить снижение численных показателей образовательного уровня русских республики. Причем происходят значительные изменения и в других категориальных характеристиках. Причиной этого было, прежде всего, увеличение численности городского киргизского населения, хотя, в общем, более высокий образовательный уровень становится характерным и для сельского населения. В составе занятого русского населения доля, имеющих высшее и незаконченное высшее образование, уменьшается. Доля же интеллигенции, напротив, увеличивается, что связано с сокращением числа русских, занятых физическим трудом, и служащих. Так, в 1989 г. доля интеллигенции составляла 31,6% из числа всех русских работников умственного труда среди городского населения, снизившись при этом на несколько пунктов по сравнению с показателями 1979 года, когда она составляла 38,1%.¹ Показатели в среде «массовой» интеллигенции незначительно возросли и составили в 1989 г. 18,1%, в то время как в 1979 г. они были равны 17,9%.² Незначительное численное увеличение произошло в группе художественно-творческой интеллигенции и составило 1,4% представителей русской национальности в сравнении с 1,3% на 1979 г.³ В 1989 г. показатели представленности русских в среде «научной» интеллигенции снизились и составили 2,4% по сравнению с 1979 г., когда они были равны 2,8%.⁴

Миграционные движения населения 1990-х гг. оказали определенное влияние на характеристики образовательного уровня русских: происходит сокращение численности профессиональной интеллигенции, имеет место недостаточная представленность русских в иных профессиональных группах, тенденция уменьшения численности студентов русской национальности в вузах республики.

Объективно, конструктивной задачей по сохранению и развитию образовательного потенциала русских Киргизии является осознание русскими своих роли и места в общественно-политической структуре общества, повышение их социальной активности, а также формирование востребованности со стороны государства в высококвалифицированных специалистов из среды русских.

Социально-профессиональный состав русского населения Киргизстана на протяжении формирования группы имел сложную и многообразную структуру. В целом, социально-профессиональный состав русской группы Киргизстана на протяжении всего периода существования имел ряд специфических особенностей. На формирование профессиональных приоритетов русских оказывали влияние исторические особенности сложения этнической группы региона. Русские Киргизстана, являясь носителями традиций социальной среды исторической родины, в регионе приобрели такие отличительные черты, как высокая степень занятости в сельскохозяйственном секторе. Кроме того, социально-профессиональная структура русских переселенцев подверглась трансформации: увеличилось число работников, занятых умственным трудом и вовлеченных в неземледельческий сектор.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения. 1979 г. Т.4. 4.2. Кн. 2,- М., 1989 - С. 104.

² Итоги Всесоюзной переписи населения. 1979 г. Т.4. 4.2. Кн. 2,- М., 1989- С. 104.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения. 1979 г. Т.4. 4.2. Кн. 2 - М., 1989 - С. 268.

⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения. 1979 г. Т.4. 4.2. Кн. 2,- М., 1989.- С. 268.

В советский период развития группы в социальной структуре русских происходят изменения, проявляющиеся в активном участии русских в развитии экономического сектора республики. В этот период изменение социально-профессионального состава местного русского населения было связано с высокой степенью их трудовой занятости, выраженной в социальных характеристиках русского населения Киргизстана с середины 1920-х гг. и сохраняющейся до настоящего времени. Наблюдалось увеличение числа занятого русского населения в промышленном секторе и сельскохозяйственных отраслях, и сокращение числа работников, занятых умственным трудом. Это объясняется рядом объективных факторов: значительным числом урбанизированного русского населения, его миграционной мобильностью, историческими традициями народа. В индустриальную летопись Киргизстана внесли свои имена русские специалисты, среди них русские ученые-геологи Д.И. Щербаков, Д.В. Наливкин, В.А. Николаев, В.Э. Поярков, которыми было изучено геологическое строение края, обнаружены запасы ископаемых и развернуты геохимические работы. В 20-х гг. начинается активное изучение истории и культуры населения республики, на это же время приходится и расцвет русского киргизоведения края: Воеводский М.В., Грязнов М.П., Треножкина А.П.; проводятся этнографические и археологические экспедиции. Высококвалифицированные кадры и инженерно-технический персонал из Москвы, Ленинграда, Кирова и других городов России обретали на киргизской земле не только возможность вложения своего интеллектуального потенциала, но и «малую родину». Многие выпускники центральных российских вузов, направленные в Киргизстан в 1930-е гг. стали основателями киргизской высшей школы, стоящей на сегодняшний день на довольно высоком уровне и ставшей кузницей специалистов высшего уровня, высококвалифицированных кадров страны. Среди них биологи Ф.А. Турдаков, А.Г. Головова, математики Я.В. Быков, Г.А. Сухомлинов, химик С.Е. Михина.

С 1950-х гг. в социальном секторе группы происходит сокращение русского населения, занятого в сельском хозяйстве в пользу доминирующего числа русских в индустриальной отрасли, что было вызвано высокими темпами развития экономики республики, приоритетом отдельных новых отраслей промышленного производства, а также капиталовложениями в тяжелую промышленность (машиностроение, металлообработку и др.). Низкими оставались показатели представленности русского населения в отраслях легкой и пищевой промышленности. С 1970-х гг. наблюдается тенденция уменьшения численности русских работников в составе массовой и научной интеллигенции, при сохранении высоких показателей среди работников, занятых умственным трудом. Со второй половины 1980-х - начала 1990-х г. трансформация общества внесла в социально-профессиональную структуру русской группы Киргизстана определенные коррективы, связанные, прежде всего, с сокращением численной представленности русских в основных отраслях экономического сектора республики, уменьшением состава занятого русского населения, снижением доли работников умственного труда среди русских, увеличением числа занятых физическим трудом.

Сложившаяся на протяжении полутора веков социальная структура русской этнической группы, включающая и определенные устоявшиеся профессиональные характеристики представителей данной этнической группы, в постсоветский период претерпела ряд существенных и даже принципиальных изменений. Положительные тенденции развития социальной структуры русских в несколько иных направлениях пока слабо развиты и не позволяют говорить о возможности для русской этнической группы занимать заметное и достойное место в общественно-политической структуре киргизского государства.

В истории существования русской группы Киргизстана происходили изменения динамики численности и представленности русских во властных структурах. И это понятно, социально-политическая структура региона в течение векового существования группы

трансформировалась от положения «царской окраины» России до обретения статуса независимого суверенного государства. На протяжении этого пути подверглись изменению и положение русских, играющих не последнюю роль в процессе государственного строительства, их социокультурный статус, роль и занимаемое место в процессе экономических преобразований. При этом как в прошлом, так и в настоящее время чрезвычайную остроту обретает вопрос об участии представителей инациональной среды, живущих в одном полиэтническом пространстве, в управлении.

В целом, первоначально, с момента присоединения Киргизстана к России, управление осуществлялось местной администрацией из числа русских. Изменения системы общества, связанные с революционными событиями 1917 г., явились следующим этапом в сложении русской административно-управленческой интеллигенции и приобретению ею отличительных региональных признаков, а также приоритетов направления представленности. Так, на протяжении обозначенного периода русские управленцы в разной степени были представлены в высшем партийном руководстве, среди номенклатурных работников в качестве секретарей первичных партийных организаций, окружкомов и райкомов, а также в качестве управленцев в промышленном секторе республики, в кооперативно-хозяйственной и финансовой администрации. Специфика региональной представленности русской элиты заключалась в том, что в русские в большей степени были представлены в числе руководителей партийного и хозяйственного звена в северном регионе республики. Причем, показатели городского руководящего звена превышали аналогичные по сельской местности. Русская партийная и хозяйственная администрация была в большинстве представлена в г. Бишкек, городах Иссык-Кульской области (Каракол, Рыбачье), а в южном регионе - в г.Джалал-Абад, Ош, Кызыл-Кия. Руководители аграрного сектора из числа русских были сконцентрированы в районах Чуйской и Иссык-Кульской областей. Это было связано не только со значительной концентрацией в названных регионах русского населения, но и с масштабностью их вовлечения в инфраструктуру районов.

Следует отметить сохраняющуюся до 50-х гг. тенденцию преобладания русских руководящих работников в высших эшелонах власти, высшем партийном руководстве, в руководстве некоторых хозяйственных отраслей края при сокращении численности русских кадров в составе руководителей среднего партийного звена.¹ С первой половины 50-х гг. в республике появляется тенденция увеличения количества в составе партийных и хозяйственных работников высшего ранга представителей киргизской национальности. В последующие десятилетия этот процесс внес существенные изменения в количественный и качественный состав русского контингента руководителей.

До середины 80-х гг. региональная представленность руководителей из числа русских оставалась прежней. Происходит трансформация качественного состава, когда уменьшается численность русских в партийно-государственных органах, сокращается число главных специалистов из числа русских в сельскохозяйственном секторе, в отделах науки и культуры. В то же время по-прежнему высокими остаются показатели русской управленческой администрации в промышленно-строительном секторе, где доминируют русские руководители среднего звена, а также в среде производственной научно-технической интеллигенции.

Положение русского населения в этот период нельзя оценивать однозначно. В начале - середине 1990-х гг. наблюдается этнократическая тенденция в административной политике государства, преимущественно моноэтническая представленность в государственных органах власти. С другой стороны, политическая апатия, пессимистические настроения, отсутствие политической активности, доминирование представлений

¹ ЦГА ПД. - Ф. 56. Он. 191. 198.

о нереальности решения проблем русских в Киргизстане снизили степень активности участия русских в общественно-политической жизни региона. Снижению политической активности русских Киргизстана во многом способствовало изменение статусного положения русских в социальной структуре общества. В этой ситуации часть русского населения пытается адаптироваться к изменившимся реалиям, но во многом «политическая активность» русских остается условной.

2000-е годы в этносоциальной структуре русских Киргизстана стали временем трансформации структурных показателей, связанных в определенной степени с изменениями общественного развития республики. В результате политики 1990-х гг. доступ русских к властным структурам резко уменьшился. 74% русских, опрошенных в Киргизии, считают, что представительство русских во властных структурах недостаточно и сократилось по сравнению с советским временем.¹ После распада Союза русские были вынуждены принять несвойственные им роль и статус этнического меньшинства. Как отмечалось выше, русские в Киргизии оказались практически исключены из политической, общественной и культурной жизни. Многие представители этнической группы, ранее задействованные в индустриальной сфере, в связи с развалом крупной промышленности были вынуждены заняться мелкой предпринимательской деятельностью («челночество»).

Особенности социального и профессионального состава русских на современном этапе заключаются, прежде всего, в том, что период сравнительно устойчивого социально-профессионального положения с началом рыночных отношений завершился. Отраслевая переориентация экономики усугубила перманентный кризис госбюджетной сферы. Профессиональная представленность русских в этот период характеризуется недостатком представительства русских в целом ряде сфер - в частности, среди гуманитарной интеллигенции, а также в государственных структурах и в правоохранительных органах. Клановый характер основополагающих социальных связей киргизского общества обусловил тот факт, что в крупных рыночных структурах основные позиции в ходе рыночных реформ, включая приватизацию и распределение кредитных ресурсов, были заняты представителями киргизского этноса.

2000-е годы, в количественном отношении, для русских Киргизстана характеризовались временем некоторого спада миграционной активности русских, сохранявшейся с 2000 по 2004 г. Этому способствовал ряд мероприятий руководства Киргизии по регулированию миграционных процессов в республике, придание русскому языку статуса официального, политика сближения и наращивания темпов киргизско-российских отношений. Определенное влияние на данный процесс оказала и определенная этносоциальная устойчивость русских как группы.

События 24 марта 2005 г., напротив, способствовали изменению сложившейся этносоциальной структуры, проявившиеся в оттоке русскоязычного населения, изменившего картину относительно стабильной миграционной ситуации. Так посол Российской Федерации в Киргизии Е. Шмагин отмечал, что: «... после событий марта 2005 года число желающих выехать на постоянное место жительства в Россию резко увеличилось».² За первый квартал 2005 года заявления на выезд из Киргизии подали 18810 человек.³ Согласно данным национального статистического комитета и по оценке главы представительства Федеральной миграционной службы РФ (ФМС РФ) Ю. Ермолаева, всего в 2005 г. из республики выехало около 25 тысяч граждан, большинство которых составля-

¹ Российский вектор - 2003. Информационно-аналитический бюллетень. - М.: Российский институт стратегических исследований, 2003. - № 1 (14). - С. 4.

² Политическая нестабильность, проявляющаяся, как правило, в виде государственных переворотов, революций, мятежей или попыток совершения таковых закономерно повышает миграционную мобильность населения. В 2005 г., по сравнению с 2004 г., иммиграция с Украины в Россию выросла в 2,5 раз, из Узбекистана - в 1,8 раза, Киргизии за тот же период - в 1,5 раза.

³ Примерно столько же людей (20281 чел.) покинули республику за весь 2004 год. - Regnum. - М., 2005. - 4 июня.

ли русские.¹ При этом, по данным представительства ФМС РФ, Киргизию продолжают покидать, прежде всего, трудоспособное население и молодежь, так среди выезжающих количество пенсионеров составляет 7-8%. Основная масса выезжающих - люди с высшим, средним образованием, специалисты в разных отраслях.²

Наибольшую активность проявляют русские южных областей республики. Основными причинами отъезда люди называют отсутствие работы, сокращение русскоязычного информационного пространства, тяжелое экономическое положение. При росте безработицы найти работу можно только в одном случае - быть незаменимым профессионалом, но пределом карьерного роста будут должности экспертов, консультантов, заместителей, при полном отсутствии шансов занять руководящий пост.³ На севере республики, в частности в г. Бишкеке, новая волна миграции, начавшаяся после 24 марта 2005 г., объяснялась, прежде всего, фактором психологическим: мародерством и самозахватом земель в г. Бишкеке сельским киргизским населением, распространением в столице листовок антирусского содержания.⁴

Говоря о перспективах развития миграционной ситуации, следует отметить, что вряд ли она в ближайшее время трансформируется в сокращение миграционных потоков.

Одной из главных причин обострения миграционных тенденций остаются социально-экономическая нестабильность и тяжелое экономическое положение, отсутствие рабочих мест, рост безработицы. Однако потребность любой из этих республик в специалистах - то, что давало и еще дает русским в Киргизии возможность выжить, - не бесконечна. В перспективе русские острее будут ощущать конкуренцию на рынке труда со стороны киргизов.

Мощным катализатором миграционного процесса, обретшего новую динамику в 2006 г., стали дискуссии по проектам новой конституции, а именно, возможное снижение статуса русского языка в республике: «язык межнационального общения» вместо «официального языка». В двух проектах конституции также регламентировалось, что высшие должностные лица Киргизской Республики на официальных заседаниях и во время официальных зарубежных визитов обязаны выступать на государственном языке. Предусматривалось, что сотрудники национальной комиссии по государственному языку будут проводить аттестацию государственных служащих на знание киргизского языка и без соответствующего сертификата нельзя будет устроиться на работу в государственные учреждения.⁵

Параллельно с дискуссиями по проектам конституции, во многом реанимировавшими болезненную общественно-политическую атмосферу конца 1980-х - начала 1990-х гг., Национальной комиссией по государственному языку было принято решение о том, что с 1 января 2007 г. начнется перевод всего делопроизводства на государственный язык.⁶ Национальная комиссия по государственному языку также выступила с инициативой, чтобы все телеканалы Киргизии перешли на национальный язык «хотя бы на 50%». При этом, по данным, полученным в результате мониторинга положения российской диаспо-

¹ Regnum. - М., 2005. - 4 июня.

² РИА «Новости». - М., 2006. - 7 февраля.

³ См. подробнее: Забелло Я.Ю., Собянин А.Д. Русские в Киргизии: современное положение и прогноз// Профи. - М., 1999. - № 11. - С. 33.

⁴ Руководство правоохранительных органов Киргизии выдвигало предположение, что все это имело коммерческие цели. Кто-то хотел сделать немалые деньги на рынке недвижимости, высказывал предположение секретарь Совета безопасности КР М. Ниязов. - Regnum. - М., 2005. - 4 июня.

⁵ Омбудсмен Киргизии Турсунбай Бакир Уулу, говоря о смене статуса русского языка в проектах конституции с «официального» на «язык межнационального общения», назвал такое решение ошибочным и ущемляющим права русскоязычных граждан. - Regnum. - М., 2006. - 27 июля.

⁶ Интерфакс. - М., 2006. - 4 мая.

ры в странах бывшего СССР (заказчиком проекта был МИД РФ), только 7% опрошенных владеют киргизским в совершенстве, 23% могут изъясняться с трудом и 70% не знают его вообще. Почти 50% опрошенных заявили, что в случае полного вытеснения официального языка они покинут республику. И только 27% сказали, что останутся и выучат государственный язык. Больше половины русских живут с мыслью об отъезде в Россию, и только 2% собираются остаться.

По силе миграционных настроений Киргизия в Центральной Азии находится на втором месте, уступая лишь Таджикистану. Ситуацию усугубляют националистические лозунги, которые звучат в Киргизии все чаще из уст представителей отдельных политических партий и так называемого «гражданского сектора». Ряд общественно-политических организаций и движений в начале 2006 г. создали специальный штаб по защите киргизского языка и лишению русского статуса официального. В киргизских СМИ была развернута активная кампания по пропаганде «возрождения самобытности киргизской культуры», более того, представителями «гражданского общества» неоднократно заявлялось о поддержке англоязычной культуры в Киргизии как альтернативы русской культуре. В этом направлении активно работают Фонд Сороса, Freedom House, ряд местных НПО.¹ Понятно, что данные обстоятельства вызывают болезненную психологическую реакцию и усугубляют миграционные настроения русских.

Немаловажным фактором роста миграционных настроений является также политика правительства Российской Федерации, направленная на осуществление Указа № 637 и государственной программы содействия добровольному переселению соотечественников в Россию с 1 января 2007 года.

Говоря о качественных изменениях представителей русской группы Киргизии в 2000-е гг. следует отметить изменение социально-профессионального состава, когда вследствие процессов 1990-х гг., можно говорить о сложении довольно устойчивой группы представителей мелкого и среднего бизнеса, фермерства, менеджеров частных компаний. При этом можно с уверенностью говорить о сокращении русских в среде управленцев в государственных органах, правоохранительных структурах. В эти годы, на наш взгляд, закрепилась тенденция градации русских Киргизии на «богатых» и «бедных», при слабовыраженной «средней» прослойке.

В целом, говоря о количественных и качественных изменениях представителей русской группы Киргизии в 2000-е гг. следует отметить продолжающуюся тенденцию к сокращению численности русской группы и изменению их этносоциальной структуры.

Решение политических и социально-экономических проблем в республике, регулирование миграционных процессов, а также осознание и восприятие черт ментальности русских во многом определяют дальнейшие тенденции развития русской группы в Киргизстане. Использование русского потенциала в этнополитической системе государства зависит от политики и решительных действий правительственных органов Киргизстана и России, а также от самого русского населения республики.

Динамика изменений национальной структуры населения Киргизии¹

Народы		1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1980 г.	1989 г.	1993 г.
Киргизы	тыс.	668,7	754,3	836,8	1248,8	1687,4	2229,6	2526,4
	%	67	52	41	43	47	52	57
Русские	тыс.	116,8	302,9	623,6	855,9	911,7	916,6	840,5
	%	12	21	30	39	25	22	19
Узбеки	тыс.	106,3	151,6	218,9	333,0	426,2	550,1	604,2
	%	11	10	11	11	12	13	14
Украинцы	тыс.	64,2	137,3	137,0	120,0	109,3	108,0	93,3
	%	6	9	7	4	3	3	2
Немцы	тыс.	4,3	11,8	39,9	89,8	101,1	101,3	44,4
	%	0,4	1	2	3	3	2	1
Всего	тыс.	1002	1458	2066	2933	3589	4258	4469

¹ Huskey E. Kyrgyzstan: the politics of demographic and economic frustration // New States, new politics: Building the post-Sov. Nations/ Ed. by Bremmer G., Taraz R. - Cambridge, 1997. - P. 654-680. Реф.: Хаски Ю. Политика демографической и экономической фрустрации. Социальные и гуманитарные науки. Сер. 9, Востоковедение и Африканистика: РЖ// М., 1998. - № 4. - С. 74-76.

Русские исследователи Киргизстана¹

*Колесников А.А., член-корр. РАЕН, докт. истор. наук, профессор
Киргизско-Российского Славянского университета, действительный
член Русского географического общества*

Продвижение России в Среднюю Азию в середине и второй половине XIX в. ознаменовало, пожалуй, один из последних важнейших этапов территориального расширения Российской империи. Современная историческая востоковедная наука накопила достаточно фактов, которые подтверждают, что этот процесс не был просто завоеванием, территориальной экспансией, как и не означал превращения присоединенных земель в колонию России. Российское правительство, административно организовав присоединенные территории в Туркестанский край, понесло гораздо большие расходы, связанные с работой по благоустройству территорий, градостроительству, привнесению в край элементов современной инфраструктуры, по сравнению с доходами от эксплуатации богатейших природных ресурсов края. «Сухие» цифры и факты демонстрируют в этой связи следующее: дефицит бюджета Туркестанского края составлял 2-4 млн. рублей ежегодно, а центральное российское правительство доплачивало краю также ежегодно 3,5 млн. рублей на «текущие» расходы. Безусловно, процесс имел как позитивные, так и негативные стороны, однако данные современной науки позволяют с уверенностью заключить, что позитивных элементов все же оказалось больше. Российская военная администрация проделала огромную масштабную работу по освоению никем не изведанных прежде территорий, созданию новых коммуникаций, строительству новых и благоустройству существующих городов и селений. Причем результаты освоения Россией новых территорий принесли пользу как русским поселенцам, так и коренному населению.

Проведение всей масштабной работы по благоустройству края было бы невозможно, если бы ее не предварили исследования русских путешественников и ученых. Весьма полезно обратить внимание на эту сторону истории российского присутствия в крае и сегодня, тем более что все научное наследие российских ученых, путешественников и военных исследователей Средней Азии до сих пор освоено недостаточно. Актуальность результатов их исследований не вызывает сомнений в виду огромной геостратегической значимости среднеазиатского региона, как в XIX в., так и на заре XXI в. Не случайно основным средоточием усилий российских ученых и исследователей стало изучение именно киргизстанской земли. В истории региона эти территории всегда были важны по своему геополитическому положению. Издревле по этим землям проходил Великий Шелковый путь, являвшийся своеобразным мостом между Востоком и Западом. Из истории народов Средней Азии хорошо известно, что тот, кому принадлежал Великий Шелковый путь, контролировал, по сути, и весь среднеазиатский регион. На этом пути лежит и древний г. Ош, который возник и вырос на пересечении основных караванных артерий, еще в древности соединявших Китай с далекой Римской империей и впослед-

¹ Цитированные источники и литература:

1. Азатьян А.А. и др. История открытия и исследования советской Азии. М., 1969.
2. Архив РГО. Ф.13, оп.2, п.185.
3. Ефремов Ф.С. Странствования Филиппа Ефремова // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995.
4. История, культура и экономика горных районов Юга Киргизстана. Материалы научно-теоретической конференции. 4.П. Ош, 2003.
5. Мушкетов И.В. Краткий отчет о геологическом путешествии по Туркестану в 1875 г. // Мушкетов В.И. Сборник сочинений. Вып. I. СПб, 1910.
6. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968.
7. Новицкий В.Ф. Из Индии в Фергану // Записки Императорского Русского географического общества. СПб, 1903.
8. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие на Тянь-Шань в 1856-1857 годах. М., 1946.
9. Умурзаков С., Галицкий В.Я. Н.М.Пржевальский в Киргизии // Н.М. Пржевальский - великий русский путешественник и географ. Фрунзе, 1989.

твии Византией. После присоединения к России колониальный Ош стал центром уезда в составе Ферганской области. Самая оживленная ветвь Великого Шелкового пути проходила по Ферганской долине, которая, будучи окруженной со всех сторон горами, имела выход на равнину только на западе. В древности и средневековье, начиная от западной оконечности долины и далее на восток, вся Фергана являлась как бы воротами между Западом и Востоком. А земли к югу, составляющие одну из высочайших горных систем, «крышу мира» или Памир, еще в XIX в. стали объектом соперничества двух мировых держав - России и Великобритании. На фоне противоборства между ними проходили многочисленные исследования географического и историко-этнографического характера, результаты которых стали затем аргументами при создании границ и разделе сфер влияния. В связи с тем, что борьба за «крышу мира» была подчас чрезвычайно ожесточенной, это сказалось и на методах проведения исследований: научные интересы тесно переплетались с интересами разведки, тогда как сами путешественники состояли на службе разных секретных ведомств своих государств.

Кем, когда и как начиналось изучение этого ключевого в стратегическом отношении края, который и образует сегодня современный Киргизстан? Оно началось достаточно давно, благодаря особому географическому положению России, цивилизационно соединяющей миры Запада и Востока.

О тьянь-шаньских киргизах и населенных ими землях было известно в России еще задолго до первых непосредственных дипломатических контактов между русскими и киргизами в конце XVIII в. У истоков исследований данного региона стояли еще петровские дипломаты, затем путешественник «поневоле» Ф.Ефремов, ученые В.Н.Татищев и П.И.Рычков и ряд других деятелей. Первым русским, посетившим уже в начале 20-х гг. XVIII в. Семиречье, включая и территорию Прииссыккуля, был капитан Иван Унковский, посол Петра I к джунгарскому хану. Затем сведения о киргизах И.Унковского были существенно дополнены исследованиями ученого Петра Ивановича Рычкова, собиравшего и обобщавшего сведения о тюркоязычных народах в целом по запросу Татищева. Его работы содержали довольно краткие, но точные сведения о киргизах и среде их обитания на Тянь-Шане. Позже, уже в XIX в. В 1813-1814 гг. из Петропавловска в Кокандское ханство путешествовал Ф.М. Назаров. В его записях киргизы именуется «черными» и «закаменными», в отличие от киргиз-кайсаков или казахов. Он отмечал оживленные торговые связи между городами Ферганской долины и кочевыми киргизами, а город Ош фигурирует как крупный пункт транзитной торговли с китайским Восточным Туркестаном и крупный центр мусульманской религии.

Русские исследования стали своего рода пионерами и в изучении природы, истории и археологических объектов не только Ферганы, но и высокогорного озера Иссык-Куль, древностей северного Киргизстана. С 1856 г. на Тянь-Шане, включая Иссык-Куль, практически одновременно работают экспедиции Ч. Валиханова и П.П. Семенова-Тян-Шанского. В публикациях и того и другого содержатся данные и по археологии. К примеру, П.П. Семенов-Тян-Шанский описывает находки бронзового века, найденные в восточной части Иссык-Куля. Ряд других находок, найденных на берегах высокогорного озера, отнесены П.П.Семеновым, уже к средним векам, к XIV-XV вв. н.э. Записки П.П. Семенова-Тян-Шанского содержат ссылки на сведения местного населения, а также его собственные предположения о подводных археологических объектах горного озера. Широко известные легенды о происхождении самого озера Иссык-Куль и развалинах на его дне содержатся в трудах самых разных исследователей и краеведов той эпохи: Ч. Валиханова, А. Голубева, В. Бартольда, Я.И. и Б.Я. Корольковых, Л. Берга, Ф.В. Пояркова. Многим тогда были известны сведения о наличии подводных древностей на Иссык-Куле, но они не имели тогда возможности изучить их. Зато памятники оседлой жизни, в час-

тности, знаменитый Таш-Рабат и городище Кошой-Коргон в 1859 г. Ч. Валиханов описывает первым. В 1864 г. городище Таш-Рабат посетила экспедиция Н.А. Северцева. В одной из его первых публикаций приводятся сведения китайского паломника еще VII в., сообщавшего сведения о географических особенностях Тянь-Шаня и культурной жизни у его подножья.

В истории исследований Киргизстана русскими путешественниками есть и еще одна интереснейшая страница - путешествие «поневоле» в малоисследованный тогда край унтер-офицера Ф.С.Ефремова. Попав в плен к киргиз-кайсам в годы крестьянского восстания Е.Пугачева и будучи проданным в рабство в Бухарский эмират, ему удалось бежать из плена и совершить почти десятилетнее путешествие, скорее подчиняясь обстоятельствам, нежели собственному желанию. Выдавая себя за купца и обладая поддельной охранной грамотой бухарского хана, он присоединился к торговому каравану и прошел с ним через земли южных киргизов, перевалив горы Алая. Конкретно маршрут Ф.Ефремова выглядел так: пройдя по Ферганской долине до Оша, он проследовал отсюда перевалом Чигирчик в Кашгарию и Каракорум. Позже он описал свои странствия в книге, дважды изданной им (в 1794 и 1811 гг.): «Странствование Филиппа Ефремова. В киргизской степи, Бухарин, Хиве, Персии и Индии и возвращение отсюда через Англию в Россию». В своей книге Ф. Ефремов сообщает и о кочевках киргизов между городами Ош и Кашгар, отличая их от казахов, которые, как он писал, «особливого рода».

С присоединением к России Средней Азии, в частности Кокандского ханства, представились гораздо более широкие возможности для научных изысканий в крае. Давние замыслы землепроходцев начали претворять в жизнь российские научные общества, Академия наук, университеты, военные ведомства, командировавшие своих исследователей в Туркестан. Среди них были горные инженеры, географы, ботаники, зоологи, этнографы, лингвисты, историки, деятели искусства, врачи и учителя, специалисты по сельскому хозяйству. Большую роль в исследованиях сыграли военные путешественники, топографы, картографы и геодезисты.

Особые заслуги русской науки в изучении киргизской земли принадлежат основанному еще в 1845 г. Русскому географическому обществу и лично будущему вице-президенту Общества П.П. Семенову-Тянь-Шанскому. Петр Петрович намеревался исследовать направления хребтов и высоту Тянь-Шаня, определить высоты его перевалов и снеговой линии, составить карту вертикального распределения растительности. В его намерения входило доказательство гипотезы о вулканическом происхождении Небесных Еор и существования на них ледниковых систем. Путешествие П.П.Семенова началось весной 1856 г. и завершилось решением поставленных им задач относительно исследования горной системы западного Тянь-Шаня. Великий исследователь также высказывал свои соображения и по важному для России вопросу о формировании границ. По его мнению, «совершенно необходимо дать краю прочные и неуязвимые границы». Государственная граница, как предполагал Петр Петрович, должна будет охватить весь бассейн Иссык-Куля и опереться на снежный гребень Тянь-Шаня, а «ключ, замыкающий доступ в Заилийский край, уже легко будет найти занятием укрепленного доступа в Чуйской долине».

Важное значение и для мировой науки, и для упрочения стратегического положения позиций России в центральноазиатском регионе имели экспедиции, возглавлявшиеся Николаем Михайловичем Пржевальским, великим русским военным исследователем Азии. Надо заметить, что к вопросу организации исследований и экспедиций в Средней Азии подходили тогда чрезвычайно серьезно и строго. Вот что по этому поводу писал российский консул в Кашгаре Н. Петровский самому Николаю Михайловичу: «...нужно Вам, гг. известные русские путешественники, подумать и обсудить: можно ли пускать, во

вред вам, в Среднюю Азию всякого встречного и поперечного прохвоста только потому, что он ничем себя в науке не заявил, а желает пошляться по малоизвестным странам и играть роль ученого и «знатного иностранца». Надо бы все эти путешествия взять под строгий контроль, хоть Географического Общества, и позволять совершать оные не иначе, как после известного рода испытания, представления программы например. Иначе все труды по Средней Азии будут такими господами дискредитированы».

В период своих знаменитых центральноазиатских экспедиций Н.М. Пржевальский дважды побывал в Киргизстане и оба раза осенью, проездом, кратковременно, в общей продолжительности около полутора месяцев. Первый раз это было в октябре-ноябре 1885 г., когда, возвращаясь из Четвертой Центральноазиатской экспедиции, Пржевальский и его спутники пересекли всю Тянь-Шаньскую горную систему с юга на север по труднейшим горным перевалам (Бедель, Джукурчак и др.), сыртовым нагорьям, межгорным долинам, заваленными глубоким снегом. Путешественники впервые познакомились с природой высочайших тянь-шаньских хребтов Какшаал-Тоо, Ак-Шыйрак, Терскей, Кюнгей и Заилийский Ала-Тоо, Верхненарынских долин и многочисленных горных ущелий в суровых зимних условиях и имели возможность сравнить их с уже исследованными ими районами Тибета и Восточного Тянь-Шаня. Вторая поездка Пржевальского в Киргизстан состоялась 3 года спустя, осенью 1888 г., в преддверии его 5-й Центральноазиатской экспедиции. Город Каракол был выбран местом, где путешественник собирался завершить подготовку и снаряжение экспедиционного отряда и выступить вглубь Центральной Азии в начале ноября. Но внезапная тяжелая болезнь помешала осуществлению замыслов исследователя, получившего к этому времени уже мировую известность. Уже незадолго до смерти, предчувствуя близость кончины, Николай Михайлович сказал, чтобы похоронили его «непременно на берегу Иссык-Куля, в походной экспедиционной форме».

Однако даже кратковременное пребывание путешественника в пределах Киргизстана не прошло бесследно для науки. Представляют интерес его меткие, хотя и фрагментарные наблюдения о различных природных явлениях в горном крае, содержащиеся в отчете о Четвертой Центральноазиатской экспедиции (1888), дневниках 1885 и 1888 гг. и др. Таковы, например, описание района перевала Бедель, хребта Какшаал-Тоо, строки о зимующих на озере Иссык-Куль птицах, жаркой осени и богатых дичью берегах реки Чу, точные для своего времени определения высот пунктов, встречах с крестьянами в Токмоке, о дунганах и т.д. Также интересно наблюдение путешественника о горе, названной впоследствии пиком Победы.

У Пржевальского были и широкие замыслы о разносторонних естественно-исторических исследованиях Прииссыккуля и сопредельных областей. На исходе четвертого путешествия по Центральной Азии, 29 января 1885 г., он писал об этом из района Лобнора генерал-адъютанту Даниловичу: «если цинские власти не пропустят русскую экспедицию в Тибет..., тогда на Иссык-Куль мы приедем раньше и займемся исследованием Центрального Тянь-Шаня». Эти намерения он не оставлял и впоследствии. Уже, будучи поражен смертельным недугом, он говорил В.И. Роборовскому в октябре 1888 г., что «если поправится, то останется в Караколе непременно отдыхать целый год, а нас (Роборовского и Козлова) будет посылать в разные стороны для исследования окрестностей Иссык-Куля». К сожалению, этим замыслом великого землепроходца не суждено было осуществиться, но частично они были реализованы его сподвижниками В.И. Роборовским, П.К. Козловым и другими продолжателями великого дела Пржевальского.

Образно говоря, Н.М. Пржевальским был дан старт научному освоению Киргизстана представителями российской науки. За ним по киргизской земле прошли такие известные исследователи, как А.П. Федченко, И.В. Мушкетов, В.Ф. Ошанин, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Н.А. Северцов, А.Ф. Миддендорф, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Г. Потанин и многие

другие. Здесь в разное время побывали с научными целями и видные политические деятели XIX и XX веков. В их числе: идеолог анархизма князь П. Кропоткин, великий казахский просветитель офицер Российского Генерального штаба Ч. Валиханов; генерал Л. Корнилов, впоследствии Верховный Главнокомандующий России и основатель Белого движения; полковник Маннергейм, будущий президент Финляндии; видный военный и политический деятель России генерал А. Куропаткин. Все они оставили после себя сотни научных трудов, большая часть которых до сих пор ждет своих исследователей.

Первенство в списке имен исследователей киргизской части Ферганы по праву занимает Алексей Павлович Федченко. 24-летний инспектор Московского университета, также ученый секретарь Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, прибыл в Туркестан в 1868 г. За три года пребывания в Туркестане ученому удалось совершить экспедиции по Зеравшанской долине, горному Таджикистану, в Джизак, пустыню Каракумы. В июне 1871 г. началось его четвертое, самое значительное путешествие, составившее ему имя в мировой науке. А.П. Федченко с супругой Ольгой Александровной, препаратором и сопровождавшими их джигитами кокандского хана совершил с немалыми трудностями путешествие на Алай, куда еще не ступала нога ученого-европейца. Здесь А.П. Федченко открыл и описал Заалайский хребет и его наивысшую точку (известную позже как пик Ленина), собрал обширные ботанические и зоологические коллекции, изучил орографическое строение местности. На обратном пути экспедиция посещает Ош, Гульчу и Узген, где делаются зарисовки местности и составляются исторические описания памятников. В 1872 г. А.П. Федченко представил в РГО первую географическую карту Кокандского ханства, в которой были отражены результаты исследований по уточнению расположения как отдельных городов южнокиргизских земель, так и сведений об их реках, горных хребтах Памиро-Алая и Восточного Приферганья.

В 1873 г. в Туркестан по приглашению местной администрации прибыл Василий Федорович Ошанин, один из близких друзей и соратников А.П. Федченко. Пожалуй, главнейшим достижением его исследований является открытие грандиозной ледниковой зоны в верховьях Амударьи, представленной целой системой ледников. Крупнейший из них был назван именем А.П. Федченко.

В 1874 г. к исследованиям приступил И.В. Мушкетов. Его экспедиция, ставившая перед собой цель представить орографическое и геологическое описание Туркестана, фиксировала попутно памятники археологии. И.В.Мушкетов, обобщив материалы исследований своих предшественников и современников, а также на основе личных исследований и наблюдений создал глубокую и доказанную всей суммой накопленных к тому времени фактов целую систему взглядов на геологические особенности Туркестана. Он отверг гипотезу о современном вулканизме на территории Средней Азии и сформулировал теорию тектонического развития горных поднятий среднеазиатских гор, исходящую из представлений о двух этапах складчатых движений в геологической истории, а также решающей роли новейших поднятий в сложении современного облика горной части страны.

После ликвидации Кокандского ханства и присоединения южнокиргизских земель к России создались благоприятные условия для активизации исследовательских работ. Город Ош, расположенный у подножья Памиро-Алайской горной системы, становится с конца XIX века постоянной базой русских экспедиций, направляющихся с исследовательской целью на Памир, Памиро-Алай, в Кашгар, а также транзитным и конечным пунктом русских путешественников по пути в Китай, Афганистан и Индию. Ош являлся отправным пунктом русских экспедиций и миссий в Восточный Туркестан, особенно в период правления Кашгарией Якуб-беком. Алайской долине и городу Ош в Санкт-

Петербурге в то время придавалось большое стратегическое и торгово-экономическое значение. Именно здесь проходил кратчайший и наиболее безопасный путь в Кашгарию и далее - в глубь Китая. Из трех маршрутов, которые русские власти рассматривали для торговли с Китаем в азиатской части, наилучший пролегал через Ош (Ташкент-Коканд-Ош-Кашгар). По этому пути провоз товаров был дешевле и короче.

Чаще всех фигурирует Ош в научной биографии замечательного путешественника Григория Ефимовича Грум-Гржимайло. Путешественник неоднократно приезжал в Ош, жил и работал здесь. Он совершил четыре экспедиции по Восточному и Центральному Памиру. Ученый был одним из первых, кто обобщил исследования о строении горных систем, образовании ледников, происхождении и развитии народов, населяющих этот край. В архивах сохранилась его переписка с выдающимися людьми своего времени. В их числе Великий князь Николай Михайлович. Внук Николая I, генерал-адъютант Николай Михайлович Романов, с детства серьезно увлеклся энтомологией, являлся автором солидных исследований в этой области. Благодаря Великому князю стали возможны путешествия Г.Е. Грум-Гржимайло. Он взял под свое покровительство его экспедицию 1884 г. на Памир, в ходе которой Г.Е. Грум-Гржимайло собрал богатую коллекцию бабочек (свыше 12 тыс. экземпляров). На личные средства Николая Михайловича были организованы все последующие экспедиции: 1885 г. в Заравшан, 1886 г. - в Западный Тянь-Шань, 1889 г. - на Памир.

Интересны также ошские страницы биографии Лавра Корнилова, впоследствии главнокомандующего Русской армией и основателя Белого движения. Из Оша отправился он со своей первой официальной военно-дипломатической миссией в Кашгар.

В начале декабря 1899 г. капитан Л. Корнилов и подпоручик В.Е. Кириллов с командой казаков вышли из Оша и через Гульчу и Иркештам направились в Кашгар. Находясь в ранге «состоящего при Императорском Российском Генеральном консульстве» Генерального штаба капитан Корнилов менее чем за год проделывает огромную работу военного агента по составлению подробного описания Сарыкола, Раскема, сбору сведений о политическом положении дел в Кашгарии, военных мероприятиях и т.д. Помимо этого, он организует первое в истории почтовое сообщение между Кашгаром и Ошем. В середине 1900 г. из Кашгарии в Ош регулярно два раза в месяц начинает поступать дипломатическая почта. За небольшой период русским офицерам под руководством Л. Корнилова удается составить подробный маршрут Ош-Кашгар, с планами местности через перевал Терек-Даван.

Колоритной фигурой являлся полковник В.И. Зайцев, автор историко-географического очерка «Памирская страна - центр Туркестана» (Новый Маргелан, 1903 г.). Еще будучи начальником Памирского отряда Василий Николаевич предпринимал рискованные походы по Алаю и Памиру. Став начальником Ошского уезда, он активно пропагандировал результаты научных исследований края и участвовал в организации всех экспедиций. Благодаря его неутомимой деятельности в военном собрании Оша выступали с докладами известные путешественники, проводились выставки, действовал постоянный лекторий по краеведению.

Молодые офицеры, прибывающие на службу в Ош, с первых дней активно задействовались уездными начальниками для проведения исследовательских работ, изучения местных наречий, нравов и обычаев населения. Одним из активных участников всех начинаний был и капитан А.Е. Снесарев, женившийся на дочери В.П.Зайцева. Человек удивительной судьбы, путешественник по натуре и востоковед по призванию, А.Е. Снесарев неоднократно по долгу своей военной службы совершал многочисленные поездки по Центральной Азии.

В 1898 г. из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Каракорумское нагорье, Раскем и Кашгарию в Ош совершил путешествие подполковник Генерального штаба, действительный член Императорского русского географического общества В.Ф. Новицкий. Целью его экспедиции было исследование некоторых местностей Центральной Азии и изучение караванных путей из Индии в Среднюю Азию через Памир. По итогам исследования была составлена подробная карта. На данной карте исследователь изобразил не только путь следования своей экспедиции, но также все известные к тому времени караванные пути через Малый Тибет, Большой и Малый Памир, Памиро-Алай в Ферганскую долину. Сведения о торговых путях хорошо иллюстрированы тридцатью фотографиями, характеризующими особенности ландшафта всех территорий, по которым в древности и средневековье проходили трассы Великого Шелкового пути.

Обширное научное наследие оставил выдающийся востоковед, один из корифеев мировой ориенталистики, академик В.В. Бартольд, совершивший пять научных поездок в Среднюю Азию (1893-94, 1902, 1904, 1916, 1928 гг.). Во время своей второй научной поездки в Среднюю Азию (1902 г.) В.В. Бартольд побывал и в Оше, где, наряду с исследовательской работой, он выступал с лекциями в военном собрании города Ош. Историческому прошлому киргизов посвящена работа В.В. Бартольда «Киргизы. Исторический очерк». «Киргизы (киргиз), - пишет В.В. Бартольд, - принадлежат к числу древнейших народов Средней Азии. Из народов, живущих в Средней Азии в настоящее время, нет, по-видимому, ни одного названия, которое так рано встречалось бы в истории».

В Туркестане сложился как ученый-исследователь Владимир Петрович Наливкин, проживший шесть лет в одном из кишлаков Ферганской долины. Он изучал быт, традиции, образ жизни, живые языки узбекских и киргизских земледельцев, пастухов, ткачей. Работа В.П. Наливкина «История Кокандского ханства» (Казань, 1886 г.) была издана в 1889 г. Парижской школой живых восточных языков в переводе на французский язык А. Дозона.

Следует признать, что подвижническая деятельность начальников Ошского уезда и их подчиненных в конце XIX - начале XX вв., безусловно, заслуживает отдельного объективного и глубокого исследования. Краткая характеристика одной лишь научной стороны работы русских офицеров в Оше дает полное основание называть их первыми исследователями края.

Так, научно-исследовательская деятельность российских ученых, военных исследователей послужила основой научного изучения киргизстанской земли, своеобразного «сердца» Средней Азии, родины и перекрестка древних культур и цивилизаций. Велик вклад русских путешественников в изучение Центральной Азии и, в частности Киргизии. Мировая наука высоко оценила деятельность русских исследователей А.П. Федченко, И.В. Мушкетова, В.Ф. Ошанина, Г.Е. Грум-Гржимайло, И.А. Северцева, А.Ф. Миддендорфа, Н.М. Пржевальского, П.П. Семенова-Тян-Шанского и многих других. Их именами названы горные вершины, ледники и географические пункты.

Славные традиции исследования Киргизстана были продолжены и в XX в. в период становления советской государственности. Одной из главных задач советской науки на начальном этапе было изучение этнического состава и территориального размещения населения. К этой работе была привлечена и созданная в 1917 г. при Российской академии наук Комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран, КИПС (с 1925 г. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран АН СССР). Заседания КИПСа были особенно актуальны в связи с подготовкой национально-государственного размежевания Средней Азии и образования новых национальных республик. Маршруты поездок одного из ведущих сотрудников этой комиссии

Ф.А. Фиельструп в 1924 и 1925 гг. охватили большую часть Центрального Тянь-Шаня. Посетил Фиельструп и Приферганскую часть Киргизии, в 1925 г., направляясь из Сон-Куля через Кавак на Андижан. А в 1929 г. он посетил Талас. Наконец, в советскую эпоху началось и подлинно научное и экспедиционное исследование памятников древней цивилизации Иссык-Куля. Это «повторное» их открытие начинается с середины 20-х гг. XX в. (работы П.П.Иванова, М.В. Воеводского, М.П. Грязнова, А.Н. Бернштама, Б.М. Зима, А. Кибирова, Л.П. Зяблина, Л.Р. Кызласова и др.).

Несомненно, мировая наука многим обязана российским ученым в изучении Центральной Азии, и в частности Киргизстана. Ими были открыты новые географические пункты, разведаны богатейшие запасы полезных ископаемых края, пополнены мировые зоологические и ботанические коллекции. В течение полувека вся деятельность российских ученых и исследователей была сконцентрирована на изучении новых азиатских владений России. Члены императорской семьи вносили свои личные пожертвования на организацию многочисленных экспедиций. Также бесценен и достоин мирового признания вклад российских исследователей в этнографическое изучение кочевых тюркоязычных народов, особенно казахов и киргизов.

Научное наследие русских ученых в изучении среднеазиатского региона настолько богато, а значение его настолько велико, что, оно, несомненно, будет и в дальнейшем привлекать внимание отечественных и зарубежных исследователей.

Некоторые последствия миграции

Стрессовые состояния, вызванные отъездом родственников, проживанием близких людей в «ближнем» и «дальнем» зарубежье, трудности общения и встреч сказались на повышении показателей смертности. В расчете на 1000 человек населения, смертность киргизов в 1994 году составила 5,9 человек, русских-14,7, украинцев - 26,8, белорусов-14, немцев-14,9, евреев-25,9.

За период наиболее интенсивной миграции (1989-1994 гг.) по большинству показателей социально-экономического развития наблюдалось значительное ухудшение. Национальный доход в 1993 году в реальном исчислении упал до 59,8% от уровня 1990 года, а в 1994 году он снизился еще на 27,4%. Подобным же образом объем промышленного производства в 1994 году составил 38,3% от уровня 1989 года. Валовая продукция сельского хозяйства - 65,6% от ее объема в 1989 году.

По данным мониторинга положения российской диаспоры в странах бывшего СССР (заказчиком проекта был МИД РФ), только 7% опрошенных владеют киргизским в совершенстве, 23% могут изъясняться с трудом и 70% не знают его вообще. Почти 50% опрошенных заявили, что в случае полного вытеснения официального языка они покинут республику. И только 27% сказали, что останутся и выучат государственный язык. Больше половины русских живут с мыслью об отъезде в Россию, и только 2% собираются остаться. По силе миграционных настроений Киргизия в Центральной Азии находится на втором месте, уступая лишь Таджикистану.

Русская пограничная охрана на Тянь-Шане как фактор формирования государственности Киргизии

Л. И. Сумароков, канд. истор. наук

День 14 ноября 1860 г. для главы специальной российской миссии в Пекине генерал-майора Н.П. Игнатьева,¹ ведшего переговоры с Китаем по поводу пограничного разграничения, сложился особенно удачно. Граф осознавал важность достигнутой договоренности, ведь, по словам Н.А. Аристова,² он «успел» в Пекинский договор включить статью, которая позволила России закрепить освоенные территории в Азии, в том числе в районе озера Иссык-Куль и в Нарынском бассейне. Знал бы граф, какую важную роль сыграл он в судьбе народа страны Небесных гор...

В 1853 г. киргизы, кочевавшие в Иссык-Кульской котловине, направили на имя генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорду прошение о приеме их в российское подданство.

Богинские манапы писали: «...стесненные горами и камнями, мы, кроме того, окружены с четырех сторон укреплениями (коргон), городами (шаар) и цветущими торговлею областями, находимся в беспрестанном от них страхе, и день и ночь опасаемся с какой-либо стороны нападения».³

И вот сейчас российская дипломатия добилась важной победы в сложных отношениях с Цинской империей, впервые в соответствии с нормами международного права очертив контур главного государственного рубежа в районе Тянь-Шаня.

Изменившееся геостратегическое положение России в Центральной Азии как раз и было учтено Н.П.Игнатьевым. В статье 9 Тяньцзинского договора, подписанного еще 13 июня 1858 г., значилось: «Неопределенные части границ между Китаем и Россией будут безотлагательно исследованы на месте доверенными лицами от обоих правительств, и заключенное ими условие о граничной черте составят дополнительную статью к настоящему трактату».⁴

Такая формулировка нисколько не обеспечивала выгодные России границы не только на Тянь-Шане, но даже в казахских степях. Н.П. Игнатьев повернул процесс пограничного размежевания в новое, конкретное русло, заложив как принципы его реализации, так и направление будущей российско-китайской границы: «Граничная черта на западе, доселе неопределенная, отныне должна проходить, следуя направлению гор, течению больших рек и линии ныне существующих китайских пикетов, от последнего маяка, называемого Шабин-дабага, поставленного в 1728 году (Юн-чжэн VI года), по заключению Кяхтинского договора, - на юго-запад до озера Цзай-сан, а оттуда до гор, проходящих южнее озера Иссык-Куль и называемых Тэнгэришань или Киргизнын Алатау,

¹ Игнатьев Николай Павлович - генерал-адъютант, выдающийся военный дипломат и востоковед. Возглавляемая им в 1858 г. миссия в среднеазиатские ханства помимо блестящих дипломатических результатов дала русской и мировой науке новые сведения по географии, истории, этнографии Хивы и Бухары. В качестве чрезвычайного посланника в Китае выступил посредником в его мирных переговорах с Францией и Великобританией.

² Аристов Николай Александрович - выдающийся русский востоковед, который первый из исследователей проследил многовековую историю Тянь-Шаня, начиная с времен древних усуней, высказал собственную версию этногенеза киргизского народа, свою гипотезу о соотношении тяньшаньских и енисейских киргизов, дал толкование многим историческим фактам, ввел в научный оборот новые исторические материалы, предложил историческую периодизацию, которая была воспринята и использована в исследованиях В.В. Бартольдом и принята за основу киргизской историографии.

Аристов Н.А. Усуни и киргизы или кара-киргизы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. - Бишкек: Илим, 2001. - С. 499.

³ Киргизстан-Россия. История взаимоотношений (XVI11-ХІХ вв.) Сборник документов и материалов. - Бишкек: Илим, 1998. - С. 157.

⁴ Цит. по: Аристов Н.А. Усуни и киргизы или кара-киргизы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. - Бишкек: Илим, 2001. - С. 499

иначе Тяньианьнаньлу (южные отроги Небесных гор), и по сим горам до кокандских владений».¹

Участник военно-научной экспедиции, проведенной в 1856 г. полковником М.М. Хоментовским на южный берег Иссык-Куля, Ч.Ч. Валиханов, оценивая последствия присоединения Заилийского края к России для обеспечения мира и стабильности во всей Средней Азии, подчеркивал, что «в отношениях политическом, военном и торговом Заилийский край имеет чрезвычайно важное значение. Находясь в узле трех держав и главных путей, ведущих в Ташкент, Кульджу и Кашгарию, он служит опорой против вторжений со стороны кокандцев и китайцев, занятием его упрочивается порядок и спокойствие в Большой орде, приобретает большое влияние на дела с Кокандом и Ташкентом, обеспечиваются торговые пути в эти места, а сближением с дико каменными киргизами представляются виды на открытие торгового пути с Кашгариею, Яркентом, Тибетом и прочими местами Средней Азии».²

С первых дней новая граница по замыслам русских властей должна была стать воротами гостеприимного дома, открытого для друзей и сотрудничества, иметь все условия для всестороннего общения народов и государств во благо их развития. Поэтому положительную динамику процессу разграничения придавали включенная в Пекинский договор регламентация русско-китайской торговли в Центральной Азии, русские купцы получали право торговать не только в Кульдже и Чугучаке, но и в Кашгаре,³ что стало заметным прорывом в системе торгово-экономических связей с Западным Китаем.

Спустя 23 года после прошения богинцев Россия в своем поступательном продвижении в глубь Средней Азии, на глазах алчно надзиравшей за Туркестаном с вершин Гиндукуша Великобритании, вошла в соприкосновение с Китаем по всей протяженности Тянь-Шаня.

Цинское правительство, считавшее кочевавших на границе с Синьцзяном казахов и киргизских кочевников своими «вассалами» и «данниками», не испытывало особых дружеских чувств к новому соседу, пытаясь противодействовать укреплению российской власти над киргизами, привлекая их интригами и заманчивыми обещаниями.⁴ Отношения двух стран ознаменовались длинной полосой споров за границу, прерывавшиеся восстаниями и волнениями в Восточном Туркестане.

В пограничных спорах китайцы проявляли предприимчивость, используя, в том числе, проблемы взаимоотношений киргизских родов, населявших тянь-шаньское приграничье.

Подданство богинцев с 1856 до 1864 г. оставалось весьма неопределенным и часто только номинальным. Для упрочения русского «влияния над семи киргизами, остающимися в русском подданстве, признавалось необходимым и в прежнее время оказывать им вооруженную защиту от притеснений ближайших их соседей кокандцев и сарыбагышей. Для этой цели в 1856⁵ и 1860 годах были высылаемы в их кочевья самостоятельные отряды, которые по восстановлении спокойствия на озере Иссык-Куле возвращались обратно в укрепление Верное».⁶

¹ Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. - М., 1958. - С. 35.

² Валиханов Ч.Ч. [Об управлении казахами Большого жуза]//Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. 1. - Алма-Ата, 1984. - С. 226.

³ Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. М., 1958. - С. 36.

⁴ Аристов Н.А. Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже // Труды по истории и этническому составу тюркских племен / Отв. ред. акад. В.М.Плоских. - Бишкек: Илим, 2003. - С. 277.

⁵ Мероприятия по укреплению спокойствия в приграничных регионах сопровождалась активными научными исследованиями. «Экспедиция (М.М.Хоментовского. - Л.С.) в продолжение двух месяцев успела обозреть северо-восточную часть озера до рек Аксу и Зауки и снять план местности в двухверстном масштабе. Мы имели честь участвовать в этой экспедиции и, находясь два месяца среди дикокаменных киргиз, успели собрать разные положительные сведения, преимущественно изучая их предания и язык», — писал Ч.Ч.Валиханов. (Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах// Собр. соч. в 5 томах. - Алма-Ата, 1985. - Т.2. - С. 10).

⁶ ЦГА РУз.Ф.И.715. Оп.1. Д.25.Л.470.

В марте 1860 г. Г.Х. Гаефорд отдал распоряжение по поводу высылки двух отрядов на Иссык-Куль для топографических съемок и утверждения влияния России в Прииссыккулье под командованием М.И. Венюкова¹ «для прекращения влияния хоканцев на дикокаменных киргизов, живущих по Иссык-Кулю, а также для воспомоществования богинцам и устрашения сарыбагашей должны быть высланы нынешним летом из укрепления Верного два отряда... При самом отправлении отрядов должно быть объявлено дикокаменным, что цель наша не в завоеваниях, а напротив, в доставлении мира и тишины нашим верноподданным киргизам».²

Русских пограничников на киргизской земле встречали приветливо. Принимая меры по примирению племен приграничных регионов, пристав при казаках старшего жуза полковник 6 июля 1856 г. М.М. Хоментовский докладывал, «что казаки Иссык-Кульского отряда своим скромным поведением так расположили к себе киргиз Большой орды, что в обратное следование последние радушно угощали их все в изобилии. Что же касается до киргиз, бывших в отряде, то они при разъездах во все время явили особенное усердие и преданность; а в стычках с барантачами выказали примерное самоотвержение».³

В 1861 г. влиятельные манапы киргизского племени богу - Сарпек Саскин, Кныч Буромбаев, Канай Койсомасов и еще 11 человек обратились к начальнику Алатавского округа и киргизов Большой орды полковнику Г.А. Колпаковскому⁴ с просьбой оградить их земли и их самих от притеснений со стороны маньчжурских чиновников Синьцзяна.

«Еще до поступления нашего на подданство, России, - писали манапы в своем обращении, - мы владели землями по Текесу, Музорату (Музарту - Л.С.) и Кегену, считая их своею собственностью, но вследствие обид и притеснений со стороны китайцев и других народов, вынуждены были принять подданство, повергнув к престолу великого падишаха русского и свои земли по сказанным урочищам: Желая оградить себя на будущее время от подобных обид и удержать за собою навсегда право владеть этими землями мы, с общего согласия бугинского народа убедительно просим вас довести об этих несправедливых притязаниях китайцев на наши земли до сведения генерал-губернатора, который, мы надеемся, воспретит китайцам притеснять нас и даст нам возможность кочевать свободно на этих землях».⁵

Беспокойные соседи, потребность замирения среди новых русских подданных, а также проблемы малой изученности новых территорий придавали ситуации в Тяньшаньском приграничье особую остроту, заставляли русские власти оперативно и гибко реагировать на изменения, не обостряя ее, и не доводя до крайностей, терпеливо упреждая китайскую сторону от непродуманных шагов.

Весной 1862 г. кувальдинское китайское начальство, не ожидая определения границы между русскими и китайскими землями через назначенных двумя правительствами комиссаров, выслало для фактического восстановления своих притязаний на Иссык-Куль отряд в 1 тысячу человек. Н.А. Аристов повествуя, как «весною 1862 года возникли было смуты, но кстати подошел на Иссык-Куль казачий отряд капитана А.П.Проценко,⁶ про-

¹ Венюков Михаил Иванович - генерал-майор Генерального штаба. Из дворян Рязанской губернии. Выдающийся востоковед, путешественник, географ, историк и этнограф. Автор трудов по военной географии и статистике, истории, этнографии и картографии. Главная работа - «Материалы для военного обзора современных русских границ в Азии». В 1874 г. представлял на Всемирном конгрессе карту русских путешествий по Азии.

² ЦГА РК. Ф.И.З.Оп. 1. Д.33.Л.21 о.

³ ЦГА РУз.Ф.И.715. Оп.1. Д.17.Л.184.

⁴ Колпаковский Герасим Алексеевич - генерал от инфантерии, из дворян Харьковской губернии. Командующий войсками и военный губернатор Семиреченской области (1867). За вклад в развитие науки удостоен большой золотой медали Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Одним из первых обратил внимание научной общественности на остатки древних поселений на дне оз. Иссык-Куль. В честь Г.А. Колпаковского названы ледник на хр. Терсей-Алатау и вид ириса, произрастающего в горах Заилийского Алатау.

⁵ АВПРИ. Ф. Главный архив. 1-9. 1861 г. Оп. 8. Д. 24. Ч. 1. Л. 168-168 о.

⁶ Проценко Александр Петрович - генерал-лейтенант Генерального штаба. В 1862 г. возглавил Нарынскую экспедицию для «рекогносцировки путей, ведущих в Кашгар». Исследовал перевалы Тянь-Шаня, ведущие в Занарынский край, изучил бассейн р. Нарын и

гнавший китайцев, и спокойствие восстановилось», считал, что «смуты у богинцев могут возобновляться всякий раз, как только произойдут раздоры между их старшинами, пока не будет определена граница с Китаем и пока не будут сокрушены силы и влияние коканцев».¹

Анализируя политические игры вокруг киргизской границы на Тянь-Шане, он писал о последовательности стратегии русских в отстаивании каждой пяди земли: «Конечно, недостаток сведений и местной географии и о точных названиях горных хребтов причинил большую неясность и давал китайским комиссарам, при постановке пограничных знаков, согласно 3 статье того же трактата, возможность возбуждать споры и толкования о направлении граничной черты не по южным окраинным хребтам Тяньшанской горной системы, а напр., по Терской-Алатау и по Киргизстан-Алатау (Александровский хребет), отнимая у нас весь бассейн Нарына. Местное кульджинское начальство, желая уклониться от сделанных в Пекине уступок, возбудило, пользуясь неясностями трактата, большие затруднения, которые доходили в 1863 году до вооруженного столкновения между войсками двух государств, находившихся в мире и дружбе. Но восстание мусульман в Шаньси и Ганьсу, а затем в Урумчи, вынудило китайских комиссаров к определению, по Чугучакскому протоколу 25 сентября 1864 года, границы таким образом, что земли Б.орды и кара-киргизов решительно отошли в наши пределы ... Постановка пограничных знаков назначена была через 240 дней, но вследствие восстания в Кульдже и Кашгарии не состоялась и нам самим пришлось установить границу до проведения ее, с некоторыми изменениями по Петербургскому трактату 1881 года, уже в 1882 и 1883 годах».²

Попытки силового решения спорных вопросов о границе сопровождали проходившие в 1862 и 1863 гг. русско-китайские переговоры в Чугучаке, что заставляло русское пограничное командование наряду с замирением киргизских родов, перейти к принятию мер по прикрытию границы, предотвращению вторжения на российскую территорию китайских войск и откочевки поддавшихся на китайскую агитацию российских поддан-

В конце 1862 - начале 1863 г. Илийскими властями, недовольными течением переговоров в Чугучаке, начали распускаться слухи среди населения российского приграничья о намерении сосредоточить в Кульдже 40-тысячную армию и вытеснить русских за реку Лепсу. Китайские эмиссары предлагали свою защиту в случае принятия ими подданства Китая. Для устранения подобной агитации, а также предотвращения откочевания в Китай части населения Иссык-кульский отряд в марте 1863 г. был усилен полусотней казаков и горным орудием, с прибытием которых численность его достигла 150 казаков при двух орудиях.³

Командир отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатора Западной Сибири А.О. Дюгамель докладывал государственному вице-канцлеру А.М.Горчакову 26 ноября 1863 г: «Столкновение с китайцами на юго-востоке вверенного мне края произвело весьма сильное впечатление на умы дикокаменных киргизов рода Бугу. Многие из них, возмущенные китайскими воззваниями и уstraшенные численным перевесом над нами китайских сил, откочевали с Иссык-Куля на верховья р.Текеса. Впоследствии же, когда китайские войска при происходивших столкновениях с нашими отрядами потерпели поражения, откочевавшие бугинцы стали искать случая снова соединиться с своими родовичами на озере Иссык-Куль и, узнав, что правительство наше не придает откочева-

высокогорное оз. Сонкуль.

¹ Аристов Н.А. Усуни и киргизы или кара-киргизы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. - Бишкек: Илим, 2001. - С. 499.

² Аристов Н.А. Усуни и киргизы или кара-киргизы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. - Бишкек: Илим, 2001. - С. 500.

³ Леденев Н. История Семиреченского казачьего войска.- Верный, - С.495.

нию их в китайские пределы особенной важности и не преследует их, перешли опять на озеро Иссык-Куль, не выждав окончательного роспуска китайских отрядов... Много способствовало возвращению бугинцев расположение с прошлого года нашего отряда на Иссык-Куле, так как бугинцы до этого времени постоянно, по несколько раз в год, были угнетаемы своими хищными соседями...Китайцы продолжают волновать умы в орде и рассылают старшим султанам и другим влиятельным людям письма возмутительного содержания, в которых, между прочим, уверяют, что весной они начнут снова против нас неприязненные действия».¹

В начале сентября 1864 г. в ходе переговоров в Чугучаке китайские уполномоченные, попытавшись отстоять права Цинской империи на территорию Чуйских двоеданцев, заявив, что они «более зависимы от Китая, чем от России» и «по своим нравам более китайцы, чем киргизы», столкнулись с позицией российских представителей - полковника И.Ф. Бабкова,² обер-квартирмейстера Сибирского корпуса и генерального консула в Кульдже известного сиолога И.И. Захарова, о необходимости соблюдать Пекинский договор.³

Отстояв свое мнение в затянувшихся переговорах, они сообщали в российский МИД: «Почитаем себя счастливыми, что, наконец, получили мы возможность настоящим донесением уведомить министерство об окончательном решении дела о границе. После многих и продолжительных споров китайские комиссары поставлены были в необходимость отступить от своих притязаний на земли, которые по точному смыслу Пекинского трактата должны были отойти к России, и согласиться на наш проект границы без малейшей перемены: Вследствие чего в 25 день сего месяца и состоялись подписание протокола и карт определенной границы и взаимный размен оными документами. По силе сего протокола, полагающего конец спорам о границе, навсегда присоединяются к российской державе такие земли, которые представляют великие выгоды, как для нашего правительства, так и для частных лиц».⁴

Даже «грандиозное мусульманское движение, обнаружившееся в начале 60-х годов прошлого столетия (XIX в. - **Л.С.**) в провинциях Западного Китая, известное у нас под названием - «восстание дунган», не было в должной мере оценено китайскими властями», поэтому они не оставили «в виду грозных грядущих событий своих агрессивных намерений против нас», - писал историограф Семиреченского казачьего войска Н. Леденев.⁵

Мусульманское движение в Восточном Туркестане достигало своей последней фазы развития к 1864 г., когда китайцы были вытеснены из Кашгара.

На западной окраине Китая сформировались несколько государственных образований, среди которых особое беспокойство доставляли теократическое государство Джетьшаар в Восточном Туркестане во главе с выходцем из Коканда Якуб-беком, и Кульджинский или Таранчинский султанат. Их границы непосредственно соприкасались с владениями России в Семиречье. Волнения и страсти, не сдерживаемые «нарождавшейся политической единицей», отражались на российской приграничной полосе.

¹ Киргизстан - Россия. История взаимоотношений (XVIII-XIX вв.) Сборник документов и материалов. - Бишкек: Илим, 1998. - С.282-283.

² Бабков Иван Федорович - генерал от инфантерии. Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Действительный член Императорского Российского географического общества. За составление рельефной карты Семиречья и Заилийского края был награжден «бриллиантовым перстнем с вензельным изображением Высочайшего имени». Автор ряда географических трудов и воспоминаний, в том числе, по истории русско-китайских отношений второй половины XIX века.

³ В помощники им были назначены геодезист капитан А.Ф. Голубев, капитан И. Андреев и астроном К.В. Струве. В переговорах участвовал и русский консул в Чугучаке К.А. Скачков. Российские комиссары тщательно изучали ситуацию на границе, отправляли рекогносцировочные отряды и предлагали правительству различные варианты проведения границы и даже вооруженного занятия важных в стратегическом отношении мест.

⁴ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. - 1917 г.). - Барнаул: АзБука, 2003. - С.58.

⁵ Леденев Н. История Семиреченского казачьего войска - Верный, - С.495.

«В Западном Китае существует совершенная анархия и положение его совершенно плачевное, - докладывал генерал-губернатору Западной Сибири начальник Алатауского округа и «киргизов Большой орды» генерал-майор Г.А. Колпаковский. - Китайцы Илийских поселений и солдаты из тайпинов... скорее сочувствуют инсургентам, чем своему правительству, снабжая их оружием и лошадьми».¹

Выдающийся востоковед М.А.Терентьев² подчеркивал важность восстановления власти Китая в Восточном Туркестане для спокойствия Тянь-шаньского приграничья: «В интересах России более всего желательно было восстановление законной власти Китая, и если в начале восстания наше невмешательство имело хоть какую-нибудь благовидную подкладку, вроде ссылки на Чугучакский договор, запрещающий переступать китайскую границу даже одиночным казакам и солдатам, то теперь, когда бессилие китайского правительства перед мятежем стало очевидным, мы даже в видах собственных выгод должны были помочь Китаю. Это требовали заботы о нуждах нашей торговли, о спокойствии пограничного населения и, наконец, о нашем политическом значении».³

Часть приграничного населения и даже жителей Чуйской долины, пытаясь присоединиться к восстанию мусульман в Чугучаке и Кульдже, устремилась за границу, «частью из желания помочь магометанам-единоверцам, частью из жажды к поживе на счет китайцев, калмыков и солонов».⁴

Беспорядки, раздоры и баранта со стороны приграничных кочевников, возможность виновных безнаказанно, особенно в зимнее время, уходить в Кульджинские пределы, провоцировало вооруженные конфликты. Русские пограничные отряды, «стоя на границе, вынуждены были смотреть почти спокойно на пасущихся за границей стада и кочующие аулы наших изменников или людей, в это же самое время производящих баранты и грабежи на нашей территории». Даже не смотря на то, что «Китай не соблюдал наших обязательств к нам, не выдавал беглых преступников, но, конечно, мы, при первых его неудачах, не имели права нарушить обязательства, заключенные во времена его могущества. Мы обязаны были выжидать некоторое время, хотя бы и с ущербом своих интересов, хода событий в возмутившихся провинциях».⁵

Внутреннее умиротворение приграничных регионов и ограждение русскоподданных кочевников от влияния событий в соседнем Восточном Туркестане занимало основное внимание местной русской власти.

К тому же о своих правах на земли, лежавшие по левому берегу реки Нарын и Прииссыккулье, заявил кашгарский правитель Якуб-бек, получивший поддержку англичан и титул эмира от Турции. Безустанно вмешиваясь в дела принарынских и иссык-кульских киргизов - российских подданных - и проводя антирусскую агитацию, Якуб-бек источал агрессию. При помощи турецких инструкторов он создал 40-тысячную армию, «которая, по мнению выдавшего ее генерала Куропаткина,⁶ своим вооружением и обучением превосходила войска среднеазиатских ханств».⁷

¹ Цит. по: Халфий Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). - М.: Издательство восточной литературы, 1960. - С.183.

² Терентьев Михаил Африканович - генерал-лейтенант Генерального штаба. Из дворян Воронежской губернии. Выдающийся востоковед, историк и лингвист. Из дворян воронежской губернии. Во время первого периода деятельности в Туркестане (1867-1873) находился на службе по линии «военно-народного управления» и имел возможность изучить край, ознакомиться с бытом и культурой местного населения. Автор «Грамматик турецкой, персидской, киргизской и узбекской», нескольких военных разговорников, учебных пособий для школ Средней Азии. Известен также своими фундаментальными работами по истории присоединения Средней Азии и англо-русскому соперничеству на Востоке.

³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии Т.2. - СПб., 1906.- С. 21

⁴ Аристов Н.А. Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже // Труды по истории и этническому составу тюркских племен / Отв. ред. акад. В.М.Плоских. - Бишкек: Илим, 2003. - С. 278.

⁵ Аристов Н.А. Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже // Труды по истории и этническому составу тюркских племен / Отв. ред. акад. В.М.Плоских. - Бишкек: Илим, 2003. - С. 280.

⁶ Куропаткин Алексей Николаевич - генерал от инфантерии. Из дворян Псковской губернии. Военный министр (1900), генерал-губернатор Туркестана (1916-1917), выдающийся востоковед, действительный член Императорского русского географического общества, автор научных работ, участник создания Ташкентской офицерской школы восточных языков и офицерского факультета в Восточном институте. Автор военно-исторических и военно-востоковедческих работ.

⁷ Корнилов Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан. - Ташкент, 1903. - С.22

Пытаясь предупредить возможности вооруженного вторжения, проникновения в российские пределы китайских инсургентов и предотвратить попытки переселения на русскую территорию китайских подданных, «которые массами оставляли свое отечество, избегая опасностей, неразлучных с политическим переворотом», было решено содержать сильные пограничные отряды на казахском и киргизском участках границы с Китаем.¹

Предложения осуществить военную охрану рубежей на Тянь-Шане, высказывавшиеся неоднократно военными, политиками и даже учеными, оставались не реализованными из-за просьб манатов племен воздержаться от подобных шагов, что еще в 1856 г. подтверждал М.М. Хоментовский, докладывая командиру отдельного Сибирского корпуса Г.Х. Гасфорду о результатах примирения племен богу и сарыбагыш: «Можно надеяться, что с прибытием на озеро посредников от сарыбагышей, примирение между ними и богинцами последует очень скоро потому, что подполковник Бурунбай спешит этим делом и просит меня приостановиться с постройкою укрепления, которое, по его мнению, будет лишним трудом для казаков... Я успокоил его на этот счет, сказав, что мы пришли собственно по его просьбе и по окончании дел и по собрании необходимых для нас сведений возвратимся [в] Алматы, а укрепления, если он желает, строить не будем»².

Ученый-путешественник П.П.Семенов в октябре 1857 г., основываясь на собственном анализе ситуации в Прииссыккулье, высказался о срочных мерах по закреплению здесь российских позиций: «По моему мнению, совершенно необходимо дать этому краю прочные и неуязвимые границы, а для этого нужно немедленно принять в подданство богинцев, а за ними и сарыбагышей, которые, очутившись в том же критическом положении, как и богинцы, между молотом и наковальней, не далее как года через два будут так же настойчиво проситься в русское подданство. Таким образом, государственная русская граница, захватив весь бассейн Иссык-Куля, будет опираться на снежный гребень Тянь-Шаня, а ключ, замыкающий доступ в Заилийский край, уже легко будет найти занятием укрепленного пункта в Чуйской долине»³.

13 февраля 1860 г. Г.Х. Гасфорд сообщал о военных приготовлениях кокандцев: «К богинцам на Иссык-Куль сарты прислали уверение, что весною направят к ним отряд в 500 человек для постройки укрепления, и в настоящее время наиболее преданные нам манапы богинские просят, чтобы с нашей стороны был выслан к ним на Иссык-Куль отряд»⁴.

В ноябре 1861 г. новый командир отдельного Сибирского корпуса А.О. Дюгамель принял «боле решительные меры постепенным занятием озера Иссык-Куля»⁵.

22 апреля 1863 г. в своем письме в российский МИД указывая на желание племени черик принять подданство России он заявил о целесообразности постройки военного укрепления на Иссык-Куле: «Это укрепление, составляя опорный пункт для оказания, в случае надобности, вооруженной защиты покорным нам родам дикокаменной орды от притеснения их ближайших соседей, послужит также и промежуточным постом для поддержания сообщения укрепления Верное с Кашгаром, в случае открытия в сем городе русской торговли»⁶.

¹ Для охраны границы с Джунгарией в Казахстане были выставлены Южно-Тарбагатайский (одна сотня, одна рота, два орудия), Каптагайский (одна сотня), Борохудзирский (одна сотня и два орудия), Тяньшанский отряды.

² ЦГА РУз.Ф.И.715. Оп.1. Д. 17.Л.151.

³ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. - М.: Географгиз, 1958. - С. 269.

⁴ Киргизстан-Россия. История взаимоотношений (XVIII-XIX вв.) Сборник документов и материалов. - Бишкек: Илим, 1998. - С.220-221.

⁵ ЦГА РУз.Ф.И.715. Оп.1. Д.25.Л.470.

⁶ Киргизстан-Россия. История взаимоотношений (XVIII-XIX вв.) Сборник документов и материалов. - Бишкек: Илим, 1998. - С.272.

С 1864 г. на юго-восточной стороне оз. Иссык-Куль на реке Аксу на постоянной основе стал выставляться Аксуйский отряд.

Предвосхищая это событие начальник Зачуйского отряда полковник М.И Черняев 9 апреля 1864 г. направил киргизским манапам письма следующего содержания: «По воле великого государя я вступаю в земли ваши с тем, чтобы на вечные времена водворить в них спокойствие и порядок. Намерения нашего правительства теперь, как и прежде, заключаются в том, чтобы защитить преданное нам население от грабежей и насилия, обеспечить следование караванов, покровительствовать торговле и промышленности, примирить враждующие между собой роды, и тем доставить возможность каждому спокойно пользоваться трудами рук своих. Для достижения этих целей русские войска уже несколько раз приходили по призыву вашему, но лишь только уходили, как враги снова нападали на вас. Вследствие этого многие между вами неоднократно просили и теперь просят о принятии их под покров русского правительства и об устройстве крепостей для ограждения от постоянных притеснений коканцев»¹.

В 1869 г. Аксуйское укрепление становится местом пребывания иссык-кульского уездного начальника. Но, будучи удаленным от караванных путей и от озера, местонахождение уездного начальника было перенесено в заложенные на реке Каракол одноименный город.² Место будущего города и укрепления было избрано экспедицией А.В. Каульбарса.³

В пограничной полосе укрепление Каракольское являлось «опорным пунктом правого фланга,⁴ всей восточной оборонительной линии Семиречья и узлом путей, идущих от него в долину Илийскую и в Нарынский край».⁵

Летом 1867 г. в целях рекогносцировки путей к Кашгару в Нарынский регион был направлен отряд полковника Генерального Штаба В.А. Полторацкого.⁶ Экспедиция, названная Чатыркульской, должна была завершить исследования,⁷ начатые в 1863 г. капитаном А.П. Проценко.

С другой стороны, экспедиция имела важное военно-политическое значение ввиду обострения политических отношений с правителем Кашгара Якуб-беком. В мае 1868 г. Семиреченской администрации стало известно, что Якуб-бек вошел в сношения с таранчинским ханом, предлагая совершить совместное нападение на Семиреченскую область. Для этого к важнейшим проходам из Кашгарии в Илийскую долину через Тянь-Шань - Музарт и Тургень-Аксу, подвозился инструмент для их разработки. Ожидалось прибытие войск Якуб-бека в Киргизию в Иссык-кульский уезд.

В 1868 г. Якуб-бек заключил соглашение с Бухарой о совместной войне против России. В Турфане им было собрано 9-тысячное войско для нападения на Нарынский край.⁸ Узнав о сношениях Якуб-бека с бухарским эмиром, и получив обращения отчаяв-

¹ ЦГА РУз.Ф.И.715. Оп. 1. Д.27.Л. 184-185.

² Город Пржевальск в 1889-1921 и 1939-1989 гг.

³ Каульбарс Александр Васильевич - генерал кавалерии, выдающийся востоковед, дипломат и географ. Прославил русскую географическую науку своими исследованиями горных систем Тянь-Шаня. В 1869 г. он возглавил экспедицию, исследовавшую природно-географические условия Восточного Прииссыкуля и проведшую топографические съемки на протяжении пройденных ею 13,6 тыс. верст.

⁴ Предполагалось, что в случае начала боевых действий на границе с Китаем «до прибытия подкрепления является настоятельно необходимо упорная, энергичная оборона этого пункта. Серьезным подкреплением нашим регулярным войскам в этом деле послужат из местного русского населения при надобности, организованные части милиции» (Тихменев, Прославский. Военное обозрение Восточной пограничной полосы Семиреченской области. - СПб., 1883. - С. 108).

⁵ Тихменев, Прославский. Военное обозрение Восточной пограничной полосы Семиреченской области. - СПб., 1883. - С.105.

⁶ Полторацкий Владимир Александрович - генерал-майор. Из дворян Тверской губернии. Военный губернатор и командующий войсками Семипалатинской области (1868), известный исследователь Заилийского края и Тянь-Шаня. Автор научных трудов по истории и географии Западного Китая, Монголии, Казахстана и Киргизии.

⁷ Экспедиции В.А.Полторацкого удалось получить важные результаты: провести полуинструментальную съемку Занарынского края на территории 12 тыс. верст, собрать зоологические, орнитологические, энтомологические и ботанические коллекции, получить сведения по орографии, гидрографии и климатологии района.

⁸ Терентьев М. Россия и Англия в Средней Азии,- СПб., 1875. - С. 139.

шихся чериков, вынужденных платить зякет Кашгару, туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман в 1868 г. отдал распоряжение о закреплении российских территорий в бассейне реки Нарын и закладке постоянного укрепления.

Для исполнения губернаторского решения в мае 1868 г. из Токмака выступил отряд генерал-майора Краевского в составе двух рот пехоты, первой Семиреченской полусотни есаула Маркова, 4 орудий и саперной команды. Отряд, исправляя по пути дорогу, прошел к месту своего назначения кратчайшим путем через Боомское ущелье, перевал Долон, выстроил мост на реке Нарын и 1 августа 1868 г. заложил укрепление Нарынское, продолжая его постройку до глубокой осени.

В укреплении разместился отряд, названный Нарынским, которому, кроме наблюдения за пограничным пространством¹, в обязанность входило строительство «русского» моста через реку Нарын рядом с мостом китайским².

Постройка укрепления и моста усилила раздражение Якуб-бека, который в бессилой злобе мстил русским, препятствуя их торговле в кашгарских пределах. Торговые караваны задерживались в Кашгаре годами, купцы арестовывались, а товары изымались за весьма низкую плату, купцы терпели убытки.

Желая принудить Якуб-бека к уступчивости, Туркестанский генерал-губернатор в 1868 г. принял меры к разработке дороги из южной части Семиречья к кашгарским владениям. Первоначально разрабатывалось Боомское ущелье, ведущее к Иссык-Кулю, а затем в 1872 г. - Джуванарыкское. Работы производились войсками под руководством офицеров туркестанской саперной роты³. В Генеральный штаб русской армии докладывалось: «Работы эти навсегда останутся памятником искусства и неутомимой энергии наших войск. Их руками недоступный дотоле Тянь-Шань, так сказать пробуравлен почти насквозь, так что до Нарынского укрепления теперь существует удобный колесный путь»⁴.

Прикрытие границы сначала Нарынским и Каракольским укреплениями, а впоследствии и Иркештамом, стало основой военной охраны границы России с Китаем на Тянь-Шане во второй половине XIX века, а подразделения Семиреченского казачьего войска несли основную нагрузку по организации пограничной службы⁵.

Для улучшения обстановки в приграничье и нормализации отношений с Кашгарским правителем «ввиду его подозрительности, вызванной нашими действиями в долине Нарына, в 1868 г. в Кашгар был командирован капитан П.Я. Рейнталь⁶ для разъяснения

¹ Линия границы Семиречья с Китаем делилась на участки: Бахтинско-Зайсанский, Джаркентский, Каракольский (Пржевальский). В начальный период Каракольский (Пржевальский) участок охранялся сотнями и местной командой, размещавшимися в Каракольском укреплении и в селении Атбаши (1-й Семиреченский казачий полк). Командиры сотен именовались «начальниками пограничных передовых постов». Общее количество войск на Тянь-шаньской окраине осенью 1875 г. составляло: один линейный батальон, одна уездная команда, полторы батареи и три сотни казаков (в Нарыне - одна казачья сотня, в Караколе - полторы). Численность войск менялась в зависимости от обстановки и отношений в сопредельном Китае.

² В ходе своего путешествия по южному Семиречью в 1869-70 гг. художник - баталист В.В.Верещагин нарисовал, а на персональной выставке 1874 г. в Петербурге представил работу «Казачье укрепление Нарын».

³ В 1904 г. «для оживления торговли и облегчения пути» губернатором Семиречья генералом М.Е. Ионовым были приняты меры по соединению колесной дорогой Нарынского укрепления, села Ат-Баши Пржевальского уезда с Кашагаром через Ташрабатский перевал.

⁴ Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа - СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1880. - Материалы для географии и статистики России. Т.2. - С.222.

⁵ Семиреченское казачье войско было образовано 14 июля 1867 г. Командование новым соединением было вверено наказному атаману. Им стал первый губернатор Семиречья Герасим Алексеевич Колпаковский. История войска на Тянь-Шане связана с боевой хроникой 1-го Семиреченского полка и биографией его первых командиров - А.А. Гринвальда, А.П. Принца, П.С. Щербакова, Д.И. Гордоделова, К.Н. Хагондокова. В Инструкции пограничным отрядам Семиреченской и Семипалатинской областей, утвержденной в июле 1891 г., целями пограничной охраны в военном отношении определялись «оберегание» неприкосновенности государственных границ, а в административно-полицейском отношении - охрана порядка на границе, а также содействие таможенному надзору. В документе уточнялось, что «оберегание границы состоит: в предупреждении вторжения или перехода в наши пределы иноземных вооруженных сил, в не пропуске военных транспортов из-за границы и отдельных вооруженных людей» (ЦГА КР. И.-ф.46 Оп.1. Д.9.Л.26).

⁶ Рейнталь Павел Яковлевич - полковник, действительный член Среднеазиатского ученого общества. Занимал различные воинские должности, служил в администрации Семиреченской области (1867). В сентябре 1868 г., совершая поездку в Кашгар с «дипломатическим поручением», собрал сведения о военно-политической ситуации в Восточном Туркестане. Работа «Из путевых заметок о Нарыне и Кашгаре» стала первым обстоятельным трудом о положении дел в соседнем с Россией Восточном Туркестане со времен экспедиции Ч.Ч.Валиханова в Кашгар (1858). Автор ряда военно-востоковедческих работ, в том числе о быте, обычаях и традициях казахов и киргизов.

бадулету нашего желания жить с ним в дружбе и добром согласии. Но увещевания русского посланца мало, по-видимому, убедили Якуб-бека, так как на занятие Нарына он ответил в 1869 г. постройкой укр. Чакмак»¹.

30 апреля 1869 г. Туркестанский генерал-губернатор К.П.Кауфман ориентировал военного губернатора Семиреченской области, что «надо ожидать столкновения с кашгарским владетелем Якуб-беком по следующему случаю: кочующие в верховьях р.Нарына и около Уч-Турпана, в долине р.Аксая каракиргизы рода чирик, которым, согласно просьбы их депутатов, было разрешено мною (предложение [от] 25 октября 1868 г.) возвратиться на их прежние кочевки по Нарыну и Атбаш, удерживаются от выселения в наши пределы сторожевыми пикетами кашгарских войск, которые окружают нынешние кочевники чириков и при каждом намерении последних к выселению, начинают баранту. Если случится, что чирики найдут возможность бежать в наши пределы, то надо, как полагает майор Загряжский², ожидать сильной погони за ними и, может случиться, что кашгарские войска не ограничатся преследованием чириков до нашей границы, а проникнут до Атбаша и в виду нашем, на нашей территории будут грабить наших киргиз»³.

Занятие в 1872 г. русскими войсками Кульджи настолько впечатлило Якуб-бека, что он поспешил обратиться к Туркестанскому генерал-губернатору с предложением установить дружеские отношения. Направленному в Кашгар посольству подполковника Генерального штаба барона А.В. Каульбарса удалось убедить Якуб-бека согласиться на предложенных условиях торговых отношений между Россией и Джетишааром и 10 января 1872 г. заключить торговый договор. После нескольких лет пограничного напряжения граница Семиречья с Синьцзяном обрела «полный внешний покой»⁴.

Алайский поход генерала М.Д. Скобелева в 1876 г. в южную Киргизию и Припамирье завершился фактическим включением в состав России всей территории Киргизии и непосредственного сближения владений Российской империи и Джетышаара по всей протяженности Тянь-Шаня, в связи с чем явилась необходимость установить границу с владениями Якуб-бека.

Еще до начала утверждения России в Нарынском крае Якуб-бек, воспользовавшись слабостью Кокандского ханства, отодвинул «кокандскую границу, проходившую при Мадали-хане через рабат Курганшин-Кани, значительно на запад. Им были построены и заняты укрепления Уксальр, Машрабат, Улугчат, Нагара-Чилды, Игын и Иркештам, а передовые посты выдвинуты в ур. Нура и Ойтал. Дальнейшее движение было остановлено занятием нашими войсками Кокандского ханства»⁵.

Уже в мае 1876 г. прибывшая ко двору Якуб-бека военно-дипломатическая миссия капитана Генерального штаба А.Н.Куропаткина потребовала от правителя Кашгара возвращения земель, прилегающих именно к этим укреплениям, и возвращения Китая и России к бывшим границам Кокандского ханства.

«Обаяние могущества России и настойчивость нашего посла, который, прекрасно оценив положение страны и ее властителя, принял с ним соответственный тон, смирили гордого бадулета»⁶. Якуб-бек высказал просьбу направить свое посольство к Туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману, чтобы «оставить в его руках места, об устройстве которых он, Якуб-бек, заботился 14 лет». Ответ свой Куропаткину

¹ Корнилов Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан. - Ташкент, 1903. - С.28.

² Загряжский Георгий Семенович - полковник. Из дворян Смоленской губернии. С декабря 1867 г. начальник Токмакского уезда. Активный корреспондент газеты «Туркестанские Ведомости». Автор статей по социальной организации, семейному быту, юридическим уложениям и обычаям казахов и киргизов.

³ ЦГА РУз.Ф.И.715. Оп.1. Д.39.Л.166.

⁴ Леденев Н. История Семиреченского казачьего войска.- Верный, - С.495.

⁵ Корнилов Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан. - Ташкент, 1903. - С.21.

⁶ Корнилов Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан. - Ташкент, 1903. - С.29.

он заключил словами: «Если и на эту мою просьбу не будет согласия, то я совершенно предоставляю на усмотрение г. Туркестанского генерал-губернатора назначить пограничную черту там, где он признает нужным»¹.

Смерть бадулета и занятие Кашгара китайцами не позволили установить границу в соответствии с договоренностями, достигнутыми А.Н.Куропаткиным. Весной 1878 г. отношения между российскими и китайскими властями в Кашгарии осложнились. Связано это было с появлением и распространением в городах Кашгарии слухов о продвижении русских войск в пределы Восточного Туркестана и притязаниями обеих сторон на территориальное наследие Якуб-бека и кокандских ханов в Киргизии, в том числе на Памире. Китайцы имели свои взгляды на прохождение границы, и «знать ничего не хотели о договорах наших с каким-то узурпатором, которого они никогда не признавали». К.П.Кауфман распорядился о срочном выставлении на Иркештаме отряда и начале постройки укрепления. Губернатор Ферганы Абрамов двинулся в Иркештам 3 июня с 5 ротами, 3-мя сотнями и конно-горной батареей. «Прибыв на место и послав несколько съёмочных партий на разные перевалы, обозначенные на карте Куропаткина, по расспросным сведениям, Абрамов совершенно забраковал граничную черту». Он докладывал Туркестанскому генерал-губернатору, что «проведя границы по речкам, приходится долины этих речек делить пополам... поведет к стеснениям наших кочевников и недоразумениям».² В ответ китайские власти, заявив, что Иркештам принадлежит Цинской империи, потребовали немедленной выдачи бежавших из Кашгара дунган и других повстанцев, как условие дальнейших переговоров о границе.

Переселенческая эпопея стала важной страницей деятельности русской пограничной охраны на Тянь-Шане. Осенью и зимой 1877 г. десятки тысяч уйгур и дунган в жестокие морозы и бураны, преследуемые Цинскими войсками, бежали через горные проходы и перевалы во владения России.

На перевале Терек-даван Ошского уезда русские пограничники сделали первые шаги в организации приема беженцев из Кашгара. В те декабрьские дни морозы доходили до 30 градусов. Организацией приема беженцев занимался лично уездный начальник майор М.Е. Ионов.³ Голодных людей отогревали, оказывали медицинскую помощь, сажали на лошадей, отправляли в Ош. В самом городе трудились военные медики. Старший врач 4-го линейного батальона Деревянко «положил много труда, ампутируя отмороженные конечности пострадавшим».⁴

«Со стороны Семиречья такая же помощь была оказана начальником Каракольского (Пржевальского) уезда; вообще для беглецов из Кашгара в наших пределах было сделано все, что можно было сделать при наших тех средствах»⁵, - писалось в исторических справках.

Одна из групп дунган, прибывшая в Нарын 27 декабря, возглавлялась вождем дунганских повстанцев Бай Яньху. Очевидцы их появления в укреплении Нарын отмечали, что «прибывшие поистине являли собою вид ужасный, у многих из них были отморожены руки и ноги, более счастливыми считали себя те, кто поплатился легким озноблением лица и ушей; у других рядом с свежими и широкими рубцами были видны также новые, еще незажившие и гноящиеся раны... Громадное большинство из числа прибывших шло пеш-

¹ Корнилов Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан. - Ташкент, 1903. - С.30.

² Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т.2 - СПб., 1906. - С. 424, 425.

³ Ионов Михаил Ефремович - генерал от инфантерии, известный исследователь Памира и Алая. Военный губернатор и командующий войсками Семиреченской области, Наказной атаман Семиреченского казачьего войска (1899). В 1892-1894 гг. возглавлял «памирские отряды» - рекогносцировочные группы, направляемые для военно-географических исследований на Памире и в припамирских ханствах. Ему принадлежит заслуга в создании сети дорог, русских военных постов и укреплений на Памире и Тянь-Шане, сыгравших важную роль в военной охране границы и организации географических исследований в Центральной Азии. Под руководством М.Е. Ионова начинали свою востоковедческую деятельность такие известные исследователи Востока, как А.Г.Серебрянников, Б.Л. Тагеев, С.П. Вановский, А.Г. Скерский.

⁴ Павлов Н. История Туркестана: В связи с кратким историческим очерком сопредельных стран. - Ташкент, 1910 - С. 146.

⁵ Павлов Н. История Туркестана: В связи с кратким историческим очерком сопредельных стран. - Ташкент, 1910.- С. 146.

ком, так как не только для всех женщин и детей недоставало лошадей и быков, но их недоставало даже и для наиболее ослабевших и выбившихся из сил полузамерзших стариков и женщин с детьми... Обессиленные матери не в силах были держать своих полузамерзших грудных детей, и последние незамеченными часто выпадали из их окоченевших рук. Ужас и отчаяние читались на лицах прибывших: и улицы всегда глухого и пустынного небольшого укрепления Нарына огласились вдруг тысячами душу раздирающих воплей...».¹

Приемом беглецов осуществлялся в Токмаке, где их встречал Семиреченский губернатор Г.А. Колпаковский, лично руководивший размещением и обустройством. Все беглецы по просьбам принимались в российское подданство. На запросы китайских властей об их возвращении Г.А. Колпаковский указал, что ссылаться на русско-китайский договор 1860 г. и другие договоры о взаимной выдаче перебежчиков китайская сторона может только в случае выдачи преступников: «Вы всего менее можете ссылаться на оный договор... В наши владения пришли не преступники, а пришли до 5 тыс. душ бедных дунганских семей, искавших спасения от неистовств ваших войск... Дунгане эти, таким образом, приняты под покровительство российского императора, останутся на нашей земле и никакие притязания Ваши не будут приняты мною во внимание без приказания высшего нашего начальства».²

«Небывалый в истории человечества и, кажется, не вполне оцененный самими нами факт, - писал выдающийся русский китаевед академик В.П. Васильев об охватившем Восточный Туркестан процессе переселения в российские пределы, - представляет это современное движение дунган из пределов Кульджи, которую мы возвратили Китаю. Кульджинский край находился под нашим управлением с небольшим десять лет, и вот когда мы передаем его прежнему правительству, исконные его деятели, горожане и земледельцы, бегут вслед за нами, оставляя насиженный, обработанный их потом и кровью край, бегут от тех благоденствий, которыми будто бы богдыхан осыпает своих подданных. Пойдут ли индусы вслед за англичанами, если им придется когда-нибудь оставить страну, которую они благодетельствуют не хуже богдыхана».³

Проведенная сторонами граница на Тянь-Шане и формировавшаяся на ней система пограничных отношений являлась итогом длительного исторического сближения владений обеих империй в Центральной Азии, результатом международной обстановки в регионе и соотношения сил между дряхлеющей феодальной деспотией - Цинской империей, вступившей в полосу длительного экономического и внутрисполитического кризиса и превращавшуюся в полуколонию группы западных держав, и относительно быстро экономически развивающейся в пореформенный период Россией.

Неудивительно, что к концу XIX века в системе пограничных угроз военное противостояние на Тянь-шаньском участке российско-китайской границы сменилось контрабандной деятельностью, активизировавшейся в период развития торговых отношений двух государств.

С окончательным возвратом Кашгара в руки китайцев А.Н. Куропаткин, досконально изучивший особенности промышленности и торговли края, предположил открытие старых торговых путей, связывавших западные провинции с внутренним Китаем. Тогда одна из мер достижения более благоприятного баланса в торговле России с Кашгарией по его мнению должна было заключаться «в установлении таможенной линии по нашей границе, и в конфискации контрабанды».⁴

¹ Поярко Ф. Последний эпизод дунганского восстания//Памятная книжка Семиреченской области на 1901г. Отдельный оттиск. Верный. 1901. - С. 6-8.

² Цит. по: Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. - 1917 г.). - Барнаул: АзБука, 2003. - С.163.

³ Васильев В.П. Открытие Китая. - СПб., 1900. С. - 140-141.

⁴ Куропаткин А.Н. Кашгария: Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. - СПб., 1879. - С.65.

Беспокойства А.Н.Куропаткина имели свои основания. В соседнем Китае полыхала откровенная опиумная агрессия. М. Венюков в 1877 г. писал: «Опиум, как известно, введен англичанами в Китай сознательно, с прямою целью ослабить физиологически китайский народ и чрез то сделать его опасным противником политическим и торговым... опиумный вопрос может еще раз подать повод к войне Китая с Англией и решится удовлетворительно в смысле человеколюбия лишь тогда, когда китайское оружие одержит в этой войне значительные успехи».¹

Опиумная экспансия быстро распространилась по территории Китая, приблизившись вплотную к границам Семиречья. Число наркоманов в Поднебесной империи перевалило за 10 млн. человек.

К этому времени в пределах Российской империи получили сбыт китайские анаша и гашиш, а посевы опийного мака получили прописку и в Семиречье. Впервые произведенные переселенцами из Кульджи во второй половине XIX века в районе сел Токмак, Карекунуз и Александровское Пишпекского уезда оказались удачными. Посевы быстро распространились в соседний Пржевальский уезд. Но еще раньше посевы осуществлялись в пределах российского Джаркентского уезда опиумщиками, приходящими из Китая.

В результате к концу XIX - началу XX веков в число важнейших проблем, отражавшихся на состоянии пограничных отношений России и Китая, выдвинулась контрабанда наркотических средств через государственную границу.

Степень опасности распространения наркотиков стала осознаваться, общественностью и государственными деятелями большинства стран. «Правила для торговли с Западным Китаем», подписанные министром иностранных дел Нессельроде и утвержденные 5 февраля 1852 г. царем, налагали категорический запрет на ввоз в Китай опиума. По договору 1881 г. Россия брала на себя обязательство не допускать как ввоза опиума в Китай, так и посевов мака в пограничной полосе.

16 декабря 1897 г. помощник управляющего таможенным участком Нарынского района, докладывая о производстве наркотических средств на территории Китая, отмечал: «Между товарами, вывозимыми из Кашгара в русские пределы контрабандою через границы Пржевальского и Ферганского таможенного участка, первое место по количеству вывоза занимает «наша»².

По сведениям русской таможенной стражи китайские власти - начальники пограничных караулов, уездные начальники способствовали контрабанде и были заинтересованы в ее успешном прохождении через границу. Командир китайской лянзы в Улукчи Хуанк-Дорина оборудовал в крепости крупный склад «наши» и являлся организатором вывоза наркотиков в Россию.

Информация была получена русским Генеральным консулом в Кашгаре Н.П. Петровский,³ зорко следившим за внутривосточной обстановкой в Тянь-шаньском приграничье, информировавшим таможенников обо всех готовящихся контрабандистами акциях с наркотиками и использовавшим весь потенциал дипломатических мер для стабилизации обстановки. Он решительно добивался от китайских властей снятия с должностей китайских пограничников, связанных с контрабандистами.

Следует заметить, что таможенный надзор на границе Семиреченской области с Китаем был учрежден в 1888-1889 гг. Он осуществлялся при поддержке пограничных ка-

¹ Венюков М. Очерк международных вопросов в Азии/Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. - СПб., 1877. - С.246-247.

² Анаша. ЦГА КР. И.Ф.46. Оп.1. Д.405. Л.65.

³ Петровский Николай Федорович - выдающийся русский дипломат и востоковед. Внес значительный вклад в обеспечение пограничной безопасности в районе Тянь-Шаня. С 1882 г. русский консул в Кашгаре, с 1895 по 1903 - генеральный консул. Автор значительного количества востоковедных и археологических работ, собиратель древностей Восточного Туркестана.

зачьих отрядов, что было закреплено в Инструкции пограничным отрядам Семиреченской и Семипалатинской областей.¹

В результате выдвигание на первый план экономического фактора безопасности страны определило ведущую роль в регулировании процессов пограничной сферы в конце XIX - начале XX веков таможенной стражи, выполнявшие в числе таможенных задач функции наблюдения за границей, и доказавшие на деле готовность отстаивать интересы государства на его главном рубеже.

За короткий срок малочисленная таможня на Тянь-Шане заявила о себе в полную силу эффективными действиями, одновременно встретив открытое противодействие со стороны контрабандистов. Подтверждая напряженность службы, заметим, что на Нарынскую таможенную заставу, например, при 32 таможенных служащих² по штату возлагалась «охрана китайской границы на протяжении около 300 верст и разъезды по границе с Ферганой около 400 верст, пропуск товаров досмотренных в Кашгаре, досмотр иностранных товаров, пассажиров, проверка паспортов, транспортов мануфактуры».³

Противостояние русских таможенников с контрабандистами достигло своего апогея, когда были убиты 6 российских стражников Иркештамского переходного пункта. В 1895 г. в Ошской области вновь был убит таможенный стражник.

Начиная с первых лет XX века, наркоситуация на Тянь-шаньском участке российско-китайской границы приобрела критический характер. В контрабанде участвовали как китайские, так и российские подданные. Так, 1 января 1911 г. стража Акбеитского поста изъяла у контрабандистов из Кашгара свыше 148 пудов⁴ анаши, которая транспортировалась на 33 лошадях. 6 августа 1901 г. задержаны контрабандисты из Намангана⁵.

31 августа 1915 г. стражниками Заукинского таможенного поста Василием Колбиным и Владимиром Куриловичем Пржевальской таможенной заставы был задержан китайский контрабандист Тохта Шамшитдинов (он же Изаков) с 9 пудами 2 фунтами опиума, оцененного в 1548 рублей 40 копеек. Груз перевозился на двух лошадях. Как оказалось, задержанный Шамшитдинов привлекался к ответственности за контрабанду наркотиков 23 января 1914 г., когда он пытался провезти через границу в Китай 34 Ц фунта опиума.⁶

Осознавая опасность распространения наркотиков, таможенная стража инициировала внедрение дополнительных мер по борьбе с контрабандой. В 1897 г. управляющий Пржевальским таможенным участком А.Михайлов вышел с предложением образовать в Нарынском районе постоянный летучий отряд⁷ для наблюдения за «непропуском из китайских владений «наши» и других товаров, выдворяемых контрабандным путем, минуя таможенный надзор, дорогами, пролегающими вблизи озер Чатыр-Куль и Сон-Куль»⁸.

Уходя в отставку, статский советник А.Михайлов в своем приказе от 24 декабря 1912 г. № 78 писал: «Насколько я могу припомнить всю службу мою в течение более 21 года в должности управляющего у меня не было лицемерия».⁹ Эта линия поведения прослеживается в деятельности всех русских пограничников на протяжении более чем вековой истории киргизской границы. Она была характерна и тем русским военным, дипломатам, кто отстаивал каждый метр киргизской земли.

¹ ЦГА КР. И.Ф.46. Оп.1. Д.9. Л.21.

² ЦГА КР. И.Ф.46. Оп.1. Д.145. Л.2.

³ ЦГА КР. И.Ф.46. Оп.1. Д.145. Л.12 о.

⁴ 1 пуд=40 фунтам=16,38 кг; 1 фунт=0,40951 кг.

⁵ ЦГА КР. И.Ф.46. Д.306. Л.12о.

⁶ ЦГА КР. И.Ф.34. Оп.2. Д.4. Л. 19

⁷ Для усиления надзора за границей на основании предписания Департамента таможенных сборов от 7 февраля 1902 г. № 397 об изменениях в устройстве таможенной части в Средней Азии, на Пржевальском таможенном участке создавался один летучий отряд, состоящий из двух постов в составе одного объездчика и 5 стражников в каждом.

⁸ ЦГА КР. И.Ф.46. Оп.1. Д.416. Л.3

⁹ ЦГА КР. И.Ф.46. Оп. 1. Д. 133. Л. 11.

Во многом благодаря именно данному обстоятельству на границе с Китаем удавалось формировать обстановку добрососедства и снижать уровень пограничных угроз. Это дало повод генералу Л.Г. Корнилову в начале XX столетия справедливо отметить: «Пока еще наиболее солидной гарантией внутреннего спокойствия в Кашгарии и неприкосновенности ее границ является соседство могучей России и миролюбие ее, доказанное всей историей наших отношений с Китаем».¹

Та же линия была унаследована российскими пограничниками, которые с 1992 г. выполняли задачи по охране государственной границы Киргизстана, вставшего на путь самостоятельного развития.²

По прошествии времени с момента передачи в 1999 г. россиянами функций пограничной охраны киргизскому пограничному ведомству можно с уверенностью сказать, что деятельность российских пограничников на киргизских границах явилась наиболее успешным проектом, реализованным Киргизстаном и Россией в постсоветский период и продолжением славных дел русских пограничников конца XIX - начала XX века.

Готовность российских пограничников в 1990-х гг. встать на пути трансграничного преступного синдиката, промышлявшего в бывших постсоветских республиках разграблением национального достояния, наркотрафиком, а также помощь в становлении Пограничной службы Киргизии явились ярким примером развития традиций первых часовых Тянь-Шаня. Они смогли переломить к лучшему ситуацию в пограничном пространстве Киргизской Республики, что явилось одним из факторов укрепления суверенитета и независимости киргизского государства, продвижения его по пути политических и социально-экономических преобразований.

Граница во все времена была и остается не просто линией, где пограничники выполняют свои обязанности, а рубежом, с которого начинается государство. Здесь переплетаются и политика, и экономика, и военно-стратегические интересы государства. Формирование архитектуры границ и создание системы обеспечения ее безопасности являются неотъемлемыми частями процесса государственного строительства. Через призму более чем вековой истории эволюции формирования и укрепления киргизско-китайской границы, как гаранта стабильного развития общества и государства, наиболее отчетливо просматривается судьбоносная роль России и русских в генезисе киргизской государственности и определения достойного будущего народа Киргизии.

¹ Корнилов Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. - Ташкент, 1903. - С. 425 -426.

² В связи с распадом СССР и с учетом того, что формирование собственных пограничных войск Киргизстана потребует определенное время (переходного периода), исходя из интересов собственной безопасности и принимая во внимание интересы безопасности России и других государств-участников СНГ, Республика Киргизстан посчитала необходимым обратиться к руководству Российской Федерации с просьбой охрану киргизско-китайской границы в переходный период осуществлять пограничным войсками Российской Федерации. Россия для осуществления этой задачи заявила о готовности включить в состав своих пограничных войск все соединения, части и подразделения пограничных войск СНГ, находившиеся на момент принятия решения на территории Республики Киргизстан. Подписанное 9 октября 1992 г. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Киргизстан о статусе пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Киргизстан, закрепило основные положения функционирования российских пограничников по охране киргизско-китайской границы - юго-восточного рубежа Содружества. Делегирование охраны государственной границы Киргизстана российским пограничным войскам предоставило время молодому государству для разработки собственной стратегии и тактики организации национальной пограничной службы. - См.: Князев А.А. К истории присутствия пограничных войск Федеральной пограничной службы Российской Федерации в Киргизской Республике// Вестник Киргизско-Российского Славянского университета. Т. 3, № 4. - Бишкек, 2003. - С. 29-44; Сумароков Л.И. История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире. - Бишкек: Изд-во КРСУ, 2006.

Динамика экономического развития Киргизии и социально- профессиональный состав русского населения (1860-1917 гг.)

Промышленность, сельское хозяйство в этот период находились в стадии зарождения. Основу промышленности составляли угольные копи, мелкие кустарные и полукустарные предприятия, ремесленные заведения. Сводилась она к первичной переработке сельскохозяйственного сырья и добыче некоторых полезных ископаемых. В 1910 г. начались нефтяные разработки. С 1910 г. началась разработка Косянгатского, а с 1916 г. Ташкумырского угольных месторождений. Удельный вес промышленного производства в народном хозяйстве в 1913 г. составлял 3%. В Киргизии в расчете на одного жителя промышленной продукции производилось в 16 раз меньше, чем в целом в дореволюционной России. В 1913-1914 гг. в Киргизии было построено 5 небольших электростанций, в том числе 2 ГЭС. Основой сельскохозяйственного производства было отгонное животноводство¹. В 1910 г. в сельском хозяйстве использовалось 24942 конных плуга, 86 борон «зигзаг», 16 конных сеялок, 244 жатки-лобогрейки.

- 1860-1880 гг. Начало переселения русских крестьян в Киргизию основание ими ряда селений в Чуйской, Таласской долинах и в Прииссыккулье.
- 1888 г. Открытие Пржевальской сельскохозяйственной школы.
- 1889 г. Открытие киргизской школы садоводства в Пишпеке, преобразованной в 1894 г. в сельскохозяйственную школу.
- 1898-99 гг. Открытие каменноугольных копей в Кызыл-Кие.
- 1908-11 гг. Строительство узкоколейных железнодорожных веток от ст. Скобелево (Фергана) до Кызыл-Кии и от ст. Драгомирово до Сулюкты.
- 1910-1917 гг. Изыскания и строительство оросительной системы в долине р. Чу.
- 1915 г. Ввод в эксплуатацию железнодорожной ветки Гурунчмазар-Джалал-Абад.

С момента заселения русскими территории региона множество факторов оказали влияние на формирование их социального состава, профессиональных приоритетов. По материалам Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., 74% наличного населения европейских губерний империи, где подавляющей частью были русские, своим главным занятием назвали земледелие.² В несельскохозяйственных отраслях около 20% населения было занято, преимущественно физическим трудом.³ То есть основным занятием русских переселенцев, направляющихся в Туркестанский край, оставалось земледелие и кустарные

¹ Развитие экономики Киргизии приводится по: Киргизская Советская Социалистическая Республика: энциклопедия.-Фрунзк, Глав. ред. Кирг.сов. энцикл., 1982.

² Русские: этносоциологические очерки.- М., 1992.- С. 89.

³ Русские: этносоциологические очерки.- М., 1992.- С. 90.

промыслы. Доля горожан с высоким образовательным уровнем среди русских переселенцев была значительной, что обусловило относительно высокую занятость в государственных учреждениях и учебных заведениях региона. Русские переселенцы были задействованы в неаграрных отраслях: фабрично-заводской промышленности, на железнодорожных объектах, в сферах связи и коммуникаций. Русское население региона делилось не только на сельчан и горожан, но и по роду занятий, по месту, занимаемому в общественно-политической структуре. Хозяйственно-отраслевая специализация является одним из основных признаков социальной структуры этнической группы. Так, согласно Первой Всеобщей переписи населения 1897 г., в северных областях республики - Пишпекском и Пржевальском уездах - большая часть русских жителей была задействована в сельскохозяйственном секторе: 460 человек из расчета на 1000 человек,¹ или 46% от всего русского населения. Следует отметить, что это характерно для всего населения северной части Киргизстана, где 87,9% были заняты в этой отрасли, а показатели представленности киргизского населения составляют 95,7%.² Второй по степени представленности русского населения оставалась административная группа, где было задействовано 24,8% из числа чиновников и военных. В развитии промышленного сектора края в этот период времени участвовали 10,4% русского населения региона.³ Таким образом, социальный состав русских переселенцев отличался от аналогичного состава представителей национальности центральных регионов России.

¹ Желуховцев В.С. Русские в этнической и стратификационной структуре населения Киргизстана (конец XIX- начало XX вв.) // Русские в Киргизстане,- Бишкек, 2002.- С. 64-65.

² Желуховцев В.С. Русские в этнической и стратификационной структуре населения Киргизстана (конец XIX- начало XX вв.) // Русские в Киргизстане,- Бишкек, 2002.- С. 64-65.

³ Желуховцев В.С. Русские в этнической и стратификационной структуре населения Киргизстана (конец XIX- начало XX вв.) // Русские в Киргизстане.- Бишкек, 2002.- С. 64-65.

Переселенческая политика Российской империи во второй половине XIX века

*И. Бартенева, соискатель Киргизско-Российского
Славянского университета*

Военная составляющая всегда была одной из важнейших в истории России. Зачастую она определяла сущность внутренних процессов, происходивших в обществе, формировала облик страны, указывала направление ее дальнейшего развития. Движение страны по этому пути сопровождалось ожесточенной борьбой министерств, ведомств, личностей, мнений, идей, что проявлялось также и в миграционной политике государства.

В миграционном движении России второй половины XIX в. четко прослеживаются два этапа. Первый охватывает период до начала революции 1905-1907 -х гг. и осуществление новой «стольпинской» аграрной реформы, второй приходится на годы реализации реформы вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

Главная особенность российской колонизации, в отличие от западноевропейской, заключалась в географической интегрированности национально-государственной территории, отсутствие четко выраженных культурно-исторических различий между метрополией и колонией.

Осваиваемое пространство, в свою очередь, укрепляло российскую государственность, усиливая ее позиции в системе международных отношений и было важным импульсом модернизационных процессов.

Со второй половины XIX в. происходят качественные изменения в правительственной политике по отношению к окраинам Российской империи. Присоединение Казахстана и Средней Азии, закрепление за Россией Забайкалья, Приамурья и Приморья привели к стабилизации положения на границах и переселенческому движению.¹

Важнейшую роль в государственном строительстве играли крестьяне - переселенцы. Председатель Комитета министров Н.Х. Бунге в своем политическом завещании в 1895 г. указывал на русскую колонизацию, как на способ, по примеру США и Германии, стереть племенные различия: «Ослабление расовых особенностей окраин может быть достигнуто только привлечением в окраину коренного русского населения, но и это средство может быть надежным только в том случае, если это привлеченное коренное население не усвоит себе языка, обычаев окраин, место того, чтобы туда принести свое».² В брошюре вел. Кн. Александра Михайловича (1896) отмечалось отличие российской колонизации от западноевропейской. Европейские колонисты, переезжая в Америку, Австралию или Африку, по его словам, теряют связь со своей родиной, образуют новые государства, тогда как наши переселенцы на имперских окраинах остаются «теми же сынами одного Самодержавного Царя», укрепляя российское владычество в Азии.¹ Эта установка в известной мере соответствовала российской исторической традиции. В российской имперской политике господствовал стереотип, что только та земля может

¹ Переселенчество шло преимущественно из густонаселенных и малоземельных губерний Европейской России со слабо развитой промышленностью (из Полтавской губернии - 160 тыс., Черниговской - 145 тыс., Могилевской - 105 тыс.). Особенно переселенчество усилилось с середины 1890-х гг. и после проведения Транссибирской железной дороги. В 1893 в Сибирь прибыло 56 тыс. переселенцев, в 1895 - уже 107 тыс. В 1906-14 их было здесь 3,3 млн. В 1896 было создано специальное Переселенческое управление (первоначально в министерстве внутренних дел), которое провело значительную работу по изучению районов, предназначенных для Переселенчества. В этот период возрастало переселенчество в Западную Сибирь и Среднюю Азию, снижалось в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Всего в 1861-1917 за Урал проследовало (без вернувшихся обратно) около 5,3 млн. чел., правительство, опасаясь, что помещики могут лишиться дешевых рабочих рук, ограничивало переселенчество («Правила» от 1 июня 1882, «Правила» от 6 июня 1904, и др.) Но с началом Столыпинской аграрной реформы оно стало поощрять переселенчество безземельных и малоземельных крестьян, надеясь этим снять остроту малоземелья в центре. Однако ослабить аграрный кризис и предотвратить революционные выступления крестьянства царские власти не смогли. Не получая эффективной помощи от правительства, часть переселенцев разорялась, многие возвращались обратно (в 1911 - 60% от общего числа уехавших).

² Бунге Н.Х. Загробные заметки // Река времен (Книга истории и культуры). - М., 1995. Кн. 1. — С. 211.

³ Вел. Кн. Александр Михайлович. «Соображения о необходимости усилить состав русского флота в Тихом океане» (1896 г.). Цит по: Гиппиус А.И. О причинах нашей войны с Японией. - СПб., 1905. - С. 46.

считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря. М.К. Любавский в «Обзоре истории русской колонизации» определял прочность вхождения той или иной территории в состав российского государства в соответствии с успехами русской колонизации, и, прежде всего, крестьянской.¹ Существовала своего рода народная санкция имперской экспансии, которая оправдывалась приращением пахотной земли с последующим заселением ее русскими.²

Крестьянская колонизация сознательно воспринималась как необходимое дополнение военной экспансии. Имперские власти стремились «параллельно с военной службой, организовать переселенческую службу. Вслед за военным занятием страны, - отмечал известный публицист Ф.М. Уманец, - должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знаменами и точно так же, как горы Кавказа и пески Средней Азии, не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца»³. Тем самым автор ставит рядом в решении этой исторической миссии России - меч и плуг. В этом была заложена своего рода геополитическая сверхзадача.

Присоединение Средней Азии к России поставило перед царским правительством задачу заселения Туркестана. Решение этой задачи было связано не только со стремлением Российской империи укрепить «русское» присутствие в недавно присоединенном регионе с подавляющим большинством мусульманского населения, но и с целью создания собственной этнической опоры, которая могла бы в необходимых случаях помогать войскам туркестанского военного округа.⁴

Большое значение имел и фактор «отлива» из губерний Центральной России в Туркестан наиболее безземельных крестьян, что могло бы разрядить напряженную обстановку в них, сложившуюся после отмены крепостного права в 1861 году и передела земель, от которого выиграли помещики и пострадали получившие личную свободу крестьяне.

Единого нормативно-правового акта, регулировавшего переселение российских «обывателей» в Туркестан не было до начала XX в. Во вновь присоединенных землях сложилась непростая обстановка, связанная с налаживанием отношений с местным мусульманским населением, устройством российской административной власти, незнанием реальных объемов свободных земель в регионе и т.д. поэтому царское правительство изначально передало решение вопросов переселения в Туркестан в ведение военного министерства, в подчинении которого находился край, в лице туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана и двух подведомственных ему военных губернаторов - Семиреченской и Сырдарьинской областей.

Проект «Временного положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями» 1867 года, который не получил законодательного утверждения из-за сопротивления министров финансов и юстиции, был введен в действие по личному распоряжению Императора Александра II и служил правовой основой осуществления туркестанскими властями переселенческой политики. Российские крестьяне, желавшие переселиться в Туркестан, должны были писать соответствующие прошения на имя туркестанского генерал-губернатора, который имел право либо удовлетворить их, либо отвергнуть. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора рассматривала их и выносила решение, в большинстве случаев положительное.

¹ Любавский Ф.М. Колонизация свободных земель России. - СПб., 1884. - С.33.

² Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. — Новосибирск, 1999. - С. 103.

³ Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. - СПб., 1884. - С.33.

⁴ Именной указ, объявленный в приказе Военного министра 14 того же июля «об учреждении Туркестанского военного округа» 13 июля 1867 года - СПб., Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр.2-е, т.42, отд. 1., 1867 г. С. 1156-1164.

Уже в первые годы управления Туркестаном выяснилось, что переселение крестьян в регион должно быть ориентировано на Семиречье, что было вызвано отсутствием свободных земель в Сырдарьинской области (большинство населения составляли оседлые мусульмане-земледельцы, итак испытывавшие постоянный дефицит орошаемых земель). Остальные территории испытывали недостаток воды и для переселения не годились. А вот Семиречье было заселено в основном кочевниками (казахами и киргизами), здесь были и плодородные земли, и вода для их орошения.

Правовой основой переселения были приказы туркестанского генерал-губернатора. А вот расселение прибывших крестьян на места осуществлялось на основе нормативно-правовых актов, издаваемых военным губернатором Семиреченской области, генерал-майором Г.А. Колпаковским или (от его имени) Семиреченским областным правлением. Но утверждение переселенческих поселков (выселков, хуторов и т.п.) и их названий происходило посредством издания нормативно-правовых актов генерал-губернатора.

Царские власти в первую очередь поощряли миграцию православного населения из России, запрещали переселение в край мусульман-татар из Поволжья или русских сектантов (раскольников-старообрядцев). Но эти акты (приказы, циркуляры, распоряжения и т.п.) имели «внутреннее» применение и ими фактически руководствовались только местные власти.

В 1873 г. администрация Кауфмана составила новый проект «Туркестанского положения» об управлении краем, в котором указывалось на запрещение переселения вышеназванных категорий населения России в Среднюю Азию. Однако это могло бросить тень на веротерпимость в России¹ и проект 1873 г. снова не был законодательно утверж-

И только в 1886 г. был принят законодательно утвержденный правовой акт - «положение об управлении Туркестанским краем», - который либерализовал переселенческую политику Российской империи в Средней Азии. Так, согласно ст. 262-й этого «Положения» разрешалось приобретение в крае недвижимого имущества лицам всех христианских исповеданий² и запрещено приобретение недвижимого имущества «лицам нехристианских исповеданий».³ При этом коренные мусульмане и евреи (т.н. среднеазиатские) такие права имели.

Ст. 280-я «Положения» указывала, что «нижние чины» (в т.ч. унтер-офицеры) всех вероисповеданий после демобилизации с воинской службы и выхода в запас, имели право на постоянное проживание в туркестанском крае с полным объемом гражданских прав⁴ и в том числе с приобретением недвижимого имущества.

Но и из этой ситуации состоятельные мусульмане (татары и российские евреи) нашли выход: они приезжали в Туркестан, приобретали недвижимое имущество на подставных лиц и развивали активную предпринимательскую деятельность. Татарам оказывали такую помощь местные единоверцы, а русским евреям («европейским»), помогали среднеазиатские (бухарские) евреи.

Нарушения вынужденно допускала и туркестанская администрация. После голода 1891-1892 -х гг. в России, в край хлынули переселенцы-мусульмане. Сдержать миграцию голодных и изможденных людей туркестанские власти не смогли из жалости. И военный министр, генерал П.С. Ванновский разрешил разместить голодающих в Туркестане, где они позже осели на постоянное место жительства. В 1897 г. туркестанский генерал-

¹ Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГА Узб.), ф. И-1008 (Личный фонд Хомутова П.И.), оп. д. 34, л. 69.

² Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета о «Положение об управлении Туркестанским краем». 12 июня 1886 года - ПСЗРИ. Собр.3-е, т.6. 1886 год. СПб., 1888, №3814, с.338

³ Там же

⁴ Там же, С.339.

губернатор, барон А.Б Вревский добился от Ванновского разрешения на переселение в Туркестан полутора тысяч сектантов-штундистов из Киевской губернии с выделением им «проездных» сумм. У этого переселения была и обратная сторона - освоение Чаткальской долины, но климатические условия не позволили последним наладить здесь экономическую деятельность и их пришлось расселять по равнинным русским селениям Ферганской долины¹.

Первыми русскими людьми, поселившимися в Чуйской долине после присоединения Северной Киргизии к России, были сибирские казаки, а после образования в 1867 г. Семиреченского казачьего войска - казаки-семиреченцы. В конце 1860-х гг., вокруг казачьих пикетов стали расселяться крестьяне-переселенцы из Воронежской и украинских губерний, а позднее, после образования поселков в Чуйской долине и Прииссыккулье - из Западной Сибири.

Необходимо отметить важную роль, которую сыграли казаки в деле освоения новых территорий. Благодаря им были созданы первые станицы, где переселенцы смогли построить для себя жилища, заработать первые средства, на которые были приобретены семена и скот, где началась их адаптация к новым природно-географическим условиям.

Вслед за казаками двинулись крестьяне-переселенцы. Инициатива в переселении в Семиречье первых российских крестьян принадлежала семиреченскому военному губернатору генерал-майору Г.А. Колпаковскому².

Он первый осознал необходимость переселения российских крестьян на окраины Российской империи. В июне 1868 г. Колпаковский передал на обсуждение общего присутствия семиреченского областного правления записку, в которой предлагал рассмотреть следующие вопросы:

1. О территориях, пригодных для расселения крестьян и о количестве земли, которую можно им отвести, не стесняя местное население (преимущественно на почтовых трактах).

2. О порядке вызова и причисления.

3. О льготах и пособиях.

4. О порядке управления в предположенных поселках.

В записке, в частности, отмечалось: «В настоящее время, когда политические положения края с 1867 года так изменились, - нет уже надобности в заселение казачьими поселениями»; «<.. > исключение приходится сделать только для поселений, предполагаемых при укреплении Нарынском и близ развалин укрепления Куртка <...>»³.

В основу разработанного проекта «положение об устройстве в Семиреченской области сельских поселений» (по указанию генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана) был положен ряд предшествовавших законоположений. В их числе - «Временное положение» 1868 года и принятый ранее «Устав о сибирских казаках» (1822). Названный проект фактически стал руководящим документом «для водворения в области русских переселенцев»⁴.

1. Душевой надел устанавливался в 15 десятин удобной земли с 15 десятиной запаса, а для переселенцев, водворявших при пикетах на почтовых трактах, отводилось по 30

¹ См. подробно: Литвинов П.П. Переселение украинцев-сектантов в Среднюю Азию в конце 19 - начале 20 вв. / Украинский исторический журнал. 1996, № 2, С. 47-55 (на укр.яз.).

² См.: Отчет чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел А.А. Половцева, командированного в 1896-97 гг. для собрания сведений о положении переселенческого дела в Туркестане. - СПб, 1898. - С. 6.

³ Цит по.: Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1914 гг. - Алма-Ата, 1964. - С. 204.

⁴ См.: Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I. - Алма-Ата, 1960. - С. 2850315; Половцов А.А. Отчет чиновника особых поручений при МВД, командированного в 1896-1897 гг. для собрания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае, - СПб., 1898. - С. 8.

десятин, но с тем же 15-десятинным запасом; пользование устанавливалось общинное, без оговорки о праве выкупа.

2. Льгота, освобождающая от всех податей и повинностей, в том числе и рекрутской, устанавливалась в 15 лет, а для переселенцев при пикетах - в 25 лет; размеры ссуд не определялись. Зато предполагался перевод и распоряжение военного губернатора особого кредита, с правом выделения не более ста рублей на семью; а также вся переписка по переселению и водворению освобождалась от гербовых сборов.

3. Для перечисления кредита требовалось предоставление увольнительных свидетельств, а также подписка о том, что переселенцы знакомы с положением об устройстве области и с правилом о невыдаче пособий из казны. Не выявившиеся в течение года со времени выдачи проходного свидетельства (называвшегося тогда «путевым видом») считались беспаспортными и возвращались на родину. Разрешалось также приселять и местных жителей при условии, чтобы они завели хозяйство в течение одного года. Всякие деревянные постройки запрещались.

4. Каждое поселение составляло особое сельское общество, управлявшееся старостой, сходом и сельским судом.

Впоследствии правила эти видоизменялись, но их основная идея сохранилась. Землетрясения заставили разрешить возведения деревянных строений, приселение местных жителей не проводилось, как и выселение запоздавших переселенцев. Хотя правилами предусматривалось выдача ссуд, но источник их не указывался¹.

К этому времени (1868 г.) 444 семьи крестьян заявили о своем желании переселиться, из них 300 - прибыли, хотя участков для них еще не было. В связи с этим 242 семьи представили прошение о причислении их в мещан г. Верного. Для водворения этих переселенцев записка областного правления предусматривала регулирование всех сторон их жизни, устанавливала льготы, пособия и выбор участков.

Крестьяне-переселенцы, оказавшись в совершенно новых неизвестных им ранее условиях, приступив к освоению земельных участков, пребывали в большинстве случаев в состоянии полной нищеты. Поэтому в августе 1869 г. генерал-майор Колпаковский ходатайствовал перед туркестанским генерал-губернатором об ассигновании от полутора до двух тысяч рублей на каждый уезд для выдачи ссуд. Первоначально, в сентябре 1870 г. канцелярия генерал-губернатора отказала ему в этом, но с 1871 г. ежегодно начинают выделять от 2,5 до 3 тысяч рублей как для селившихся при организуемых поселениях, так и переселенцев при пикетах. Генерал-губернатор требовал, чтобы на семью выдавалось не более 150 рублей с рассрочкой выплаты на 10 лет. Часть этих денег передавалась уездным начальникам с правом поруки однообщественников. В 1874 г. была установлена выдача безвозвратных пособий для непредвиденных случаев, таких как неурожай, падеж скота, эпидемии, истощение средств во время пути.

В 1868 г. местная администрация предполагала образование 36 населенных пунктов на 1375 семейств крестьян. Однако на деле колонизационное движение приняло более широкий размах. Так, уже к 1 января 1882 г. было причислено 1718 семей (13617 душ обою пола, не считая 152 семейств отставных и запасных нижних чинов). В это же время (за 14 лет) к городам было причислено 188 семей купцов и 1371 семья мещан (8060 душ обою пола).²

В 1876 г. размеры наделов для крестьян-переселенцев были уменьшены с 30 до 17 десятин, а в 1882 г. после обследования посевов в Токмакском и Иссык-Кульском уездах - и до 10 десятин.

¹ Пален К.К. Переселенческое дело в Туркестане. - СПб., 1910 - С. 8.

² Пален К.К. Переселенческое дело в Туркестане. - СПб., 1910 - С. 8.12

С включением области в состав Степного генерал-губернаторства под председательством военного губернатора была образована комиссия, составившая в 1883 г. записку «Об устройстве управления Семиреченской области». Существенных изменений в положение переселенцев комиссия не внесла. Она признала лишь желательным увеличить переселенческий элемент отставными и запасными нижними чинами и для привлечения их к оседлости предположила выдачу семейным из них при водворении по 50 рублей. Переселенцы в течение 3-х лет со времени причисления должны были быть освобождены полностью от платежа оброчной подати и земского сбора, в течение же следующих 3-х лет их предполагалось взимать в половинном размере. На первые три года переселенцы освобождались от отбывания натуральных повинностей.

С 1883 г. на территории Семиреченской области (и Киргизии) действовали уже «Правила о поземельном устройстве оседлого населения». Генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский одобрил эти правила и утвердил их, будучи уже Степным генерал-губернатором. Записка об управлении областью лежала в основе изданного в 1884 г. «Положения о колонизации в областях Степного генерал-губернаторства». Здесь уже был более подробно определен порядок выдачи владенных записей. К этому времени в области (и Киргизии) насчитывалось 29 русско-украинских селений с 15 тыс. человек.¹ Следует отметить, что эти положения были детализированы - в самых различных аспектах - в документах местной администрации.

Активно заселялись в ту пору и Сырдарьинская область, в которую входила значительная часть современной Киргизии. Впервые вопрос о ее заселении был поставлен 12 июня 1866 г., когда полковник Нугзар Геруа - начальник правого фланга Туркестанской области, получив указание из Ташкента, разослал запросы начальникам фортов. Тогда же поступил положительный ответ из Джулека с согласием принять 100 семей переселенцев («для тыла»). Это и были первые россияне - русские, украинцы, белорусы, а также несколько немцев, поляков и марийцев, на территории Сырдарьинской области.

Со времени вступления в должность генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана заселение районов Центральной Азии (в том числе Киргизии) происходило в более быстрых темпах. Было обращено внимание и на законодательное закрепление этого вопроса. Так, в июле 1867 г. поручик Маев в докладной записке на имя фон Кауфмана предложил создать из отставных солдат и крестьян «непрерывный ряд слобод, наподобие казачьих станиц», по направлению Орск-Ташкент, Семипалатинск-Верный, а также по трактам между городами края.² В 1870 г. по прямому указанию туркестанского генерал-губернатора военный губернатор Сырдарьинской области Головачев приступил к первым изысканиям (это были первые в крае поземельно-податные работы в среде коренного и переселенческого, в основном русско-украинского, населения). Соответствующее распоряжение было отдано также аулиеатинскому уездному начальнику полковнику Нугзару Геруа.

Первый поселок в области - Кара-Балты (ныне город в 56 км от Бишкека) был образован в 1874 г. по границе с Семиреченской областью. Топографическим отделом была проведена хозяйственная съемка земель на площади 37 764 десятины. Предлагалось раздать новоселам участки по 7-8 десятин на двор в собственность (с запретом или ограничением права продажи). Было предложено также отводить на ревизскую душу не менее 15 десятин удобной земли.

В начале 1870-х гг., в связи с увеличением «наплыва» русских, украинцев и белорусов, в области (в том числе на территории современной Киргизии) уже было образо-

¹ Обзор Семиреченской области за 1883 г. -Верный, 1884. - С. 52; Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. - Т.2. -Ч.1.-М., 1963.-С. 322.

² Пален К.К Переселенческое дело в Туркестане. - СПб., 1910 - С. 213.

вано несколько селений из крестьян области Войска Донского, а также Астраханской и Саратовской губерний. До 1886 г. новоселы первоначально причислялись к мещанам, а затем уже водворялись на участки.¹

Большая работа проводилась по законодательному закреплению переселенческого вопроса. В частности, широкую известность получил в ту пору «казус» об устройстве в марте 1881 г. поселка Никольского, содержащий ряд общих правил, которые легли в основу переселенческого дела в крае.

К тому времени в Аулие-Атинском уезде было образовано уже 5 селений. Всего в Сырдарьинской области было окончательно устроено 12 селений, в том числе 4 немецких. Наряду с этим, ряд поселков был в стадии устройства.²

В целом же следует отметить, что на данном этапе переселенческое движение достигло своего размаха. Так, в 1884 г. было принято предложение вызывать переселенцев непосредственно из «внутренних губерний» (в том числе и украинских). Это начинание закончилось неудачей, так как Министерство внутренних дел признало его «неосторожным» и предложило впредь без его согласия к этому не прибегать.

Новый порядок поземельного устройства в крае определил статьи 280-284 «Положения об управлении Туркестанским краем», принятого в июле 1886 г. и пункт X мнения Государственного совета, утвержденного 12 июля 1886 г. (остался неопубликованным).³

В соответствии с Положением, нижние чины войск Туркестанского военного округа, уволенные в запас или отставку, могли вместо возвращения на родину просить о водворении в крае. Были установлены временные правила переселения. Упорядочивалось в определенной мере и финансовое положение. Так, в 1886 г. на устройство 223 семей переселенцев (в том числе украинцев) в Аулие-Атинском, Чимкетском, Перовском уездах, а также поселка Сретенского было израсходовано 7 100 рублей.

Однако в это время центральные власти не проявляли большого интереса к колонизации края. Так, например, в ответ на многочисленные прошения крестьян Черниговской губернии о водворении в Туркестане областное управление сообщило, что в области есть «свободные доли» и с получением увольнительных «приговоров» будет возможность «перечисления» новоселов, но это начинание застопорилось вследствие вмешательства Министерства внутренних дел. Известны также случаи неупорядоченности землепользования вновь прибывших переселенцев в разных местах, в том числе и на территории Киргизии.

В 1891-1892 гг., после сильных неурожаев и голода в России массовые потоки переселенцев устремились в Тургайскую, Акмолинскую, Уральскую, Семипалатинскую, Семиреченскую области.⁴ По данным переписи 1897 г., в Акмолинской области русское население составляло 33%. Быстрый рост наблюдался и в других областях. Уже в 1890-е гг. обнаружился недостаток свободных земель под переселенческие участки. Значительная часть пастбищ была занята крестьянами-переселенцами под пашню. В 1895 г. в Туркестан была отправлена экспедиция во главе с известным статистиком и этнографом Ф. Щербиной. Целью экспедиции было выявление земельных резервов для формирования переселенческого фонда. Обследованию подверглись в основном уезды северного и северо-восточного Казахстана.

¹ См.: Половцов А.А. Указ. Раб. - С. 94-95; Туркестанские ведомости. - 1878. - № 34.

² Пален К.К. Переселенческое дело в Туркестане. - СПб., 1910 - С. 174-175; Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сырдарьинская, Самаркандская, Ферганская). - СПб., 1911. - С. 2-3.

³ Подробнее см.: Хелимский Е.И. Переселенческое движение в Киргизии (вторая половина 19 - начало 20 вв.) // Русские в Киргизии: Научно-исследовательские статьи и материалы. - Бишкек, 2000.

⁴ Кауфман А.А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. - СПб., 1897

В ряде законодательных актов центрального правительства прослеживаются явные ограничительные тенденции. Так, в конце XIX в. Семиреченская область неоднократно закрывалась для переселения, однако наплыв переселенцев с Украины, как и из других регионов империи, все возрастал. К 1895 г., когда колонизация области была приостановлена, численность русских, украинских, белорусских крестьян составляла уже 35 569 человек, рассредоточенных в тридцати двух поселениях.¹

На первом этапе народно-крестьянской колонизации по существу преобладали выходцы из западных губерний Российской Империи. Вслед за казаками потянулись в Степной и Туркестанский края крестьяне (в большинстве своем - «выкупившиеся» на свободу бывшие крепостные).

Русские и украинские переселенцы прибывали в различные районы края. Вопрос об образовании селений в Ферганской области (в том числе и на территории современной Киргизии) был поставлен в 1891 г., администрации удалось подыскать место в Ошском уезде для образования в 1893 г. первого в области селения - Покровского. На 200 семей переселенцев было отведено 4 тыс. десятин, в том числе орошенная земля на Куршабе. В Наманганском и Андижанском уездах были образованы два русско-украинских селения - соответственно на 75 и 55 дворов. В них первоначально были размещены 200 семей переселенцев, вызванных в 1897 г. по инициативе уездного начальника из Киевской губернии. В 1899 г. русское село было основано в Маргеланском уезде. Всего к началу XX в. в области было 7 старожильческих русско-украинских селений, в которых насчитывалось 688 дворов с 3 794 душами обоего пола, располагавших 8,6 тыс. десятин земли.

Темпы естественного прироста населения в конце XIX в. века характеризовались его небольшим приростом. Повышенными они были у переселенцев из Европейской части России, пониженными - у местного населения. В целом численность сельского оседлого населения увеличилась с 6% в 1869 г. до 21% в 1885 г.

В городах области проживало 48 251 человек. Большинство городского населения составляли русские и украинцы - 22 904 человека. В регионе, следовательно, происходили активные процессы формирования многонационального населения.

В 1870-х гг. удельный вес русского населения в Сырдарьинской области составлял всего 0,33%: это 200 русских. В 1897 г. здесь уже насчитывалось 31,8 тыс. русских и 12,8 тыс. украинцев: это 3% от общего количества населения.

В Семиреченской области численность русских увеличилась с 4,55 до 7,79%, украинцев - до 1,8%. Характерно, что украинцы составляли большинство среди переселенческого населения в Пишпекском уезде - 4,7 тыс. человек.

Всего к концу XIX в. в крае насчитывалось 116 русских селений, где проживало 70 745 крестьян-переселенцев, преимущественно русских и украинцев. По данным переписи 1897 г., все русско-украинское население в Средней Азии составляло 197 420 человек.²

Дополнительным фактором развития переселения стало завершения строительства Сибирской железной дороги, что еще более увеличило количество русских и украинских поселений.

Таким образом, в 1870-е гг. господствующей тенденцией становится максимальное ограничение крестьянских переселений, а тем более тех, которым сопутствовало щедрое наделение мигрантов землей на новых местах. Переселенческий пыл земледельческо-

¹ Полное собрание Законов Российской империи. - Собр. Третье. - Т. 11. - 1889. - СПб., 1891. - С. 335-538; Румянцев П.П. Условия колонизации Семиречья // Вопросы колонизации. - 1911.-№9. - С. 211.

² См.: Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма: 60-е годы 19 в. - 1917 г. - М., 1986. - С. 125-134; Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце 19 - начале 20 в. - Ташкент, 1983. - С. 46.

го населения, стремившегося в поисках земли и лучшей доли перебраться на окраины Европейской России и в азиатскую часть страны, заметно поостыл.

В конце XIX - начале XX вв. власти вновь признали полезность внутренних земледельческих миграций, вследствие чего оживилось заселение Сибири, Дальнего Востока и Казахстана (в том числе Киргизии).

В 1871-1896 гг. значение Казахстана и Средней Азии в переселенческом движении оставалось еще сравнительно скромным (оба региона приняли около 11% новоселов).

В целом за период 1871-1896 гг. в основные заселяемые регионы империи переселилось около 4 миллионов человек.

В течение 1897-1916 гг. в отдаленные уголки империи перебралось уже 5,2 миллиона человек. Значительно возросла роль Казахстана и Средней Азии как принимающих регионов (1,4 млн., или 27%), причем львиная доля вновь прибывших принадлежала Казахстану (свыше 1,3 млн. человек).

В целом начиная с середины XVIII в. по 1916 г. окраины Российской империи «оттянули» на себя более 13,4 млн. человек¹.

Основным занятием крестьян-переселенцев являлось земледелие. Большинство переселенцев имело свои наделенные земли, но многие из переселенцев являлись арендаторами казачьих и байских земель. В полеводстве преобладала залежная система. После 6-12-летнего периода использования земля забрасывалась на 6010 лет, а потом снова включалась в работу. Наряду с земледелием переселенцы занимались скотоводством, разводили, в основном, крупный рогатый скот².

Большое развитие получили рыболовство, пчеловодство, садоводство, огородничество и маслоделие. Огородничеством как промыслом занимались также в приторных селениях, поставляя овощи на городские рынки. Товарный характер также носило бахчеводство.

Переселение в Казахстан русских крестьян способствовало распространению здесь оседлого образа жизни, земледелия, новых элементов материальной и духовной культуры. Большое значение для развития земледелия среди местного населения имел пример русских крестьян-переселенцев, которые, обрабатывая земли, передавали опыт земледельцев многих губерний России.

Но и сами переселенцы учились у местного населения правильному использованию степных пастбищ в разное время года, заготовке местных видов топлива (камыш, кизяк, саксаул), строительного материала (саманный кирпич, камышитовые щиты), устройству саманных строений и др.

К середине XIX в. по мере освоения Степного края возникла потребность основать опорные пункты движения России в Среднюю Азию на южной окраине расселения казахских степей. С этой целью создаются форт Перовский на Сырдарье и город верный (впоследствии Алма-Ата) за рекой Или. Форт Перовский и город Верный были соединены новой оборонительной линией. В результате Россия окончательно закрепила свое присутствие на казахских землях.

Русское и шире - восточнославянское - население на территории Средней Азии складывалось различными путями и из различных по происхождению групп.

Переселенцы закрепляли историческую память о прежней родине в сохранившихся чертах перенесенной с запада империи культуры и в тысячах названий географических объектов (черниговки, новокиевки, полтавки и т.п.). Оторванные от привычной социо-

¹ См.: Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в 18 - начале 20 века. - М., 1998.

² Гейер И.И. по русским селениям Сыр-Дарьинской области (Письма с дороги). Т. 1. Чимкентский уезд. - Ташкент, 1893.

культурной среды, оказавшись в неведомом краю, в иных природно-климатических условиях, вынужденные существенно скорректировать свои хозяйственные занятия, непосредственно соприкоснувшись с культурой Востока, они остро ощутили свою русскость. Местные власти готовы были включить в процесс обрусения азиатских окраин и западных славян, на что указывают проекты переселения на Дальний Восток чехов.

Славянское население Сибири, Казахстана и Средней Азии, Дальнего Востока было сложным не только по этническому (великороссы, украинцы, белорусы), по конфессиональному (православные, старообрядцы, сектанты), по сословному (крестьяне, казаки, ссыльнопоселенцы, отставные солдаты, моряки), но и региональным характеристикам мест выселения.

Местная администрация оказывалась на слабозаселенной окраине в сложных условиях при выборе желаемого колонизационного элемента. Под давлением военных и хозяйственных колонизационных задач она вынуждена была отодвигать на второй план государственную задачу поддержки и распространения православия. Самодержавие не могло не учитывать высокую степень устойчивости русских крестьян старообрядцев и духовоборов к ассимиляции в иноэтнической среде, сохранению ими русскости при отдаленности от русских культурных центров.

Сохранившиеся региональные этнокультурные различия, частые межэтнически браки, этнокультурные контакты и хозяйственное взаимодействие, тесное соприкосновение с конфессиональной и социокультурной инославянской средой подталкивали славянские народы к консолидации, но на основе русской нации, и не способствовали оформлению национальных анклавов. Местная администрация до начала XX в. Три славянских народа нередко обозначала одним термином - русские.¹

Оторванные от мест своего компактного проживания украинцы и белорусы, хотя и сохраняли достаточно долго свой язык, черты бытовой культуры, в условиях переселенческой политики, оказавшись рассеяны среди выходцев из великорусских губерний, были более восприимчивы к культурным заимствованиям. И как следствие в правительственных взглядах на славянское население Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока преобладало индифферентное отношение к культурным различиям между великороссами, украинцами и белорусами.

Чтобы остановить процесс отчуждения переселенцев от «старой» России и восстановить в «новой» России знакомые и понятные властям черты русского человека, необходимо было заняться целенаправленной политикой, ведущая роль в которой отводилась школе и православной Церкви.

Развитие Российской Империи второй половины XIX в. отличается от предыдущего времени более широкой миграционной политикой. Причины, вызвавшие ее, коренились во внутренней политике Российского государства и теми проблемами, которые складывались на протяжении достаточно длительного времени. Освоение новых территорий требовало и новой политики (не только военной), но и миграционной. Что очень ярко продемонстрировала миграция населения в Сибирь, на Дальний Восток, Казахстан и Среднюю Азию.

Динамика экономического развития Киргизии и социально-профессиональный состав русского населения (1917-1930 гг.)

В период индустриализации Киргизии, наряду с национализацией действующих промышленных объектов и созданием новых государственных предприятий, широко проводилась работа по организации предприятий промысловых коопераций. По мере преобразований в широких масштабах осуществлялось строительство промышленных объектов. В 1-й пятилетке были введены в действие 14 промышленных предприятий. Во 2-й пятилетке промышленную продукцию выпускало 61 предприятие электроэнергетики, цветной металлургии, угольной, легкой и пищевой, промышленности стройматериалов.

- 1923 г. Организация совхоза племенного животноводства «Аламедин».
- 1923 г. Электроэнергия стала применяться для освещения улиц (на руднике Кызыл-Кия), с 1930 г. в сельском хозяйстве.
- 1924 г. Открытие движения по железнодорожной ветке Луговая-Пишпек.
- 1925 г. Организация Иссык-Кульского госпароходства.
- 1926 г. Построен первый радиоузел во Фрунзе.
- 1928 г. Вошла в строй первая турбина Аламединской ГЭС.
- 1929 г. Сдан в строй Фрунзенский кожзавод.
- 1929 г. Вошел в строй действующих Фрунзенский мелькомбинат.
- 1929 г. Сдана в эксплуатацию Фрунзенская табачная фабрика.

В постреволюционный период в социальной структуре русских происходят определенные изменения. В первую очередь это было связано с трансформацией места и роли представителей данной этнической группы в крае. Кардинальные изменения политической и социальной структуры общества привели к переменам и социально-профессионального состава русских Киргизстана. Главенствующая роль русских в хозяйственно-организационной сферах, также как и снижение их процентной доли в административно-управленческих органах республики определяется именно этим периодом времени. Это, как известно, было связано с кардинальной трансформацией органов управления, провозглашением равноправия народов и вовлечением коренных национальностей в сферы управления.

Одной из главных причин увеличения числа мигрантов в республику была правительственная политика, направленная на переселение квалифицированных рабочих и специалистов из центральных областей России в «отсталый» регион. Именно мероприятия такого рода в значительной степени повлияли на изменение социально-профессионального состава местного рус-

ского населения. В середине 1920-х гг. русские рабочие и производственная интеллигенция составляли около 50% работников индустриальных отраслей. По-прежнему высоким оставался процент русского населения занятого в сельском хозяйстве - 70,1%.¹ Занятые «физическим трудом вне сельского хозяйства» и умственным трудом представлены соответственно 20,0% и 9,9%.² При этом доля работников умственного труда от всего занятого русского населения Киргизстана в 1926 г. составляла 10,1%, в то время как доля этой категории работников киргизской национальности была несравнимо меньше - 0,2% от всего занятого киргизского населения. Доля же всех представителей данной категории в занятом населении республики была равна 1,7%.³

В промышленном секторе республики доля занятого русского населения увеличилась и составила 19,8%, по отношению к киргизскому населению она была равна 1,1%.⁴ В целом по республике занятые в промышленном секторе работники от общего занятого населения представлены 5,8%.⁵ По показателям 1926 г., отчетливо видна высокая степень занятости русского населения в перечисленных отраслях в общей доле занятых. Показательны в этом плане и данные по индустриальным отраслям республики. Наглядным примером могут служить сведения о национальном составе трудящихся по предприятиям треста «Средазуголь». Так, данные по трем из них свидетельствуют: на предприятиях (Кызыл-Кия, Сулюкта, Шураб) работают 1306 человек русской национальности, в то время как число киргизов составляет 591 человек, а цифровые показатели представленности работников других национальностей еще ниже.⁶ В целом, разница в доле занятых у русского и киргизского населения республики в середине 1920-х гг. по показателям работников умственного труда составляла положительную долю в 485%, промышленным отраслям положительную долю в 171%. Данные такого рода, в сравнении с занятым населением русских Киргизстана и русских России, составляли соответственно 106% и 63%.

Что же касается работников сельского хозяйства, то показатели разницы составляют здесь отрицательную долю в 81,1% в сравнении с занятым киргизским населением, и отрицательную долю в 15% от занятого русского населения России.⁷

¹ Русские: этносоциологические очерки. - М., 1992.-С. 94.

² Русские: этносоциологические очерки. - М., 1992.-С. 94.

³ Социально-культурный облик советской нации (по материалам этносоциологических исследований).- М., 1986.- С. 49.

⁴ Социально-культурный облик советской нации (по материалам этносоциологических исследований).- М., 1986.- С. 49.

⁵ Социально-культурный облик советской нации (по материалам этносоциологических исследований).- М., 1986.- С. 49.

⁶ История индустриализации Киргизской ССР.- Фрунзе, 1972.-С. 129.

⁷ Русские: этносоциологические очерки.- М., 1992.- С. 94.

Русское православное духовенство Туркестана и Семиречья - «насадитель правды и добра»

Озмитель Е.Е., канд. истор. наук, доцент Кыргызско-Российского Славянского университета

До революции 1917 г. духовенство в основном было принято критиковать. По отношению к туркестанскому духовенству эта критика звучала наиболее остро. В самом первом своем отчете в Св. Синод, датированном 1872 г., первый туркестанский епископ Софоний характеризует священников вверенной ему епархии следующим образом: «почти все здешние иереи из окончивших полный курс духовной семинарии... большая часть их... молоды, энергичны, немного поспешны и даже своеобразны в умозаключениях между собой и ко властям».¹ Здесь мы уже слышим то снисходительно-ироничное отношение к туркестанским иереям, которое стало обычным при оценке их деятельности и личных качеств. Даже епархиальная, то есть «ведомственная» пресса чаще всего делала акцент на отрицательных сторонах туркестанского духовенства.

И. Брызгалов в «Туркестанских епархиальных ведомостях» за 1908 г. писал: «Несмотря на то, что самостоятельная Туркестанская епископская кафедра существует уже более 35 лет, - до сих пор в личном составе Туркестанского духовенства почти нет людей местного происхождения, выросших в тех условиях жизни, в каких им приходится нести свою приходскую службу...»²

Духовенство, по мнению И. Брызгалова, в заключало в себе «наиболее слабые в различных отношениях элементы, так как Туркестанские приходы, в виду их отдаленности, трудности условий жизни и малообеспеченности, являлись в некотором роде местами ссылки для в чем-либо провинившихся священников. С учреждением Туркестанской епархии кандидаты на священство и лица уже носившие священный сан выписывались в Туркестана из разных мест Европейской России, как из внутренних губерний, так и из окраинных - с севера и юга, востока и запада... - также большею частью вынужденные к переселению в отдаленную Среднюю Азию различными неудачами на Родине. Контингент низших членов приходских принтов получался преимущественно из лиц, служивших в войсках Туркестанского края, происходивших из разных сословий и получивших образование в духовных и светских школах. За недостатком кандидатов, окончивших духовные семинарии, часто в священный сан возводились церковники из солдат, не окончившие курса даже в духовном училище или учившиеся в различных светских учебных заведениях, средних и низших, а иногда и лица с домашним образованием. При таких способах удовлетворения нужды в приходском духовенстве, оно в Туркестанской епархии, в общем, мало отвечало задачам пастырского служения, а разнообразие его состава по происхождению и воспитанию постоянно проявлялось в далеко не братских отношениях членов приходских принтов между собой, во взаимных спорах и интригах, вызывавших массу судебных дел... Мало знакомые с исключительными условиями жизни местного православного населения, не связанные с прихожанами близкими отношениями, а потому и не дорожащие мим, священники, дьяконы и псаломщики ведут, можно сказать, кочевой образ жизни, переходят с прихода на приход, из одной области в другую при всяком представившемся случае... Нечего и говорить, как вредно отражается на церковной жизни епархии этот случайный подбор духовенства».³

¹ Цит. по: Мазуренко Е.А. Эволюция русского православия в условиях Средней Азии: Дисс. ... канд. филос. наук. - Ташкент, 1990. - С. 42.

² Туркестанские епархиальные ведомости. - 1908. - № 14. - С.370.

³ Туркестанские епархиальные ведомости. - 1908. - № 14. - С.370.

И все же критические характеристики священников Туркестанского края никак не вяжутся с добрыми делами, свершенными ими во благо людей. Справедливо указывая на некоторые специфические черты Туркестанского духовенства: малую образованность, порой отсутствие прочных связей с паствой, разобщенность, они представляются преувеличенными при детальном анализе условий и результатов той деятельности, которую осуществляли священники в Средней Азии.

С кем приходилось «работать» священникам вдали от коренных духовных центров в годы все возрастающего атеизма? «В Туркестанских городских поселениях, возникавших как опорные военные пункты в завоеванной стране, первыми русскими насельниками невоенного звания были маркитанты, торговцы, искатели наживы, поставщики всего, на что был спрос в войсках, авантюристы часто с преступным прошлым... С проведением железных дорог и развитием торговли и промышленности в городах Туркестана... русские города разрослись... появились разные учебные заведения, общественные и благотворительные учреждения, водопроводы, освещение... Но религиозно-нравственная жизнь православного населения и теперь не улучшилась, и теперь продолжает служить соблазном для покоренных мусульман, оказывая и на них свое развращающее влияние. Если прибавить к этому ярко проявившееся в революционные годы отрицательное отношение к религии со стороны большинства городской интеллигенции и усилившуюся пропаганду неверия и социализма среди рабочего класса, то будет понятно, какого внимания со стороны пастырей, каких трудов и сил требует городская паства».¹

Служение сельского священника в Туркестане, также сопровождалось большими, чем во внутренних губерниях, трудностями. Переселенцы, хоть и более крепкие в вере, чем горожане, были людьми, оторванными от традиционного уклада, в большинстве своем - малообразованные, не знающими даже азов христианства. Члены Семиреченского братства, проводя беседы с крестьянами, пришли к выводу, что «простой народ... не имеет ясного правильного понятия об основных началах православной религии и о нравственности... Из 50 слушателей только двое довольно правильно, но небезошибочно, могли прочесть текст Символа Веры... Только трое из 50 слушающих оказались знающими, кто Иисус Христос. На беседах этих открыто также, что простой народ не имеет ни малейшего понимания о том, что он слышит и видит при богослужении».² Теперь становится понятно, почему в епархиальной прессе утверждалось, что «задача служения пастыря в Туркестане иная, чем та, которая предъявляется в центральной России. Живя среди иноплеменного и иноязычного народа, исходивший Россию вдоль и поперек, здешний русский крестьянин переселенец требует особого пастырского водительства».³

Последнее обстоятельство - особые требования, предъявляемые к туркестанскому духовенству, прекрасно понимали туркестанские архиереи. В своем «Воззвании к молодым священникам» Владыка Димитрий писал: «Туркестанская епархия не имеет собственного духовно-учебного заведения, и потому временами испытывает некоторый недостаток в достойных кандидатах священства. Правда, желающих занять место священника много, и в канцелярии епископа всегда имеются соответствующие прошения, но лица, ищущие священства в Туркестане, не всегда обладают необходимыми и желательными качествами, из них главные: полное семинарское образование, безусловная трезвость и молодость кандидатов.

Туркестан - далекая окраина, и это обстоятельство многих пугает. Между тем, далеко не всем известно, что Туркестан - это поистине прекрасная жемчужина русской

¹ ЦГА КР. Ф.72. Оп. 1. Д.1. Л. 83.

² Цит. по: Мазуренко Е.А. Эволюция русского православия в условиях Средней Азии: Дисс. ... канд. филос. наук. - Ташкент, 1990. - С. 48.

³ Туркестанские епархиальные ведомости, — 1906. - № 1. - С. 10.

короны, с теплым благодатным климатом, обилием плодородной земли и другими природными богатствами...

С каждым годом Туркестан все более и более привлекает колонистов-переселенцев, и слава богатого плодородного Туркестана, распространяемая среди русского крестьянства пионерами переселенцами, привлекает ежегодно десятки тысяч новоселов в нашу окраину, преимущественно в Семиречье и Сырдарьинскую область.

Эти десятки тысяч русских крестьян, оседая на новых местах жительства, прежде всего, именно стремятся удовлетворить религиозно-нравственные запросы своего духа, так присущие русскому православному простолудию. Трудями новоселов при попечительном содействии переселенческих комитетов и епархиальной власти, ежегодно новые храмы воздвигаются во славу Божию. И вот на служение в двух храмах Бога Живаго и нужны Туркестану образованные, трезвые, полные сил молодые пастыри. Образованные - потому что здесь, среди сектантства и мусульманства, потребны особенно бдительные и достаточно вооруженные пастыри стада Христова, трезвые - потому, что среди новоселов крайне необходимо не только словом, но и, главное, живым примером насаждать отвращение к пьянству, так губительно действующему не только на душу, но и на материальное благосостояние человека вообще, а новосела тем паче. Молодые пастыри нужны потому, что много труда предстоит им в их святом делании. Приходы Туркестанские нередко состоят из нескольких поселков, и уже одно исправное общение с паствой требует значительного напряжения сил. Молодым священникам, не обремененным семьей, легче совершить далекий переезд в глубь Туркестана и безмерно легче устроиться прочно в приходе с материальной стороны. Кроме того, ни для кого не тайна, что сердцу молодого, пылающего неостывшим жаром юношеского идеализма священника более доступно стремление прийти на помощь своим пасомым в тех случаях, когда это выходит за пределы прямых обязанностей пастыря и входит уже в сферу деятельности просто отзывчивого, чистого душой человека, не успевшего еще очерстветь под неизбежными невзгодами жизни.

Итак, много работы на ниве Туркестанской церкви, много труда по деланию в вертограде Христовом, насаждаемом в нашей далекой окраине. Но я вполне уверен и надеюсь, что эта именно кипучая работа, предстоящая туркестанскому пастырю, пробудит святую ревность в душе молодых, энергичных, чистых сердцем богословов, покидающих семинарскую скамью, привлечет их внимание и сердце к Туркестану, разбудит в них желание послужить темному, бедному, оторванному от родины русскому православному крестьянину».¹

О том, что действительно находились люди, соответствующие запросам Туркестанских архиереев, свидетельствует о. Сергей Уклонский в «Туркестанских епархиальных ведомостях». Всю заслугу в духовном и интеллектуальном развитии русских переселенцев он отводит священникам. «Посмотрите на Семиречье - там нет ни сектантов, ни дикого проявления атеизма и разложения семейных основ. Духовенство тихо, но неуклонно вело свое дело - укрепление в переселенцах твердой веры и русской гражданственности, и этим незаметным героям принадлежит вся честь сохранения в крестьянине Семиречья всех черт коренного «руссака».²

Именно в Туркестане, как нигде, роль священника становилась решающей при всех культурных начинаниях. Как писалось в епархиальной прессе: «Громадная пространством Туркестанская епархия, количеством своих культурных обитателей готова уступить даже большинству епархий далекой и суровой Сибири... Почти единственные культурные работники - священники, разобщенные громадными пространствами и лишенные

¹ Архиепископ Димитрий в схиме Антоний (Абашидзе): Жизнеописание. Слова, воззвания, письма. - М., 2006. - С. 206-207.

² Туркестанские епархиальные ведомости. - 1908. - № 19- С. 630.

возможности живого и личного обмена мыслей, каждый по-своему осуществлял в своем приходе свое святое и великое призвание насадителя правды и добра».¹

Одним из самых важных вкладов православного священства в культуру Средней Азии является создание систематического начального образования. Организаторами, составителями программ и единственными учителями первых русских школ в Туркестане в середине XIX в. были военные священники о. Александр Победоносцев и о. Андрей Малов. Первая женская школа в Средней Азии была открыта тем же священником А. Победоносцевым. Существовала она на личные средства священника, размещалась в его квартире, а преподавание вела его родственница. Н. Остроумов сообщает, что когда при реорганизации этой школы священника отстранили от заведования и преподавания, школа перестала функционировать. «Тогда свящ. Победоносцев взял под квитанцию нужное количество учебников и начал свои занятия с детьми, ...и готов был продолжать их впредь без вознаграждения».²

Эти же школы положили начало европейскому образованию среднеазиатских народов. Н. Остроумов пишет: «военное начальство рекомендовало фортовым священникам допускать в открываемые школы и детей туземцев-киргизов... Средством к образованию их была избрана русская школа, в которой дети ордынцев обучались бы русской грамоте, совместно с русскими детьми».³

И в дальнейшем начальное школьное образование православного населения края зависело в большинстве случаев только от священников и приходских попечительств. Не только в начале устройства Туркестанской епархии, но и во все время ее существования у государства не хватало средств на обеспечение церковно-приходских школ. На IV пастырском собрании в 1908 г. священники отмечали «ненормальное положение церковно-приходских школ в Туркестанской епархии. У епархиального училищного совета и его отделений средств нет, а между тем эти школы, как показывает прошлое наших поселков, особенно в Семиречье, были самым симпатичным учреждением для новоселов... Теперь же поселки основываются, но о школах под покровом церкви нет и речи... Пастыри новых поселков этим не интересуются, не ищут средств».⁴ О. Сергей Уклонский обвиняет «новых» священников, увлеченных модными идеями космополитизма, в полном устранении от народного образования. Опять мы видим, что начальное образование на селе полностью зависело от инициативности настоятеля храма. Если настоятель храма не занимался школой, то и прихожане переставали ею интересоваться, не хлопотали об ее устройстве, не жертвовали на нее денег, замирала деятельность приходских попечительств. Без благословения и личного участия священника любое дело в церкви становится малоэффективным.

Известно много и других фактов духовной, просветительской, благотворительной деятельности туркестанского духовенства. Было много священников, которых смело можно назвать лучшими представителями среднеазиатской интеллигенции. Это - строители храмов, жертвователи, основатели школьного образования в Туркестане, лекторы, публицисты, основатели обществ трезвости и приютов.

При всех разговорах о «малом соответствии задачам пастырского служения» туркестанских пастырей, мы довольно редко обнаруживаем в документах и статьях сообщения об их провинностях, о конфликтах с приходом и властями. Те конфликты, которые упоминаются, связаны, как правило, с перегруженностью приходских священников.

¹ Туркестанские епархиальные ведомости, - 1908. - № 2. - С. 41.

² Остроумов Н. Константин Петрович фон-Кауфман устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877-1881). - Ташкент, 1899. - С. 243.

³ Остроумов Н. Константин Петрович фон-Кауфман устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877-1881). - Ташкент, 1899. - С. 226.

⁴ Туркестанские епархиальные ведомости, - 1908. - № 19. - С. 630-631.

«Туркестанские епархиальные ведомости» публикуют художественную, но, тем не менее, очень убедительную зарисовку из жизни загруженного сверх всякой меры приходского священника: «Представим себе приходского городского священника, который, состоя в большом, многочисленном приходе, в то же время состоит и законоучителем в одной, двух или даже трех низших народных школах... Пользуясь одною из трех свободною неделей, священник сей беспрепятственно и в назначенные часы исполняет в эту неделю уроки в школах. Но зато он не имеет такой свободы в исполнении урочных часов в две другие недели, и в особенности в третью неделю, когда он положительно не может отвлечься от приходской службы, от 7 часов утра до часу пополудни, и даже далее. Вот настал понедельник недельного священника и законоучителя, и он с раннего утра начинает беспокоиться о том, как бы ему успеть, хоть помаленьку, везде: и за богослужением в церкви, и за требами, и в школах. В этот день он идет на церковную службу за полчаса раньше обыкновенного, чтобы начать литургию, если возможно, до звона. Но к немалому огорчению его, при самом входе в храм, его обступили две дряхлые старушки и одна беременная женщина, с заявлением, что все они по нездоровью, желают за обедней причаститься и просят исповедать их. План священника-законоучителя начинает расстраиваться, - исповедь трех больных женщин отняла у него 15-20 минут, и службу до звона не пришлось ему начать, с некоторым опозданием начал он литургию и думает теперь о том, как бы дьякон и псаломщик не растянули службу еще на несколько лишних минут, и тут он посылает сторожа на клирос сказать, чтобы «не тянули»... На клиросе по повестке от сторожа «рады стараться», и служение литургии пошло ходко и без замедления...

Во время причастного стиха священнослужащий батюшка посмотрел на часы, которые показывали ему четверть десятого. Хорошо, - думает он, еще не опоздал. Но вот, на беду его, в самом конце литургии ему докладывают, что из числа присутствовавших за обедней одна женщина просит отслужить водосвятный молебен, а две другие заказывают вселенскую панихиду, и сейчас же... Смутился священник, представляя запоздание в школу; но делать нечего, просьбы о панихидах и молебне надо исполнить. По окончании литургии и начале молебна, дьякон с псаломщиком поют тропари и канон, а священник, стоя у жертвенника, потребляет св. Дары, и только к чтению евангелия выходит на амвон для продолжения молебна, и думает о том, что он уж никак не может поспеть на первый урок в школу.

По окончании молебна, начинается среди церкви панихида, и в то же время священник видит, что невдалеке от входных дверей храма стоят молодой мужчина и женщина с ребенком на руках, очевидно, в ожидании освобождения священника от службы, чтобы окрестить новорожденного младенца. Еще более смущается батюшка от неприятной перспективы, что его напрасно будут ждать в школе, и что он едва ли может поспеть туда и ко второму уроку... Часто смотря на часы и стараясь как можно не замедлять службой, священник кончает, наконец, подписав тут же и выдав на ходу метрическую выписку, вчера еще написанную псаломщиком, и видя, что уже четверть двенадцатого, спешит к себе на квартиру, чтобы выпить хоть один стакан чаю перед отправлением в школу.

Но едва он вышел за ограду церковную, как его тот час встречает человек, подъехавший на извозчике, и просит подъехать с ним к умирающему старичку для предсмертного напутствования. Прощай, школа, - думает про себя батюшка, - не только занятия уроками, даже стакан чаю выпить нет свободной минуты... Исполнив обязанности напутствования и возвратясь в свою квартиру, батюшка, к немалому огорчению, узнает, что в училище он совсем опоздал, а потому, садясь за чай, он передает свои чувства и впечатления подсевшей к тому же столу супруге...

- Да тебе, пожалуй, и завтра не придется заниматься в школе, - заметила матушка. Часа два назад приходил человек и объяснил, что у него померла жена, которую он будет

просить батюшку похоронить с выносом из дома и до кладбища... Пока отец Н. высказывал неудовольствие, допивая второй стакан чаю, как неожиданно является в комнату прислуга с докладом, что в передней комнате ждет человек и просит батюшку выйти для переговоров о чем-то... Проситель подает бумажку и потом уже говорит: «вот я хочу повенчаться; так скажите, батюшка, можно ли повенчать меня по этому документу, и что нужно еще?» - Просмотрев поданную бумажку, священник заметил, что одного этого документа недостаточно, что нужно еще то и то. Проситель возражает, священник настаивает на своем, и пошло между ними пререкание, которое могло бы затянуться надолго, если бы священник не взмолился перед просителем в таких выражениях: «послушайте, вот уже два часа, а я не только не успел сколько-нибудь отдохнуть после службы, но еще и не закусывал. Так я прошу вас, придите, пожалуйста, в церковь к вечерне, к четырем часам... а теперь наш спор с вами бесполезен». Проситель соглашается со словами батюшки и уходит.

Проводив его, отец Н. идет к столу и думает, что вот он наскоро теперь пообедает и еще успеет с полчаса отдохнуть до вечерни; но напрасны были его такие предположения. Как только он встал из-за стола... как ему доложили, что его ждут в передней два человека... Теперь уже не остается ничего, кроме того, чтобы поскорее одеться и идти в церковь; что и делает батюшка.

Таков служебный день очередного седмичного (т.е. служащего в храме свою очередную неделю, седмицу, - **Е.О.**) священника в городском храме. Каждый из семи дней его недели похож один на другой, с различными только вариациями в исполнении треб и служебных обязанностей.

Если этот священник неспешно исполняет богослужение и требы, то он в свою служебную неделю никогда не попадет на уроки в школу... Если же он старается, как бы то ни было, успеть хоть на один урок в училище, то он непременно должен поспешать, совершая службу Божию с грехом пополам».¹

Городской священник, был, пожалуй, еще посвободнее сельского. Сельский батюшка в Туркестане, как правило, в приходской школе преподавал не только Закон Божий, но и другие предметы, обслуживал прихожан из нескольких окрестных поселков, мог заниматься и крестьянским трудом. Некоторые священники должны были заботиться о прихожанах сразу нескольких церквей. Настоятель Беловодской церкви в течение нескольких лет одновременно служил и в Карабалтинской церкви, и в нескольких молитвенных домах. В 1910 г., когда в Лебединовском храме был уже свой священник, он окормлял жителей и других окрестных сел. В таких случаях нередко возникали недоразумения, потому что трудно было отрегулировать финансовые и другие вопросы. Порой даже само богослужение оказывалось «скомканным» из-за перегруженности духовенства и храмов.

О. Леонид Лавренин, настоятель беловодского храма, в рапорте благочинному (март 1910 г.), объясняет, почему он редко служит в соседней Петровке. Он доказывает необходимость двух священников и ярко характеризует проблемы службы в большом сельском приходе: «Назначение на псаломщицкую вакансию священника вызвано тем, что одному священнику управиться в огромном Беловодском приходе очень трудно, а другой раз даже и невозможно, например, при стечении таких служб: Литургия и поездка к больному. Вашему Высокопреподобию конечно известно <...>, что в праздники мы работаем оба, чтобы не задерживать далее полудня в храме прихожан. Один из нас служит Литургию, а другой читает поминания <...>, служит молебны, когда служивший потребляет Св. Дары, служит панихиды, говорит проповеди во время запричастного стиха, иногда крестит в сторожке, если младенец очень слаб и т.д., и не смотря на это, все-

¹ Туркестанские епархиальные ведомости.- 1908. — №2. - С. 162-165.

таки раньше полудня священники из храма не выходят, при начале в 7 часов утра. Что же бы было, если при таком приходе все эти службы и требы совершал один священник? За примером ходить недалеко. Летом, когда служб менее и народ реже ходит в храм из-за страдной поры, и при отлучке моего помощника в г. Верный (отвозил в гимназию детей), в храме прямо прошел ропот и многие, не дождавшись своей очереди служить молебны и панихиды, шли домой. Нелегко ведь рабочему человеку не евши дотерпеть до 1 часу, да, кроме того, и в поле пора уже собираться. А священник, измучившись, приходит домой куда после полудня, да хорошо, если попадет, а то еще увезут куда к больному? Вашему Высокопреподобию стоит только посмотреть, сколько пропущено из-за напутствования больных внебогослужебных бесед, и вам будет ясна правда моих слов, да не забудьте и того, что крестьяне все свои требы подгоняют к празднику, чтобы не терять рабочих дней <...> А про В.<еликий> пост и говорить нечего. На этой неделе у меня было более 1600 говельщиков (т.е., готовящихся к причастию - Е.О.), приобщать (причащать - Е.О.) пришлось три раза в неделю и столько же раз исповедать; представьте, чтобы я стал делать один? Да прибавьте к тому еще 5 поездок к больным по невозможной дороге не дом, да 11 крестин, к счастью еще погребений не было на неделе. Я еще не говорю о письмоводстве и школах. Постом письмоводство запускается до после Пасхи, а школу приходится навещать случайно, набегом. Хворать священнику постом тоже нельзя. Я помню, у меня раз заболела нога, и меня доктор не пустил 2 дня из дома, так о. Муромцев был в храме с 7 часов утра до 11 часов ночи (и это было на последней неделе, когда говельщиков остается мало), да кроме того я еще исповедал кое-кого на дому. Думаю, что сказанного вполне достаточно для ответа на вопрос, почему я не нахожу возможным литургисать (т.е., совершать главное православное богослужение - литургию -) в Петровке. Могу только сказать, что на 3-й неделе поста я поеду в Петровку служить, как это было в прежние годы.

Что касается другого вопроса, допускаю ли я служения треб во время божественной литургии, то вышесказанное мной дает отрицательный ответ на этот вопрос, да и вы это можете подтвердить, что подобного бесчинства я не позволяю...»¹

Перегруженность священников богослужебными, педагогическими, хозяйственными, административными, письмоводительскими обязанностями - проблема всероссийская. Сложность этой ситуации в Туркестане усугублялась нехваткой духовенства. Особенно болезненной эта проблема была в 1870-90-х гг. во время наиболее бурного роста числа русских сел в Семиречье.

Трудности с обеспечением туркестанских приходов священниками были связаны со многими факторами. Первый из них, один из самых главных, - сословность духовенства. Сословная замкнутость препятствовала пополнению его рядов за счет других сословий, создавая преграду между духовенством и другими гражданами Российской империи. Православные приходы обустроивались в Туркестане в азиатских городах, отвоеванных крепостях, на пустых или выкупленных у местных жителей землях. Своего духовенства здесь не было, а первые приехавшие сюда священники были полковыми, а значит, за редким исключением, не имели семьи и детей, потому что в военное ведомство брали вдовцов или монахов. Другой фактор, столь же важный, - отсутствие духовной семинарии в крае.

Многие епископы старались решить эту проблему, обеспечив все приходы священниками. Среди тех, кто ставил эту цель во главу угла, можно назвать епископа Григория (Поспелова). Современники отзывались о нем как о человеке с недюжинным умом, но крайне суровым и до прямолинейности резким с подчиненными.² Этот епископ, как сви-

¹ ЦГА КР. Ф.72. Оп. 1. Д.1.Л. 76-78.

² Туркестанские епархиальные ведомости - 1908. - № 6. - С. 186-187.

детельствует тот же источник, «с самого же начала своего служения позаботился о том, чтобы иметь около себя надлежащих, образованных и исполнительных сотрудников. ...Он возложил на одного из своих петербургских друзей, священника N., обязанность подыскивать и рекомендовать ему достойных кандидатов на посты служителей алтарей Господних нашей туркестанской окраины... Следы его правления и до сих пор заметны в Туркестане. Самой главной его заслугой должно считать... замещение священнослужительских мест подготовленными к этому делу кандидатами».¹

Епископ Григорий недолго был на Туркестанской кафедре и потому найти священников для всех приходов он не успел. Из «Ведомости о церквях и белом духовенстве по Пишпекскому благочинию за 1900 г.»² мы узнаем, что из десяти церквей, существовавших в это время в Пишпекском благочинии (охватывавшем тогда приходы Чуйской и Иссык-Кульской долин), только в шести церквях были священники, причем на всех приходах - по одному. В половине церквей не был открыт штат, а это значит, что священник такой церкви не получал жалования от казны, а существовал только на пожертвования прихожан.

Только девятому Туркестанскому архиепископу Димитрию удалось решить проблему со священниками. Он приглашал молодых священников из внутренних губерний России и стал рукополагать местных жителей в основном из числа грамотных казаков. «С отеческою любовью приму, писал он, - желательных кандидатов в лоно Туркестанской церкви. Надеюсь и уверен, что они здесь найдут полное удовлетворение своим запросам: живую пастырскую деятельность, возможность истинно христианского служения Господу и меньшим братьям Его, достаточное материальное обеспечение».³

Материальное обеспечение священников в Туркестанском крае складывалось из нескольких источников. Во всех приходах в начале XX века был открыт штат, а это значит, что священнику полагалось казенное жалование в размере 600 рублей в год. Почти на всех приходах имелись одна или несколько школ, законоучительство в каждой давало около 100 рублей, а в иных местах и больше. Везде в Туркестане священники имели землю, казенную или предоставленную сельским сходом квартиру и получали вознаграждение за совершение треб непосредственно от прихожан деньгами или натурой. Кроме того, священникам из внутренних губерний, выразившим желание служить в Туркестане, оплачивали проезд в размере 300 рублей и выдавали столько же на обзаведение хозяйством на новом месте. В экономическом отношении, по мнению владыки Димитрия, служба священника в Туркестанском крае предоставляла не меньше выгоды, чем служба в центральных епархиях. Особенно он делал акцент на будущих доходах духовенства, связывая их рост с потенциальным ростом благосостояния туркестанской паствы: «...естественные богатства благодатного Туркестана в три-пять лет превращают новоселов в богатых земледельцев, достаткам коих не без основания завидуют их близкие, оставшиеся в европейской России. А с ростом материального благополучия паствы, само собой, крепнет и благосостояние пастырей».⁴

Подобные обращения и обещания туркестанских епископов сыграли свою роль: В 1915 г. на 250 тысяч православного населения Туркестанского края в епархии служило около 150 священников, 50 диаконов, 60 псаломщиков. На всех приходах были священники, а в крупных храмах - по двое-трое.

Нормальное обеспечение духовенством всех приходов епархии могла осуществлять только собственная, туркестанская, семинария. Вопрос о ее создании поднимали

¹ Туркестанские епархиальные ведомости, - 1908. - № 6. - С. 187.

² ЦГА КР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.

³ Архиепископ Димитрий в схиме Антоний (Абашидзе): Жизнеописание. Слова, воззвания, письма. - М., 2006. - С. 207.

⁴ Архиепископ Димитрий в схиме Антоний (Абашидзе): Жизнеописание. Слова, воззвания, письма. - М., 2006. - С. 208.

почти все среднеазиатские архиереи, об этом постоянно говорилось на епархиальных и благочинных собраниях, писалось в местной прессе. Никто не возражал, но решение о создании и содержании высшего епархиального духовного учреждения, зависящее от Св. Синода, не принималось.

Семинария была учреждена только в 1915 г. в Ташкенте на средства ташкентского комерции-советника Н.И. Иванова. Семинария призвана была пополнять ряды епархиального духовенства местными кадрами, но из-за революции она не успела развернуть свою деятельность.

Интеллектуальные, творческие, грамотные люди сосредоточивались в столице края Ташкенте и в большом уездном городе Верном. Православное население городов Киргизии, состоявшее в основном из крестьян и торговцев, не могло соперничать с Ташкентом и Верным в деле просвещения. Кроме того, энергичных и образованных священников, могущих организовать в своем приходе какое-либо культурное мероприятие, епископы, как правило, переводили поближе к себе в Верный или в Ташкент.

Даже уездные города Пишпек и Пржевальск не могли сравниться с ними по своему культурному значению. И хотя просветительская деятельность и благотворительность русской православной церкви на территории Киргизии была скромна по сравнению с Верным или Ташкентом, инициативная и руководящая деятельность священников в культурной сфере была решающей, а нередко, особенно на селе, - единственной, а потому важной и значимой в укреплении «правды и добра».

Динамика экономического развития Киргизии и социально- профессиональный состав русского населения (1931-1940 гг.)

В 3-й пятилетке вошли в строй действующих еще 40 предприятий. С 1928 по 1940 г. построено 15 предприятий легкой промышленности. Промышленность стала ведущей отраслью народного хозяйства Киргизии.

- 1930 г. Приезд в Киргизию «двадцатипяти тысячников».
- 1930 г. Организация МТС.
- 1930 г. Электроэнергия стала применяться в сельском хозяйстве.
- 1931 г. Сдан в эксплуатацию Фрунзенский мяскокомбинат.
- 1931 г. Вступил в строй действующих Фрунзенский ремонтно-механический завод.
- 1931 г. С объединением Малой Аламединской ГЭС и Фрунзенской ДЭС-1 было положено начало первой энергосистемы.
- 1932 г. Закончено сооружение Чумышской плотины.
- 1935 г. Открыта шоссейная дорога Фрунзе-Рыбачье.
- 1935 г. Каменноугольный рудник Таш-Кумыр сдан в эксплуатацию.
- 1935 г. Сдано в эксплуатацию Чангырташское серное месторождение.
- 1936 г. Начало работы широкоэвещательной радиостанции во Фрунзе.
- 1936 г. Началась промышленная разработка сурьмы на Кадамжайском месторождении.
- 1937 г. Нефтепромысел Чангыр-Таш сдан в эксплуатацию.
- 1939 г. Фрунзенский механический завод освоил производство турбин малой мощности.

К 1930-м гг. доля русского населения края, от общего числа жителей республики в 1,5 млн. человек, составляет 20,8%.¹ Увеличение числа русского населения республики, новая волна миграции русскоязычных кадров в регион, вызванная индустриализацией страны и социально-экономическими преобразованиями также имели следствием увеличение занятого русского населения.

¹ Арутюнян Ю.В. Социально-культурный облик и сближение советских наций.- М., 1972.- С. 34-35.

К вопросу о распространении русского языка среди народов Средней Азии во второй половине XIX - начала XX века

*О.Л. Сумарокова, аспирант Киргизско-Российского
Славянского университета*

Двадцативековая история киргизской государственности, из которой полтора века прошли в тесном соприкосновении с Россией, таит немало загадок, и в последние годы Киргизстан открывает для себя все новые и порой неожиданные исторические нюансы. Каждое время для отечественной истории было по-своему судьбоносным. Однако отдельные периоды можно назвать определившими дальнейшую жизнь народа страны на долгие годы, и в настоящее время, в начале нового столетия, в общественном сознании усиливаются тенденции к осмыслению национального исторического прошлого, поиска во всем многообразии собственного исторического опыта ответов на злободневные вопросы современной эпохи, что представляется вполне закономерным и логически объяснимым явлением, - ведь только в фактологическом зеркале исторического процесса возможным является обнаружить очертания нового, грядущего.

Учреждение в 1867 г. Туркестанского края и 47 лет его существования явились основным катализатором процесса проникновения русского языка в киргизские степи, миссия которого, как показало время, состояла, в сохранении, приумножении и трансляции киргизским народом, несмотря на неоднократно пережитые социальные потрясения, образцов своей науки, культуры и духовности, до сих пор поражающих мир самым искренним и глубоким гуманизмом.

Попытки отдельных представителей киргизского общества оспорить этот факт происходят в условиях перекоса в последнее десятилетие в киргизском понимании понятия «рост национального самосознания» и ревностного желания идеализировать в этом процессе историческое значение киргизского языка, исторически деструктивное - русского. Используемый для этого метод не нов: в большинстве своем - кулуарные измышления и хлесткие суждения на страницах интернет-форумов. основополагающий тезис - мысль, родившаяся на страницах книги Д. Айтмамбетова «Школьное дело в Туркестане», о том, что на рубеже XIX-XX вв. царское правительство «запрещало обучение детей нерусских национальностей на своем родном языке, ограничивало поступление в учебные заведения представителей отдельных национальных меньшинств»¹.

А-ргіогі, история становления российско-киргизской образовательной системы - это история не только достижений, но и утрат, переоценка которых происходит так же часто, как меняется национальная идеология с ее исследовательским инструментарием, служащим на благо, заметим, относительной истине. Как отмечает эксперт ИАЦ МГУ Т.С. Хабитаев, это происходит посредством облачения прошлого «в подчеркнута национальные одежды. Но изготовлены они по наброскам современных дизайнеров; в подлинном прошлом их вряд ли носили. Насколько сейчас вообще можно об этом судить, одежды предков в лучшем случае лишь более или менее приближались к этим анахронистическим подделкам конца XX века»².

К середине XIX в. в России практически отсутствовал какой-либо опыт в организации народного образования среди народов, вступивших в подданство Белого Царя, что усугублялось полным отсутствием единства в понимании целей просвещения в

¹ Айтмамбетов Д. Школьное дело в Туркестане. - Фрунзе, 1963. - С. 13.

² Хабитаев Т.С. Проблема складывания национальной государственности в Центральной Азии. - По URL: <http://www.postsoviet.ru/page.php?pid=179>

правлящих кругах, и школа в русском обществе в целом, на протяжении всей своей истории развивалась в чрезвычайно трудных условиях.

Тем не менее, при отсутствии на начальном этапе концептуального подхода к постановке народного образования в Средней Азии, настроения передовой российской интеллигенции, представителей правительства и краевой администрации сводились к следующему: «Развитие и упрочение дела народного образования, дела государственного, столь великого и важного, выше которого ничего не может быть, в особенности в отдаленной окраине отечества»¹, «Образовательное дело является делом великим, делом первой государственной важности. Край в свое время, так или иначе, завоеван, и он становится не малою частицей нашего обширного отечества... Если бы туземцы, сарты и киргизы свободно заговорили по-русски, русское дело в крае можно было бы считать утвердившимся. Факт общепризнанный, что мы - духовные дети того государства, того народа, на языке которого мы говорим»².

В 1873 г. Кауфманом в «Плане устройства учебной части и народного образования в туркестанском крае» был сформулирован и представлен царскому правительству основной принцип образовательной политики: «Развитие народного образования... должно состояться в направлении русских интересов, которые заключаются в развитии экономической стороны населения, его гражданственности и солидарности, его слиянии с основами русской государственной жизни»³.

Пытаясь ответить на вопрос, действительно ли царское правительство стремилось своей образовательной политикой второй половины XIX в. «убить все нерусское, в зародыше задушить всякое проявление национальной культуры..., препятствовало созданию национальных школ, запрещало обучение детей нерусских национальностей на своем родном языке»⁴, на наш взгляд, целесообразным будет рассмотрение следующих аспектов:

- Какое место отводило мусульманское духовенство киргизскому языку в реестре образовательных дисциплин конфессиональной школы, существовавшей здесь с X века.

- Как решался вопрос о национальных языках и религиозных убеждениях в русско-туземных школах.

- Носило ли обучение в русско-туземных школах принудительный характер.

«Много лет назад, - писал Н.С. Лыкошин, - под мощным влиянием ислама, народ сознал необходимость обучения грамоте, но не для каких-нибудь практических целей, не для саморазвития и усвоения новейших завоеваний человеческой мысли, а исключительно для исполнения религиозных формальностей. Родной язык оставался в стороне, им мало занимались, полагая, что ребенку не трудно усвоить его в своей семье»⁵.

Программа мектеба (начальной мусульманской школы), рассчитанная на 4 года, включала в себя заучивание букв арабского алфавита, затем чтение складов на арабском языке, после чего учащиеся переходили к чтению священных исламских книг - Корана (хатвиака) и чар-китаба - все на том же непонятном им арабском языке. Далее по порядку учебной программы следовали книги Ходжа, Хафиз, Бибыль, Фузули, Суфи-Аллаяр и др. Все эти книги были составлены в стихах и так же, как и первые две, были малодоступны для детского понимания. Когда дети достаточно твердо усваивали процесс чтения, тогда приступали к обучению письма, которое велось столь же бессознательно и сводилось к простому механическому начертанию букв.

¹ ЦГА КР. Ф. И-7. Оп. 1. Д.-19. Л. 124.

² Недерица Е. Обзор хода учения в вечерних курсах для взрослых туземцев, устроенных при мужских училищах Туркестанского края// Туркестанские ведомости. - №41, 1885 г. - С. 181.

³ Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865-1924 годы). - М., 1960. - С. 63.

⁴ Айтмамбетов Д. Дореволюционные школы в Киргизии. - Фрунзе, 1961. - С. 13.

⁵ Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. - Петроград, 1916. - С. 223.

Курс в медресе (высшей конфессиональной школе) вводились такие дисциплины, как персидский язык, богословие, логика, диалектика, метафизика, астрология, космография и объяснения к Корану, учащиеся знакомились с классическими восточными поэтами и основами математики, географии и истории по арабским учебникам.

Как видим, национальных языков в учебных программах конфессиональных школ не было и в помине. А если речь и шла об обучении грамоте, толкуемой словарями как «умение читать и писать», то не имевшей никакого отношения к просвещению, основная задача которого - передавать полезные знания и культурные ценности в национальных и межнациональных границах. Единственное наследие, согласно утверждениям исследователей киргизского быта, которое выносил из мектеба каждый ученик - это твердое познание мусульманского этикета и мусульманской вежливости, преподавание которых составлял предмет особой заботливости со стороны муллы.

Вопрос об открытии для киргизских детей русских школ встал еще в конце пятидесятых годов XIX столетия. По этому поводу заведовавший казалинскими киргизами войсковой старшина Карамышев заявлял, что многие киргизы охотно отдали бы в училище своих сынов, если бы начальству было угодно принять содержание их на счет казны и учить при том татарскому языку. Школа открылась в 1865 г. при шести учениках-киргизах. Обучались в ней и дети русских поселенцев. Учителями в ней были киргизы, воспитанники оренбургской киргизской школы¹.

Курс учения ограничивался чтением и письмом на киргизском и русском языках, изучением четырех правил арифметики и переводами с киргизского языка на русский и обратно. Для русских мальчиков обучение киргизской грамоте было необязательно².

С 1884 г. в Туркестанском крае начали открываться так называемые русско-туземные школы для детей местного населения, чтобы подготовить слой населения, владеющий русским языком, при этом по возможности сохранив специфику конфессионального образования.

Первая русско-туземная школа на территории Киргизии была основана в октябре 1884 г. в селе Каракониз вблизи города Токмак. В школе обучались 23 учащихся, из них 20 дунган и 3 киргиза. Вторая школа открывается в 1887 г. в городе Ош с 11 учащимися³.

В них твердо проводился принцип, по которому занятия в русском классе должны были вестись исключительно на русском языке и только при помощи русского языка детьми должны приобретаться «необходимые знания и развитие»; в туземном классе не должно было быть никаких других занятий, кроме обучения «туземной грамоте и основам мусульманского вероучения под руководством туземного муллы»⁴. В отчете Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина встречаем следующее замечание: «... Желательно было бы и в туземных классах поставить занятия на практическую почву, заменив излишнее задалбливание непонятных детям тонкостей шариата усвоением на их родном языке начальных сведений по географии и истории»⁵.

Сегодня этому благу намерению дается следующая оценка нашего современника: «Русско-туземные школы, в которых велось преподавание истории и географии, открывались с одной целью: чтобы дети узнали о дальних красивых городах и странах и перестали любить свою отсталую родину»⁶. Парадоксальным на этом фоне представляется

¹ Пашино П.И. О жизни населения городов Сырь-Дарьинской области. // World Discovery Kazakhstan. №01(12) 2007 г.

² Очерк развития народного образования в туркестанском крае / Сост. Инспектор народных училищ Туркестанского края 1-го района С. Граменицкий. - Ташкент: Типо-Литография «торг. дома «Ф. и Т. Бр. Каменские», 1896. — С. 2.

³ Айтмамбетов Д. Дореволюционные школы в Киргизии. - Фрунзе, 1961. - С. 55.

⁴ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. - Ленинград, 1927. - С. 134.

⁵ Евграфов К.Е. Об этническом составе туркестанского края. - По URL: <http://www.vatanym.ru/?an=vatanym>.

⁶ Политика царизма в области просвещения нерусских народов. - По URL: <http://mixzona.ru/referat/referat/3203/>.

высказывание Д. Айтмамбетова о том, что «царское правительство боялось воспитывать в школах творческую инициативу и активность молодого поколения. Опасаясь «крамолы», оно замыкало воспитание детей в узкие рамки казенных школьных программ, изгоняя из школьной практики все, что выходило за ее пределы»¹. Не конфессиональную ли школу, отвергавшую какие-либо прагматические цели в своем обучении, где «география представлялась сбором легенд и басен самых сбивчивых, противоречивых сведений; история еще более нескладным сбором легенд и басен самых невероятных, окрашенных и вдохновенных понятием о великих судьбах мусульман»² противопоставлял автор школе имперской?

Возникновение русско-национальных школ привело к естественной необходимости в определении форм и методов обучения русскому языку. Из сложившихся двух систем - переводного (разработчики И. Алтынсарин, Е. Алекторов, Н. Бобровников и др.) и наглядного (М. Вольпер, С. Граменицкий) методов последний представлялся наиболее перспективным. Он основывался на непосредственных зрительных восприятиях, благодаря которым, дети «совершенно не знающие русского языка быстро и легко научаются живой русской речи, пользуются ею непосредственно, не прибегая каждый раз к мысленному переводу русских слов и фраз на свой родной язык и обратно, что всегда бывает в действительности, когда они изучают русскую речь переводным методом»³.

Среди многочисленных разновидностей учебных заведений, функционировавших в Среднеазиатском регионе и на территории Киргизии в частности, русско-туземные школы являлись единственным типом учебного заведения, специально созданным для осуществления общего начального образования коренного национального населения на родном и русском языках, приобщения его к новым формам социальной жизни в условиях расширения межнациональных границ. В связи с этим Главный Начальник края, во время объезда своего Ферганской области, Заравшанского округа и Ходжентского уезда, в приказе от 4 октября 1884 г. выразил надежду, что обучение туземцев разговорному русскому языку пойдет еще успешнее «при условии, если учителя будут точно исполнять циркуляр Главного Инспектора училищ от 17 августа 1883 года, об изучении ими местных наречий»⁴. Требование от учителей достаточного знания туземной речи объяснялось возможным возникновением случаев надобности «прибегнуть к ней для объяснения с учащимися и их родителями»⁵.

От принципа, что мусульманское вероучение, «в основании своем несогласное с господствующей религией в государстве»⁶, не может быть предметом преподавания в государственной школе, правительственная власть отказалась, когда приступила к открытию русско-национальных школ. Курс на веротерпимость был взят еще со времен Екатерины II: «Мы вами владеем, вы нам подчиняетесь, платите налоги, за это живите и веруйте, как хотите»⁷.

В соответствии с традициями мусульманского мира, обучение религии всегда признавалось делом школы; трудно было ожидать от туземца доверия к русской школе, куда доступ был открыт священнику и закрыт мулле. Теперь «для успеха русско-мусульманской школы» признавалось «необходимым, чтобы в ней преподавался туземцам закон их

¹ Айтмамбетов Д. Дореволюционные школы в Киргизии. - Фрунзе, 1961. - С. 24.

² Гейер И.И. Весь русский Туркестан / Издал С.Р. Конопка. - Ташкент: Типогр. «Турк. Т-ва печати, дела, 1908. - С. 47-48.

³ Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе Средней Азии. Путевые заметки. - СПб., 1913. - С. 14.

⁴ Недерица Е. Обзор хода учения в вечерних курсах для взрослых туземцев, устроенных при мужских училищах Туркестанского края // Туркестанские ведомости. - №41, 1885 г. - С. 181.

⁵ Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе Средней Азии. Путевые заметки. - СПб., 1913. - С. 14.

⁶ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. - Ленинград, 1927. - С. 128.

⁷ Жалменова О.П. Религиозный аспект национальной политики в российском Туркестане конца XIX - начала XX века. - www.kennan.ru.

веры их же муллой»¹. А заведующим мектебов разрешалось присутствовать на уроках в русских классах, чтобы убедиться, что правительство не покушается на свободу вероисповедания учащихся². «Мы, - писал К.П. фон Кауфман, - должны вводить в Туркестанском крае русскую христианскую цивилизацию, но не стараться предлагать туземному населению православной веры»³.

Распространение православной веры предполагалось заменить некоторым русифицированным просветительством, как бы заменявшим христианскую цивилизацию, и посредством этого сблизить туземный и русский народы. В 1899 г. ферганский губернатор Чайковских писал Государю: «Цель нашего сближения с местным мусульманским населением будет вернее достигнута путем любвеобильного учения Христова. На почве сострадания, милосердия и любви, понятных и мусульманам, гораздо легче может последовать доверчивое сближение различных мировоззрений и будет достигнуто смягчение отношений. Местному мусульманскому населению желательно дать полное представление и понятие о православном быте и нравственных его стремлениях. Устройство благолепных обителей, широкое развитие церковного строительства, открытие домов призрения местных убогих, калек и душевнобольных, лишенных в настоящее время всякого попечения, основание училищ для дарового начального образования и изучения ремесел - все это, несомненно, послужит лучшим средством для полного и доверчивого сближения и утверждения крепкой связи местного населения с русским народом»⁴.

Этот принцип поддерживался большинством русских и европейских просветителей конца XIX - начала XX вв. Французский путешественник и востоковед Ги де Лякост отмечал в своей работе «Россия и Великобритания в Центральной Азии»: «У русских миссионеров нет; они к этому средству не прибегают. Они хотят приобрести доверие покоренных народов, не противоречить им ни в их верованиях, ни в их обычаях»⁵.

Возможно, в целом это была хорошо продуманная политика умиротворения азиатов просвещенной державой. Она представлялась вполне оправданной. Что касается поставленных перед русско-туземной школой учебных целей, то мусульманские знания, не имеющие ничего общего с проходимой в русском классе наукой, положительно парализовали старания русского учителя и мешали ребенку сосредоточиться на изучении русского языка. Как отмечал Н.С. Лыкошин в своем очерке быта туземного населения, «дети занимаются с русским учителем чтением и письмом, но дело идет вперед медленно и с большим трудом. Конечно, венец всего обучения в русском классе, это передача ученику русской разговорной речи, приучение его хоть немного объясняться по-русски... Но как только прошли установленные часы занятий в русском классе, мальчики переходят в соседнюю комнату, поступая в распоряжение туземного учителя, который обучает их всем наукам, составляющим курс туземного «мактаба». В часы занятий с туземным учителем мальчики совершенно отрешаются от того, что старался преподать им русский учитель».⁶

В 1905 г. в Петербурге было созвано совещание по вопросам образования «восточных инородцев», которое высказалось за создание единой для всех восточных и среднеазиатских нерусских народов системы школ. В решениях по вопросу о языке обучения отмечалось, что преподавание на родном языке может быть позволено только тем народам, которые имеют свою письменность и литературу. Такими языками были признаны польский, литовский, татарский, латышский, эстонский, армянский, грузинский.

¹ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. - Ленинград, 1927. — С. 130.

² Храпченков Г.М. Храпченков В.Г. История школы и педагогической мысли Казахстана. Учебное пособие. - Алматы, 1998. - С. 56.

³ Остроумов И. К истории народного образования в Туркестанском крае. Личные воспоминания. Ташкент, 1895. - С.27.

⁴ Возвращение апостольского православия. - <http://www.pravoslavie.uz/Vladika/Books/Turk/VIII.htm>

⁵ Лякост Г. де. Россия и Великобритания в Центральной Азии. - Ташкент, 1908. - С. 42.

⁶ Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. - Петроград, 1916. - С. 231.

Что же касается киргизского, казахского, узбекского, таджикского и многих других языков народов России, то эти языки, как не имеющие письменности и литературы допускались в школы только в первые два года обучения¹. Как отмечал С.М. Граменицкий, из-за «необработанности местных языков ни в научном, ни в литературном отношениях... дети не получают надлежащих знаний ни на своем родном, ни на русском языке»².

В новых правилах «О начальных училищах для инородцев» 1907 г. это пункт уже отсутствовал.

Прогрессивное значение русско-туземных школ для коренных народов Средней Азии состояло в использовании родного языка как языка обучения, в изучении его как учебного предмета. Это стимулировало подготовку и издание учебной и методической литературы,³ разработку общедидактических и частнодидактических систем обучения родному языку, развитие национально-русского билингвизма.

Большое внимание уделялось Царской властью просвещению туземцев на их родных языках не только в стенах учебных заведений. В 1890-х гг. были сделаны попытки организации «чтений для туземцев на их языке с туманными картинками, а комиссия народных чтений возбуждала вопрос о переводе на туземный язык таких сочинений, которые могли бы ознакомить местное население с явлениями видимого мира и распространить в народе другие полезные сведения».⁴

В 1905 г. С.М. Граменицкий пропагандирует необходимость печати в целях распространения «общечеловеческой культуры» «полезных книг и брошюр» на туземных языках.⁵ Эта мысль поддерживалась и другими исследователями и просветителями: «Массе туземцев более всего необходима книга. Ждать пока туземцы будут в состоянии прочесть нужные книги на русском языке, значило бы откладывать в очень долгий ящик просвещение всей туземной массы... Не ослабляя нисколько нашей энергии в деле распространения между туземцами русской грамотности, весьма полезно и своевременно было бы ввести в обиход туземца книгу на его родном языке, которая в общедоступной форме познакомила бы его с новой областью сведений, отсутствующих в числе мусульманских сочинений».⁶

Многообразие типов школ (конфессиональные, русско-туземные, русские, профессиональные) предоставляло детям коренных народов различных сословных групп Туркестанского края возможность получения образования по разным каналам. Директор туркестанской учительской семинарии Н.П. Остроумов писал: «... Наше правительство... всегда и везде широко открывает и будет открывать двери русской школы для всех инородцев, желающих учиться, без различия их национальности и вероисповедания»⁷.

¹ Труды особого совещания по вопросам восточных инородцев. - СПб., 1905. - С. 4-34.

² Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе Средней Азии. Путевые заметки. - СПб., 1913. -- С. 15.

³ Наливкин В.П. «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда» (1884г.), «Азбука для русско-мусульманских школ оседлого населения Туркестанского края» (1886г.), «Руководство к практическому изучению сартовского языка» (1898г.), «Руководство к практическому изучению персидского языка» (1900г.), «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь» (1912г.). Ячник Г.С. «Первая книжка после азбуки, для детей туземцев туркестанского края, с переводом на киргизский и сартский языки» (1886г.). Оракулов М.М. «Самоучитель русского языка для русско-мусульманских школ» (1887г.). Терентьев М.А. «Ручная азбука для школ в Средней Азии. Сост. по поручению Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана» (1875-1876гг.), «Русская азбука для Средней Азии» (1887г.), «Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению» (1887г.). Ильминский Н.И. «Самоучитель русской грамоты для киргиз» (1861г.), «Материалы к изучению киргизского наречия» (1862г.). Граменицкий С.М. «Первая книга для чтения. Пособие для обучения русскому языку в инородных училищах» (13 изданий с 1898 по 1915г.), «Вторая книга для чтения» (8 изданий с 1898 по 1916г.), «Третья книга для чтения» (6 изданий с 1899 по 1912 г.), «Пособие для обучения в инородческом училище» (6 изданий с 1899г.), «Главные правила русского правописания» (9 изданий с 1898г.) и др.

⁴ Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. - Петроград, 1916. - С. 236.

⁵ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. - Ленинград, 1927. - С. 134.

⁶ Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. - Петроград, 1916. - С. 239.

⁷ Айтмамбетов Д. Школьное дело в Туркестане. - Фрунзе, 1963. - С. 28.

**Таблица демонстрирует ход развития русско-туземных школ
в Туркестанском крае с 1885 по 1911 год:**

Число учебных заведений	Число учащихся					Всего	Окончивших курс
	Русских		Туземцев				
	М.	Д.	М.	Д.			
<i>К 1-му января 1885 года</i>							
1	-	-	39	-	39		
<i>К 1-му января 1886 года</i>							
4	-	-	116	-	116		-
<i>К 1-му января 1887 года</i>							
13	51	11	235	-	297		-
<i>К 1-му января 1888 года</i>							
22	47	15	461	-	523		-
<i>К 1-му января 1889 года</i>							
22	43	11	426	-	480		5
<i>К 1-му января 1890 года</i>							
22	44	10	377	-	431		4
<i>К 1-му января 1891 года</i>							
22	43	8	375	-	426		25
<i>К 1-му января 1892 года</i>							
22	70	-	415	-	485		27
<i>К 1-му января 1893 года</i>							
23	63	12	464	-	539		28
<i>К 1-му января 1894 года</i>							
23	73	10	428	-	511		24
<i>К 1-му января 1895 года</i>							
23	65	3	447	-	515		16
<i>К 1-му января 1896 года</i>							
28	48	3	650	-	701		151
<i>К 1-му января 1906 года</i>							
83							
<i>К 1-му января 1911 года</i>							
892							

На территории Киргизстана к 1914 г. функционировало 16 русско-туземных школ с 740 учащимися, из которых 670 были представителями титульной нации (614 мальчиков и 56 девочек)¹. В 1917 г. количество русско-туземных школ увеличилось до 17 с 800 учащимися².

В 1914 г. автор 800 научно-краеведческих статей и заметок по вопросам жизни населения туркестанского края Н.С. Лыкошин писал: «Нечего и говорить, что желанный момент этот еще очень далек, а то, что делается для распространения среди туземцев знания русского языка, является каплей в море: те сотни мальчиков, которые

¹ Айтмамбетов Д. Школьное дело в Туркестане. - Фрунзе, 1963. - С. 31.

² Административное устройство, оседлые пункты и кочевья волости Семиреченской области. Издание Семиреченского статистического комитета. (По сведениям на 1-е января 1913года) // Сост. член-секретарь Статистического Комитета В.Е. Недзведцкий. - Верный, 1913.-С. 1.

обучаются в русско-туземных школах, составляют весьма незначительный процент по отношению к общей массе туземного населения. Покидая школу, юноши быстро забывают усвоенные ими знания, если не имеют постоянной нужды и практики в разговорном русском языке. Наконец, даже отлично кончившие курс русско-туземных школ мальчики не приобретают навыка читать со смыслом легко написанную русскую книгу»¹.

Русский деятель М.М. Вирский объясняет этот факт исключительно недостатками самой школы. К ним можно отнести нехватку финансовых средств, на то, чтобы объять российской школьной сетью всю территорию Туркестанского края. «Медленному или слишком поверхностному привитию среднеазиатским нашим подданным начал европейского образования, - с сожалением отмечал ученый-географ и путешественник М. Венюков, - удивляться нельзя. Мы сами в этом ушли недалеко, как бы можно желать. И в то время, как англичане в Индии создали 4 университета, 60 коллегий и многие тысячи начальных школ для туземцев, у нас во всей Азиатской России нет ни одного университета, гимназии находятся далеко не во всех губернских и областных городах, а в степях и Туркестане русские училища едва начинают возникать»².

Серьезно сказывалось на постановке школьного дела ограниченное число подготовленных педагогических кадров, ведь как заметил генерал-губернатор А.В. Самсонов, «при фактическом выполнении школьной программы народные учителя должны заботиться о развитии в учащихся не только умственных способностей, но и нравственных качеств, о воспитании детей вообще, в широком смысле слова. В этом последнем отношении народные учителя в школах обязаны подавать пример личным своим поведением не только детям, но и всему населению данной местности. Являясь почти единственными представителями русской образованности, учителя русских и русско-туземных школ на своих уроках обязаны стремиться к закреплению в умах и сердцах детей туземцев мысли о величии и могуществе России, принявшей под свое покровительство малокультурный, но многообещающий Туркестанский край, который пользуется внешним спокойствием и материальным благосостоянием»³.

В 1906 г. от представителей мусульман Средней Азии в образованную при Министерстве Народного Просвещения комиссию последовала докладная записка, в которой говорилось, что народные училища «совершенно не соответствовали с одной стороны истинным нуждам в области просвещения мусульман, а с другой устанавливали систему, в основании которой положено было стремление не естественным, и крайне искусственными мерами приобщить мусульман к русской культуре»⁴.

Столкнувшись в своем становлении с рядом внутренних проблем, образовательная политика в Средней Азии обрела в лице мусульманского духовенства противника внешнего, с трудом поддававшегося контролю. Проект русской школы для туземного населения, по мнению исламского духовенства, ни коим образом не вписывался в устоявшуюся веками исламскую образовательную парадигму, «грозя в самом недалеком будущем сильно подорвать престиж мектебов и медресе и вместе с тем неблагоприятно повлиять и на личные дела мударисов и даммула»⁵.

Между тем число конфессиональных школ на территории Центральной Азии с каждым годом продолжало увеличиваться:

¹ Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. - Петроград, 1916. - С. 227.

² Венюков, М. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. - Спб., 1877. - С. 162.

³ Остроумов Н.К. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае // Кауфманский сборник. - М., 1910. - С. 151.

⁴ Правила о начальных училищах для иностранцев. - Оренбург, 1907. - С. 10.

⁵ Гейер И.И. Весь русский Туркестан / Издал С.Р. Конопка. - Ташкент: Типогр. «Турк. Т-ва печати, дела, 1908. - С. 50.

1908 г. - 277 медресе (не включены данные о Семиреченской области) с 7025 учащимися, 4632 мектеба с 64773 учащимися¹.

1911 г. - более 7000 мектебов и медресе, в которых работал 6581 мулла и обучалось около 100000 детей².

По данным канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства к 1909 г. в Пишпекском уезде насчитывалось 14 мектебов, в Пржевальском - 11, на Юге Киргизии - 169³.

В 1913 г. в Пишпекской и Пржевальском уездах отмечено 87 «передвижных мектеба» с 3631 учащимся.

В 1914 г. в ошском уезде существовало 229 мектебов с 3170 учащимися и 88 медресе с 1178 учениками⁴.

Краевая власть отдавала себе отчет, что на том этапе своих образовательных свершений в Средней Азии, она не могла предложить альтернативу школе конфессиональной. «Будучи религиозною и конфессиональною, - писал Кауфман, - а вместе с тем и политическою (ибо эти две стороны в понятиях мусульманина неразрывны), школа туземная не должна рассчитывать на сочувствие русской власти. Но столь же очевидно, с другой стороны, что прямое упразднение ее, если бы на такое насилие и дано было правительственное полномочие, если бы даже оно могло быть исполнено без сильного потрясения народного доверия к власти, оставило бы, по меньшей мере, крайне неприятный и глубоко несимпатичный к нам след в народном сознании, оно вызвало бы к нам ожесточение, тем более справедливое..»⁵.

Сегодняшние и былые беспочвенные обвинения в «насаждении в местностях с нерусским населением школы» и «пресечении издания учебников, газет, журналов на родном языке», «массовых закрытиях медресе»⁶ преследовали и преследуют цель подрыва созидательной миссии России, русских и русского языка в регионе.

Как утверждает профессор Казахстана университета «Кайнар» Г.М. Храпченков, «наибольшую динамику развития имеют те национальные системы образования, которые включены в целостный процесс мирового развития, но при этом сохраняют национальное своеобразие и неповторимость. Между мировой и национальными системами образования существуют отношения общего и отдельного, глобального и регионального. Нарушение этих пропорций, абсолютизация или выпячивание национального или мирового компонента в образовании не принесет пользы стране, в которой это происходит»⁷. К этой мысли следует обращаться как к аксиоме каждый раз, когда происходят коренные изменения политических и социально-экономических структур и как следствие - отказ от прежних мировоззренческих систем и ориентиров.

Касаясь осмысления перспектив русского и киргизского языков в Киргизстане, которые немислимы без анализа их общего исторического прошлого, приведем две цитаты наших современников - председателя Бишкекской городской организации партии «Содружества» Ишенбека Санжирова и ассоциированного эксперта Института исследований международной политики (ISPI) Фабрицио Виельмини:

¹ Гейер И.И. Весь русский Туркестан / Издал С.Р. Конопка. - Ташкент: Типогр. «Турк. Т-ва печати, дела, 1908. - С. 50.

² Айтмамбетов Д. Школьное дело в Туркестане. - Фрунзе, 1963. - С. 37.

³ Киргизская Советская Социалистическая Республика: Энциклопедия / Гл. ред. Б.О. Орузбаева. - Ф.: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1982. - С. 265.

⁴ Айтмамбетов Д. Школьное дело в Туркестане. - Фрунзе, 1963. - С. 37.

⁵ Проект всеподданнейшего отчёта Ген.-Адъютанта К.П. фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867-25 марта 1881 г. / издание военно-ученого комитета Главного штаба. - С.-Петербург: Военная типография (в здании главного штаба), 1885. - С. 437.

⁶ Политика царизма в области просвещения нерусских народов. - <http://mixzona.ru/referat/referat/3203/>.

⁷ Храпченков Г.М. Храпченков В.Г. История школы и педагогической мысли Казахстана. Учебное пособие. - Алматы, 1998. - С. 4.

«Мы должны четко представлять себе роль кыргызского языка. Именно через него наш народ тысячелетиями сохранял свою культуру, традиции, национальную самобытность. Сегодня кыргызский язык может развиваться только у себя на родине - в Кыргызстане. Ни в одной другой стране мира у него нет реальных перспектив».¹

«Русский язык в истории распространения российского влияния в глубине Азии явился универсальным инструментом для доступа региона к мировой культуре. Сегодня этот язык не только сохраняет свое значение как элемент сближения и общения местных народов. Как показывает практика новейшей истории, с исчезновением системы образования на русском языке, народы региона оказались явно неспособны ответить на вызовы глобализации. С потерей русского языка прямо связаны деградация центральноазиатских обществ, распространение примитивного исламизма, и, во всяком случае, происходящий дрейф Центральной Азии в сторону, противоположную каким-либо европейским принципам».²

¹ Санжиров И. Официальный язык - это не язык русских, а средство интеграции в мировые процессы // Русский язык в Центрально-азиатском регионе государств-участников СНГ. Казахстан. Кыргызстан. Таджикистан. Узбекистан. Сборник аналитических материалов. - Бишкек, 2006. - С. 28.

² Виейльмини Ф. Роль России в определении европейско-центральноазиатских отношений // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы / Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2007. - С. (82) 75-84.

Динамика экономического развития Киргизии и социально- профессиональный состав русского населения (1941-1945 гг)

В годы Великой Отечественной войны в Киргизию из центральных районов СССР было эвакуировано 30 крупных заводов и фабрик. В 1945 г. промышленность республики давала продукции на 22 % больше, чем в 1940 г.

- 1941 г. Начало строительства Большого чуйского канала.
- 1941 г. На базе Кадамжайского месторождения создан металлургический комбинат.
- 1942 г. Вступил в строй Хайдаркентский ртутный комбинат.
- 1942 г. Создано предприятие в Ак-Тюзе по производству свинца и цинка.
- 1942 г. Началось строительство Лебединовской ГЭС.
- 1943 г. Началось строительство каскада Аламединых ГЭС
- 1945 г. Первая ГЭС Аламединого каскада вошла в строй действующих.

Существенные изменения в сложении социальной структуры русских Киргизстана происходят в годы Великой Отечественной войны. Уже в начальный период войны из западных областей СССР было эвакуировано около 25 млн. человек,¹ часть которых направлялась в среднеазиатский район. В Киргизию были передислоцированы около тридцати фабрик и заводов.² Вместе с промышленными предприятиями сюда прибывает и новый поток русскоязычных рабочих и квалифицированных специалистов. Только на начальном этапе, в Киргизию было отправлено около 150 тыс. рабочих.³ Усиленный приток людей в эти годы вызвал заметный общий численный рост населения республики. Эвакуация квалифицированных рабочих, инженерно-технического персонала значительно повысила качественный состав русской группы республики. Удельный вес городского населения республики увеличился в 1,4 раза, а по г. Бишкеку - в 1,6 раза.⁴

¹ Арутюнян Ю.В. Социально-культурный облик и сближение советских наций.- М., 1972.-С.18.

² Киргизия в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945 гг.)- Фрунзе, 1990,- С. 104.

³ Киргизия в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945 гг.)- Фрунзе, 1990,- С. 104.

⁴ Социально-экономические проблемы миграции населения Кыргызской Республики,- Бишкек, 1992,- С. 22.

Россия снова в Средней Азии¹

*Князев А.А., докт. истор. наук, профессор КРСУ,
действительный член Русского географического общества*

В 1990-х гг. Россия серьезно ослабила свои позиции в центральноазиатском реги-

Причиной этому была не только нехватка экономических ресурсов, на чем иногда акцентируют внимание некоторые российские политики, но происходило это и в силу причин более фундаментальных, определявших в тех же 1990-х гг. векторы самого русского развития вопреки российским же национальным интересам.

Принципиальный пересмотр российской среднеазиатской политики принято связывать с приходом на президентский пост В.В. Путина. Не отрицая этого факта, необходимо отметить, что ряд событий в российско-среднеазиатских отношениях в 2000 г. стал лишь знаком перемен, начавшихся несколько позже. В 2005 г. в российской внешней политике произошел важный идеологический сдвиг: оглашение концепции суверенной демократии означало безусловную приоритетность суверенитета страны над всеми иными внешнеполитическими константами и начало отказа от безоговорочного следования западным либерально-демократическим принципам.

Утверждение в российской внешнеполитической стратегии парадигмы, утверждающей, что суверенитет - это политический синоним конкурентоспособности страны вообще, во многом предопределило и изменение российской внешней политики на пространстве СНГ, включая однозначную поддержку Узбекистана в его постандиджанском конфликте с Западом, рост российской активности в ШОС и ряд других направлений.

Ситуация, сложившаяся к 2004-2005 гг. во внешнеполитическом позиционировании России, в частности - на западном направлении внешней политики и на ее южных рубежах, подталкивала Россию к смещению центра своих геополитических интересов в Азию. Помимо иного, военная операция в Афганистане дала США возможность для открытого воздействия на политические процессы в регионе, что вызвало заметную активизацию в Средней Азии Китая. Игнорировать эти новации Россия не могла: возникали предпосылки для коренного изменения расстановки сил в регионе, представляющем для России сферу жизненных интересов.

Изменение стиля взаимоотношений с основными международными партнерами, включая и вполне реальные угрозы, с которыми сразу стала сталкиваться Россия, начав восстановление своего международного статуса, заставляют российское руководство изменить саму идеологию внешней политики, весь определяющий формирование этой политики образ мыслей. Российская внешняя политика должна из рефлекторной трансформироваться в осознанную и максимально долговременную, выстроенную стратегически. Речь идет не столько о восстановлении «международного равновесия», или о формировании «многополюсности» нового мироустройства, сколько о новой трактовке традиционной для России идеи обеспечения безопасности границ за счет их расширения - или, как минимум, расширения «зоны спокойствия» вокруг России.

Период внешнеполитического бездействия в «ближнем зарубежье» привел к заметному проникновению в экономику среднеазиатских стран нероссийских капиталов, что в свою очередь обусловило и появление предпосылок для серьезного смещения главных акцентов во внешней политике соседствующих с Россией государств далеко не в ее пользу. Страны региона настойчиво пытаются связывать свое будущее не только с одним

¹ Сокращенный вариант этой статьи см.: Князев А. Россия возвращается в Центральную Азию// Центральная Азия и Кавказ. - Лулео, Швеция, 2007. - № 5 (53). - С. 35-44., одна из авторских версий - на URL <http://www.knyazev.org>

внешним партнером, осуществляя политику так называемой «многовекторности» или «дистанционного партнерства». Этот же период характеризовался и серьезными трансформациями в идеологии национальных элит новых постсоветских государств опять же не в пользу России. Националистический дискурс одержал полную победу, та или иная внешняя ориентация объясняется исключительно соображениями национального эгоизма, далеко не всегда, впрочем, ему соответствуя.

В общем, после полутора десятков лет довольно хаотичного поиска государствами региона собственной идентичности во всех ее составляющих, сегодня можно уверенно говорить, как минимум, об окончательном утверждении в регионе «государственно-центричной» модели, как ее называет Дж. Розенау,¹ как о некой матрице, определяющей, в том числе и внешнеполитическое поведение среднеазиатских государств. Эта философия государственного строительства, взятая на вооружение всеми пятью постсоветскими республиками, в значительно большей степени была благожелательно воспринята во внешнеполитических институтах России, нежели среди того круга внешнеполитических игроков, из которого исходили пожелания о реализации неких либерально-демократических моделей. Нелинейный характер современного политического развития определяет различные модели и разнонаправленные траектории, примеры чему дает и эволюция посткоммунистических среднеазиатских республик. Где-то происходит мимикрия режимов под либеральные демократии западного типа, где-то имеют место различные автократии новых, неведомых ранее типов, где-то развиваются гибридные режимы. Нелинейность развития носит всеобщий характер и подтверждает, что нет и не может быть универсальных моделей развития, пригодных для всех стран и народов. Западные модели как образец преобразования в Средней Азии, и не только, оказались дискредитированы практикой неудачных реформ, социальной дифференциацией, бедностью и политическим расколом. В этой ситуации проблемы дальнейшего развития постсоветских стран уже не могут быть ни в какой мере заменены политическими технологиями. Начавшееся постепенное осознание этого обстоятельства в элитах новых лимитрофов становится весьма выгодным фоном для российской региональной активизации.

Показателями такого осознания и окончательного торжества в Средней Азии «государственно-центричной» модели в последние годы стали два, как минимум, событийных блока. Первый - это последовавший после андижанских событий 2005 г. фактический разрыв стратегического партнерства Узбекистана с США, вступление Узбекистана в ЕврАзЭС и ОДКБ, заключение договора о союзнических отношениях с Россией, резкая активизация Узбекистана в ШОС. Другой - внешне парадоксальный итог киргизских «революционных» событий того же 2005 г., когда приход к власти в Киргизии Курманбека Бакиева стал серьезным проколом американской политики. В силу ряда как объективных, так и субъективных причин, Бакиев еще в большей степени, нежели прежде Аскар Акаев, развернулся в своей внешней политике в сторону России, а заодно и Китая. Оказавшись заодно значительно менее предсказуемым. Пусть и кажущаяся краткосрочной, но все же продуманная внешнеполитическая линия Москвы, выстроенная на фоне агрессивно-наступательной политики Запада с его псевдореволюционными технологиями, оказалась более адекватной запросам, предъявляемым среднеазиатскими партнерами. В этом плане 2005 год стал рубежом, показателем новых возможностей России в регионе и в том числе - благодаря тому, что Россия в отношениях с постсоветскими республиками стала стремиться к использованию своего политического веса, чтобы не позволить процессу выйти «за конституционные рамки и за пределы национального законодательства».

¹ Rosenau, J. 1984. Pre-Theory Revised: World Politics in an Era of Cascading Interdependence. - International Studies Quarterly, № 1. - P. 3-29.

Настойчивые попытки евроатлантического сообщества влиять на внутренние процессы в странах региона по истечении полутора десятков постсоветских лет вызывают все большее отторжение. Как часть бывшего коммунистического блока, республики региона рассматривались сквозь призму так называемой парадигмы перехода (*transition to democracy*¹), где превалирует убеждение в том, что решения проблем любой страны можно добиться механическим применением стандартизированных схем и рецептов, соответствующих потребностям так называемого «западного мира».² Убедившись в отсутствии в странах Средней Азии «гражданского общества», американцы и европейцы начали пытаться создавать его искусственно. А республики региона в это время нуждались в укреплении государственных институтов, чтобы адекватно отвечать на вызовы независимости.³

Исторически обусловленное постсоветское внутреннее типологическое родство моделей государственного и общественного управления становится той основой, на которой зиждется восстановление многих утраченных в 1990-е гг. направлений сотрудничества между Россией и странами Средней Азии. Однако можно констатировать, что эта основа может иметь лишь временный, транзитный характер. В долгосрочной перспективе стойкое нежелание среднеазиатских элит менять свой консервативно-неустойчивый статус и криминализированную структуру режимов, позитивно реформироваться в сторону демократических преобразований - не в интересах России. В любом случае, Россия заинтересована в том, чтобы обеспечить долгосрочную стабильность в регионе, но - вовлекая в качестве партнеров в процесс модернизации среднеазиатских режимов лишь те государства или международные бизнес-элиты, которые не склонны нагнетать дестабилизацию положения и деструкцию региона посредством, например, экспорта непродуманных новаций. В этом, видимо, и должна состоять одна из главных сущностей региональной российской стратегической программы. Основанная на «двойных стандартах» политика США в Средней Азии дала России дополнительную возможность вернуть себе часть региональных союзников, ведь геополитический разворот, совершенный руководством Узбекистана в 2005 г. - это серьезный знак разочарования в американской миссии и, одновременно, показатель того, что Россия вполне созрела для участия в глобальных проектах, альтернативных западным.

Существующие в странах региона политические системы представляют собой отчасти смикшированные варианты прежней советской системы, на которые дополнительно накладывается определенная для каждой из стран специфика, происходящая из далекого доколониального прошлого. Функцию прежней коммунистической идеологии приняла на себя идеология построения этнократических государств (или, в мягкой форме, как в Казахстана, «национально ориентированных» государств), но ни в одном из среднеазиатских государств нет естественной конкуренции политических сил. Отсутствие идеологической базы, соответствующей реальным потребностям развития общества, имманентное новым государствам противоречие формы и содержания делает их еще более неус-

¹ Carothers T. The end of the Transition Paradigm// *Journal of Democracy*. - 2002. - Vol. XIII, N. 1. - P. 6.

² Виельмини, Фабрицио. Роль России в определении европейско-центральноазиатских отношений// *Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы*/ Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2007. - С. 75-85.

³ Очень хорошо это видно на примере деятельности ОБСЕ, которая все больше воспринимается в регионе как инструмент США по реализации их геополитического плана, в котором центральноазиатские процессы демократизации просто используются для достижения внешнеполитических целей США. - Dunay P. The OSCE in crisis// *Chaillot Paper*. - 2006. - April, № 88. Европейский подход к проблемам безопасности центральноазиатского региона является техническим, бессистемным, тогда как эти проблемы по своей сути являются долговременными и требующими систематических и комплексных подходов. Повсюду в регионе в отношении оценок европейской активности налицо отторжение и фрустрация. Европейский подход к вопросам прав человека все более и более воспринимается как «большевистский», а «демократия» уже почти превратилась в ругательное слово, что ярко иллюстрирует существующий уровень отчуждения. - Виельмини, Фабрицио. Роль России в определении европейско-центральноазиатских отношений// *Проекты сотрудничества и интеграции для Средней Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы*/ Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2007. - С. 75-85. Автор анализирует данную проблематику более подробно в работе: *Continuity post-sovietica, autoritarismo politico e diritti umani in Asia Centrale*. - Milan: ISPI, 2007.

тойчивыми, чем коммунистические системы. Поэтому задачей российской политики в регионе, наряду с поддержкой суверенитета среднеазиатских партнеров, является стимулирование процессов их внутривластной трансформации, обеспечения их большей устойчивости и результативности. В конечном счете, внутривластная стабильность в любом из лимитрофов является и фактором собственной безопасности для России.

Даже при отсутствии проработанной долгосрочной концепции российской политики в Средней Азии, самым историческим ходом событий на протяжении двух столетий был создан и во многом сохранился неплохой задел для ее создания и развития. Тем не менее, возвращение России в Среднюю Азию поставило перед российской внешней политикой задачу поиска принципиально новых механизмов сотрудничества со странами региона и реализации своих региональных интересов. В основу новой, еще не сформулированной концепции пока вписываются тактические задачи среднесрочной перспективы, которые уже решаются в текущей российской политике. Это контроль над добычей, транзитом и предоставлением на мировые рынки среднеазиатских энергоресурсов. Это сохранение и оптимизация российского военного присутствия в регионе, направленное, прежде всего, на упреждение угроз, связанных с радикальным исламизмом. Это поддержка действий среднеазиатских режимов укреплению суверенитета, по недопущению «экспорта демократии». Это поиск отношений консенсуса с растущим влиянием в регионе Китая, недопущение превращения Китая в доминирующую силу в регионе.

В условиях глобализации монопольное российское, как и любое другое, присутствие в том или ином регионе мира - утопия. Поэтому в интересах России - привлечение к партнерству в политической и экономической реконструкции иностранных государств, реально заинтересованных в стабилизации Средней Азии. Если говорить о внерегиональных субъектах, то таким вариантом могло бы стать партнерство с Евросоюзом. Логическое обоснование выбора в пользу России как главного партнера для ЕС можно найти во многих областях взаимодействия и сотрудничества со Средней Азией. Наоборот, вытеснение России из такой политики может иметь фатальные последствия для безопасности всей Евразии.¹ Однако пока вполне очевиден антироссийский подтекст большинства практически-политических и экономических проектов развития Средней Азии, инициируемых США и странами Евросоюза. В этом проявляется как соревновательность действий основных игроков международной политики, так и низкий уровень их сотрудничества в данном регионе. Нет сомнений, что вектор кооперационных и интеграционных проектов американского, европейского или иного происхождения должен быть направлен не только на юг, но и на север (Россия), запад (Иран) и т.п. Наивно было бы считать, что такое государство, как Россия, не будет продвигать свои интересы на экономическом, политическом, культурно-образовательном пространстве бывших советских республик, как, впрочем, и Афганистана, Индии, Пакистана и др.²

Наиболее естественной и одновременно наиболее чувствительной точкой соприкосновения интересов России и республик Средней Азии является сфера коллективной безопасности. Ни США, ни Европа, ни Китай никогда не возьмут на себя всю ответственность за обеспечение безопасности среднеазиатских государств. Американцы находятся в регионе для решения собственных национальных задач. Китай лишь начинает осваивать для себя тактику взаимодействия с новыми государствами региона, делая упор преимущественно на экономическое сотрудничество.

Это обстоятельство создает для России хорошую платформу в развитии сотрудничества с регионом в военно-политической сфере. Новейшая история этого сотрудниче-

¹ Interview with A. Rahr. Russia Profile Weekly Experts Panel: Another New Year's Gas War// Russia Profile. - 2007. - January 12.

² Бойко В.С. Большая Центральная Азия и Россия: особенности историко-цивилизационного, геополитического и экономического взаимодействия// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2007. - 50-57.

тва достаточно противоречива. В период после 1991 г. произошло серьезное ослабление российского военно-политического влияния в регионе, снизился уровень военного присутствия России, включая и потерю ряда военных баз в государствах Средней Азии. При этом военно-политическое сотрудничество со среднеазиатскими государствами является для России по-прежнему приоритетным. События 1999-2000 гг. продемонстрировали реальность военной угрозы со среднеазиатского направления для России. Заодно они показали, что, несмотря на частичную утрату Россией своего влияния, без российского участия невозможно решение любых военно-политических проблем региона. Это является базисом для восстановления полноценного присутствия России в любых происходящих в регионе процессах в сфере безопасности. При отсутствии достаточных финансовых ресурсов и политической воли у руководства любого из государств Средней Азии к созданию собственного необходимого военного потенциала, участие в военно-политических договорных отношениях и военно-техническое сотрудничество являются единственными возможными механизмами обеспечения безопасности в военной сфере. Имеющийся военный потенциал не позволяет эффективно противодействовать всему спектру военных угроз и угроз военного характера, требуя военно-политической интеграции и объединения усилий в рамках региональных систем коллективной безопасности. Признанием этого обстоятельства является участие всех, за исключением Туркмении, государств региона в Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ), функционально наиболее предметно сосредоточенной на решении этих проблем. Ярким показателем признания неспособности США и НАТО влиять принципиальным образом на ситуацию в сфере региональной безопасности является один из главных тезисов Бишкекской декларации Шанхайской организации сотрудничества 2007 г.: «стабильность и безопасность в Центральной Азии могут быть обеспечены прежде всего силами государств этого региона на базе утвердившихся в нем региональных международных объединений».¹

Когда-то один из основателей русской школы геополитики А.Е. Снесарев писал: «Экономические завоевания идут теперь впереди военных. Не та нация сильна, которая завалила всю страну штыками, а та, которая держит в своих руках сети экономических завоеваний!».²

К настоящему времени Россия не только восстанавливает свое экономическое присутствие в регионе, но и существенно наращивает его. Более того, сегодня пока только Россия реализует масштабные многосторонние проекты (кооперация в разработке, добыче и транспортировке углеводородов, расширение военно-технического сотрудничества и др.), которые создают реальную основу для региональной интеграции. Например, в 2000-2006 гг. в Таджикистане более 40% общего притока прямых инвестиций составляют российские капиталовложения.³ Правда, торгово-экономические отношения со странами Средней Азии пока не играют существенной роли для самой России, в 2006 г. совокупная доля этих стран во внешней торговле России составила около 3% (а во внешней торговле Китая, для сравнения - 0,6%). Доля России во внешнеторговом обороте Киргизии составляет 27,24%, Узбекистана - 16,39%, Казахстана - 18,87%, во всех случаях занимая первую строку рейтинга внешнеторговых партнеров. В среднем по итогам 2006 г. доля России во внешнем товарообороте стран Средней Азии составила около 17% (доля КНР - около 12%).⁴

¹ Текст Бишкекской декларации ЛЛЮС// АКНpress. - Бишкек, 2007. - 16 августа.

² Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. - М.: Военный университет, Русский путь, 2003. (Российский военный сборник). - С. 102.

³ Regnum. - М., 2-7. - 6 июня.

⁴ Парамонов В.В., Строков А.В. Экономическое присутствие России и Китая в Центральной Азии — ключевой вопрос для будущего ЕвразЭС и ЛЛЮС// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2007. - 153-160.

Снижение среднего регионального показателя российской инвестиционной активности происходит в основном за счет нефтегазового комплекса Казахстана. На начало 2007 г. объем только американских финансовых вливаний достиг 13,8 млрд. долларов, или

Участие России в среднеазиатской политике и экономике на макро-, региональном и микро-региональном (сотрудничество краев, областей, бизнес-структур, научно-образовательных институтов и др.) уровнях - один из важнейших императивов создания нового климата и возможностей сотрудничества, а может быть, и интеграции на двусторонней либо многосторонней основе для всего региона Центральной Азии, включающей китайский СУАР, российские Алтай и юг Сибири. Причем интересы России могут при этом вполне гармонизироваться с интересами США, действия которых уже в течение ряда лет вызывают критику не только ура-патриотов, но и прагматиков. Как пишет А.Д. Богатуров, «вопрос о приобретении Россией более заметной роли в обеспечении энергетических потребностей США уже перестал быть только теоретическим. Правда, до сих пор больше пишут и говорят о возможности поставок в США российских энергоносителей северным путем - через Мурманск. Южный (точнее, южносибирский) сценарий в этом контексте особого внимания не привлекает. Однако, если в самом деле усилия США по формированию пути вывода энергоносителей из материковой части Центральной Евразии к югу начнут себя оправдывать, то приобщение России к подобному коридору может оказаться важной задачей».¹ В этом сценарии есть лишь один, но важный фактор противоречия: планы США по формированию путей вывода из Средней Азии жестко детерминируются соображениями политического характера, ставя целью не столько достижение экономических целесообразностей, сколько проектируя альтернативы российскому транзиту и китайскому вектору поставок среднеазиатских углеводородных ресурсов. Стоимость прокачки нефти по любому из западных альтернативных маршрутов окажется более высокой по сравнению с российскими аналогами, присоединение к обходным прозападным проектам потребует от республик Средней Азии заметно большего участия и более существенных гарантий, чем работа с Россией.² Впрочем, даже при осуществлении самого негативного для России сценария - если, предположим, вся азербайджанская нефть, большая часть казахстанской нефти, туркменского и узбекского газа, - пойдет в Европу в обход России, то все это составит не более четверти от нынешнего объема потребляемого странами ЕС российского природного газа. Так что позиции России в этом вопросе очень сильны.

История распространения российского влияния в глубине Азии есть и история присутствия некоторых элементов европейской цивилизации. Есть очевидный общий интерес в сохранении русского языка как универсального инструмента для доступа региона к мировой культуре.³ Сегодня этот язык не только сохраняет свое значение как элемент сближения и общения местных народов. Как показывает практика новейшей истории, с исчезновением системы образования на русском языке народы региона оказались явно

примерно 30% всех прямых иностранных инвестиций в Казахстане. Но в то же время, российские компании обеспечивают больше половины иностранных инвестиций в нефтегазовом секторе экономики Узбекистана. В Узбекистане действует более 450 совместных предприятий с российскими инвестициями. В ходе визита В.В. Путина в Казахстан и Туркмению в мае 2007 г. президенты среднеазиатских государств подтвердили приоритетный характер сотрудничества с Россией в нефтегазовой сфере. Самый глубокий реверанс сделал глава Казахстана Нурсултан Назарбаев: «Казахстан абсолютно привержен тому, чтобы если не все сырье, то большая его часть проходила именно по территории России». Кроме того, была достигнута договоренность о расширении идущего из северо-западного Казахстана в Россию транзитного нефтепровода Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) с нынешних 29 млн. до 40 млн. тонн. Произошли некоторые сдвиги по привлечению российских инвестиций и ресурсов «Газпрома» для поддержания и развития газодобычи в Узбекистане и Туркменистане. Главным же стало подписание 12 мая главами России, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана декларации о строительстве прикаспийского газопровода мощностью 10 млрд. кубометров, а также о расширении и модернизации трубопроводной системы Азия-Центр. В соответствии с документом до 1 сентября нынешнего года стороны обязуются подготовить технико-экономическое обоснование, межправительственное и коммерческие соглашения о создании консорциума результате мощности по транспортировке газа из Средней Азии в Россию должны возрасти с нынешних 60 млрд. до 90 млрд. кубометров в 2014 г. - Собянин А., Шибутов М. Дождется ли российско-казахстанской глобальной экспансии?// Республика. Деловое обозрение. - Алматы, 2007. - 25 мая.

¹ Богатуров А. Индо-сибирский коридор в стратегии контртерроризма// Независимая газета. - М., 2005. - 24 октября. - С. 14.

² Первые обычно должны прокладываться в горных условиях или пересекать морские пространства, а вторые, помимо всего прочего, оказываются значительно короче. По тем же причинам обходные проекты существенно более капиталоемки. Например, проект транскаспийского газопровода с достройкой последующих участков газопровода «Набукко» оценивается в 10 млрд долларов, в то время как российский вариант модернизации и расширения среднеазиатских газопроводов - в один миллиард. - Собянин А., Шибутов М. Дождется ли российско-казахстанской глобальной экспансии?// Республика. Деловое обозрение. - Алматы, 2007. - 25 мая.

³ Abdullaev E. Uzbekistan between Traditionalism and Westernization, in B. Rumer (ed.)// Central Asia at the End of Transition. - N.Y, London: M. E. Sharpe, 2005. - P. 267-66.

неспособны ответить на вызовы глобализации. С потерей русского языка прямо связаны деградация центральноазиатских обществ, распространение примитивного исламизма, и, во всяком случае, происходящий дрейф Средней Азии в сторону, противоположную каким-либо европейским принципам.¹ Новый характер российско-среднеазиатских взаимоотношений вряд ли оставляет место для успешного применения весьма успешно распространявшихся в 1990-х гг. идеологем, апеллирующих к истории и акцентирующих на некоем неравноправном, «эксплуататорском» характере этих взаимоотношений в прошлом.

Широкомасштабный миграционный поток из Средней Азии в Россию говорит о том, что сегодня, в отличие от ситуации в XIX и XX вв., демографически Россия не является больше фактором давления, наоборот, она сама сейчас нуждается в человеческих ресурсах Средней Азии. Поэтому можно уверенно предполагать, что любой процесс интеграции региона с Россией будет иметь мирный и ненасильственный характер, как это преимущественно и было исторически. Тем более абсурдным представляется тезис о некоем комплексе «вины» России и русских за многочисленные промахи и перегибы в период существования империи и союзного государства, который-де не позволяет ей (и им) на равных участвовать во всех среднеазиатских делах. Внутренний колониализм, будь то социальные и иные диспропорции, пренебрежение центра к периферии и пр. - не в меньшей, а подчас еще и в большей степени испытывали на себе и миллионы российских/советских граждан - этнических русских.²

Фактом является то, что Средняя Азия, даже в самом утрированном ее понимании образца 1990-х гг., сама, образно говоря, «перемещается» в Россию - миллионы этнических узбеков, таджиков и представителей других этносов на многие годы, нередко навсегда, переселяются в Россию, либо, как сезонная рабочая сила, выступают связующим, часто спасительным, звеном между родиной и Россией. В России, особенно в краях и областях южного приграничного пояса, диаспоры азиатского происхождения постепенно перерастают в устойчивые национальные сообщества местного социума, в том числе в статусно-правовом отношении.

Россия, которая сформировалась как имперское государство, как мировое государство, не может отступать от державной стратегии. Уход от традиционной политики мирового игрока губителен для России и чрезвычайно опасен для ее внешнего окружения. И не только в силу высочайшей и неизбежной экономической зависимости от России той же Европы. Особую опасность представляет собой возможный в случае такого развития событий слом ментальности населения российского населения, в силу того, что если политика минимальной достаточности утвердится, в России неизбежно разовьется русский национализм, обусловив постепенное скатывание к этнократическому государству. Симптомы такой опасности присутствуют в сегодняшней реальности, проявляясь в определенном росте национализма и самых разных фобий - этнических, религиозных, межрегиональных, расовых и так далее. Впрочем, это - глобальное явление не только в России, во многом объясняемое тем, что другие мобилизующие идеологии - социализм, демократия и т.д., уже «отыграли» свое, они оказались неактуальны к началу XXI в.

Идеологические причины происходящего непосредственно для России состоят и в глобальном унижении русской нации и России в целом, которая, будучи Российской империей и затем Советским Союзом, всегда была одной из ведущих мировых держав.

¹ Вильмини, Фабрицио. Роль России в определении европейско-центральноазиатских отношений// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2007. - С. 75-85.

² Бойко В.С. Большая Центральная Азия и Россия: особенности историко-цивилизационного, геополитического и экономического взаимодействия// Проекты сотрудничества и интеграции для Средней Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2007. - С. 50-57.

Развал страны поставил именно русскую нацию в двусмысленное положение. Она привыкла к своей «ведущей» роли, и сегодня имеет место определенный «кризис идентичности». Он подразумевает яростную защиту своей идентичности параллельно с поиском ее оптимальных характеристик. Усугубляет ситуацию и тот факт, что далеко не все приезжающие в Россию граждане стран бывшего СССР законопослушны и способны качественно интегрироваться в российскую действительность. Эти группы людей очень часто и не стремятся к адаптации и, возможно, не способны в силу причин культурологического характера. А процессы формирования общественного мнения носят зачастую обобщающий характер: в Екатеринбурге, например, негативное отношение к наркоторговцам-таджикам затрагивает всю таджикскую диаспору. Для развития национализма и ксенофобии конечно есть свои объективные причины: и экономические (область фактически депрессивная); и социальные (массовая безработица, в особенности скрытая); и исторические - глубинная Россия всегда достаточно остро реагировала на угрозу распада страны, потерю ее идентичности и поддерживала политические силы, артикулировавшие эту угрозу. В любом случае, говорить нужно сегодня скорее не о национальных конфликтах, а о наличии этнической напряженности на не критическом уровне. Само же наличие этой проблемы является поводом к размышлениям и последующим действиям о совершенствовании существующего в России мультикультурного общества и мультикультурного государства. Исторически это абсолютно оправданно - Россия всегда была полиэтнична. Россия сегодня - единственное из государств постсоветского пространства, которое не избрало для себя путь этнократии. В азиатской части России и ряде ее центральных областей, прежде всего в крупных городах и столичных мегаполисах, возникает новая этнонациональная структура, обладающая очевидными чертами среднеазиатского содержания и форм жизни, остаточных, обновленческих или конвергентных. Но, разумеется, эти процессы, во многом сохраняющие стихийный характер, не отменяют необходимости проведения специальной работы по развитию межрегиональных, трансграничных и иных связей.¹

Трудовая миграция в Россию создает для стран Средней Азии колоссальную зависимость. В 2006 г. трудовые мигранты из стран СНГ вывели из России более 3 млрд. долларов в виде денежных переводов и более 10 млрд. долларов наличными, общий годовой заработок мигрантов достиг 20 млрд. долл.. С учетом известного дефицита трудовых ресурсов, для самой России эти цифры - как показатель гипотетического экономического ущерба - абсолютно не критичны. Для стран происхождения мигрантов - а в Средней Азии это, прежде всего, Таджикистан и Киргизия - данные поступления имеют принципиальное значение. «Россия остается главным рынком труда для таджикских гастарбайтеров», - считает руководитель Информационно-ресурсного Центра для трудовых мигрантов Таджикистана Музаффар Шарипов. По его словам, с начала 2007 г. из Таджикистана на заработки выехало более 630 тысяч человек, «по нашим подсчетам около 90% из этих граждан выезжают в различные регионы России. В то же время, в Казахстане наших трудовых мигрантов чуть более 40 тысяч человек».² В Таджикистане денежные поступления от мигрантов из России составляют около двух бюджетов республики, в Киргизии этот показатель заметно ниже, однако в обоих случаях чрезвычайно важным является и то, что трудовая миграция снимает значительную часть социальной напряженности, с которой неспособны справиться неэффективные экономики этих республик.

¹ Бойко В.С. Большая Центральная Азия и Россия: особенности историко-цивилизационного, геополитического и экономического взаимодействия// Проекты сотрудничества и интеграции для Средней Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2007. - С. 50-57.

² Regnum. - М., 2007. - 25 июля. По данным исследовательского центра «Шарк», 94,7% от общего потока трудовых мигрантов выезжают на заработки в РФ, 2,4% в Казахстан, по 2, 9% принимает Украина, Белоруссия, Киргизия и Молдова. Реальный уровень безработицы в Таджикистане составляет 11,3 %, в том числе в городах 13,2%, в сельской местности 10,9%, наибольшую долю безработных составляет молодежь - 68,9%.

Важной проблемой российско-среднеазиатских отношений, во многом препятствующей формированию устойчивого партнерства, является перманентная неопределенность внешней политики самих государств региона по отношению ко всем внешним геополитическим игрокам, включая и Россию. Возведенный в догму в 1990-х гг. эвфемизм о так называемой «многовекторности» служит оправданием этой непоследовательности, продиктованной как объективными, так и субъективными, чаще всего сиюминутными, интересами, далеко не всегда совпадающими с подлинными национальными. В отношении всех внешних сил у стран региона попросту отсутствуют какие-либо долгосрочные стратегии в любой из сфер взаимодействия - политической, экономической, любой дру-

Стремление же России и русских в Азию вообще, и в Центральную Азию в особенности - только отчасти проявление старых философско-политических и новых конкретно-политических идей вроде азийства Э. Ухтомского или евразийства и неоевразийства образца 1920-х и 1990-х гг.¹ Сегодня этот процесс происходит и в силу действия более императивных факторов - геополитических и геоэкономических, демографических и миграционных, и др., хотя он и не есть простое выражение глобализации. Нельзя не отметить подвижности границ Средней Азии - как это было и в прошлом, они не совпадают с государственными, а носят скорее фронтирный характер, то есть служат некой линией культурно-цивилизационного рубежа,² где, в случае с Россией, встретились и до сих пор вполне продуктивно взаимодействуют славянско-христианский и (преимущественно) тюрко-мусульманский миры.

Россия всегда была специфическим имперским проектом, особенностью которого являлось то, что он всегда был лишен какого-либо принципиального коммерческого значения. Империю как огромный и единый территориально-пространственный комплекс создавали, руководствуясь политическими устремлениями, стремясь к тому, чтобы Россию окружало огромное, упорядоченное пространство, защищенное от всех внешних угроз. Именно вопросы собственной безопасности, защиты своего государственного пространства, а не некие синкретистские евразийские доктрины, преподносящие «связывание великих пространств Евразии» как мессианский долг России, стояло в основе российского продвижения в Азию.

Такой подход подразумевал значительно более органичное взаимопроникновение метрополии и колоний, нежели, скажем, в британском случае. Англия тоже была величайшей империей, но это был сугубо коммерческий проект, многочисленные владения были разбросаны в изрядном удалении от метрополии, представляя собой, по сути, филиалы большой фирмы под названием Объединенное Королевство. Крушение британской колониальной империи для британского общества было неким сворачиванием проекта, ставшего убыточным. Распад СССР для России - подрыв одной из основ собственно российского государственного строительства, размывание политически и идеологически необходимого для полноценного развития самой России пространства.

В результате такого рода подхода к колонизации, роль России в Средней Азии, как и в других регионах бывшего СССР, исторически сложилась как системообразующая, как некий регулятор основных механизмов внутрорегионального равновесия. Кроме выполнения этой системообразующей и регулятивной роли, Россия является, по большому счету, самым эффективным, даже если в последние годы и больше потенциальным,

¹ Схиммельпенник ван дер Ойе. Д. Азиатский соблазн России// Космополис. 2002/2003. № 2.

² См.: Бойко В.С. Большая Центральная Азия и Россия: особенности историко-цивилизационного, геополитического и экономического взаимодействия// Проекты сотрудничества и интеграции для Средней Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2007. - 50-57.

вектором для модернизации центральноазиатских политических систем, как это и было исторически. Россия представляет собой наиболее приемлемый образец политической культуры для стран региона - учитывая характерную для политических систем этих стран высокую роль государственных структур. Она есть вектор ориентации стран региона, если не на демократию в классическом понимании этого термина, то, по крайней мере, на обеспечение большего плюрализма внутри центральноазиатских политических систем.

На этом фоне российский постимперский проект в его самом широком понимании имеет полное право на полноценное существование. Континентальный профиль России как государства не оставляет ей возможности существовать иначе, нежели в качестве великой державы, к которому она стремительно возвращается. Поэтому без России и вопреки России уже не возможно решить ни одной сколько-нибудь значимой международной проблемы, тем более - в регионе, объективно представляющем для России сферу национальных интересов, где, несмотря на все потери постсоветского времени, Россия сохранила наибольшее число определяющих факторов влияния.

Динамика экономического развития Киргизии и социально- профессиональный состав русского населения (1946-1960 гг.)

В период 1946-1955 гг. в состав действующих вошли 50 крупных предприятий: это новые каменноугольные шахты, Кантский, Каджисайский, Кабакский рудники, 2-я очередь Лебединовской, 2-я, 3-я и 4-я очереди Аламединского каскада ГЭС, завод «Киргизавтомаш», Ошский электромеханический, Джалалабадский хлопкоочистительный, Ошский и Кызылкийский кирпичные, Кюрумтинский цементный заводы, железнодорожная линия Быстровка - Рыбачье.

- 1949 г. Создано предприятие в Боорду по производству свинца и цинка.
- 1951 г. Сдача в эксплуатацию Рыбачинского, Сулюктинского и Джалалабадского мясокомбинатов.
- 1951 г. Открытие первой троллейбусной линии во Фрунзе.
- 1958 г. Начало работы телевизионного центра во Фрунзе.

В 1950-е г. социальная структура русских Киргизстана характеризуется численным превосходством городского русского населения над сельским: 360,3 тыс. горожан против 263,3 тыс. сельских жителей.¹ Эта диспропорция была вызвана широким бурным развитием промышленного производства, созданием большого числа новых предприятий. Доля русских жителей в национальном составе населения республики достигает отметки 30,2%. К этому времени относится изменение параметров занятости русского населения республики в пользу работников промышленных отраслей, когда доля занятого русского населения в этом секторе достигает отметки 55,2%. В сельскохозяйственных отраслях народного хозяйства, напротив, происходит снижение показателей представленности русских работников до 14,5%. Что же касается русских, занятых умственным трудом, то их доля достигает 30,3% из числа всего занятого русского населения республики.² Таким образом, в этот период времени русские Киргизстана представляют собой этническую группу с однозначно доминирующими показателями представленности в индустриальной отрасли хозяйства.

¹ Сводный том с некоторыми итогами послевоенных переписей населения,- Бишкек, 1992.-С. 108.

² Русские: этносоциологические очерки,- М., 1992,- С. 94.

Роль России в интеграционных процессах в Центральной Азии

*Н. Мураталиева, аспирант Киргизско-Российского
Славянского Университета*

В настоящее время одной из определяющих тенденций развития современного мира является интеграция, порождающая серьезные качественные изменения. В процессе политической интеграции трансформируются политические системы государств, взаимодействие которых приобретает различные формы. Включенность в интеграционные процессы приобретает стратегический характер для государств, имеющих соответствующий потенциал играть важную роль в мировой политике и эффективно решать вопросы внутреннего развития в свете обострения глобальных проблем, стирания грани между внутренней и внешней политикой как следствия глобализации.

Участие в интеграционных процессах, несомненно, важно и для Киргизстана, как суверенного государства на постсоветском пространстве, где сохраняется сочетание интеграционных и дезинтеграционных тенденций. Хотя в Центральной Азии и на уровне обществ, и на уровне элит, польза от интеграции выглядит достаточно спорной. Некоторые невольно ассоциируют интеграцию в данном регионе с советской эпохой. Другие вообще считают, что интеграция, с наличием огромных проблем в Центральной Азии невозможна. К примеру, по мнению ведущего политолога Киргизстана Александра Князева, отсутствует сама модель интеграции, есть только инициативы, сформулированные в общем виде президентом Казахстана, которые представляют собой чистый пиар¹. Препятствием на пути интеграции был и остается большой разрыв в уровне экономического развития стран Центральной Азии. Сюда же можно отнести несогласованность экспортной политики, противоречия по пограничным вопросам, борьба за контроль над водно-энергетическими ресурсами и т.д. Также тормозит интеграционный процесс разноскоростное реформирование экономик, односторонние решения, ущемляющие интересы партнеров.²

Если обратиться к истории данного региона, то можно отметить, что Центральная Азия никогда не была единым регионом вследствие воздействия внутренних факторов. Центральная Азия объединялась только под воздействием внешних интеграторов, примером чего выступает СССР. Какая же страна может взять на себя инициативу в интеграции? Какое место занимает Россия в интеграционных процессах Центральной Азии?

Рассмотрим для начала политику России относительно центральноазиатских стран и то, насколько Россия способствует интеграции в Центральной Азии. По данной проблеме теоретически можно выделить три точки зрения.

Первая заключается в том, что Россия до сих пор не придает важного значения развитию интеграционных процессов в Центральной Азии, особенно в плане финансирования крупных инновационно-индустриальных проектов. Предпочтение отдается политическим декларациям, сотрудничеству в военной и нефтегазовой сфере как менее дорогостоящим инициативам по сравнению с развитием полномасштабных экономических связей. По мнению В. Парамонова, в рамках ЕврАзЭС это ведет к постепенному снижению уровня доверия к России, а в рамках ШОС - к перехвату крупных инициатив Китаем. Хотя в действительности для России содействие интеграции Центральной Азии

¹ Князев А.А. Большая Центральная Азия - это вполне очевидный геополитический маразм. Интервью от 5 июля 2007 года// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы / Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2007. - С. 286-291.

² См.: Омаров Н. Центральная Азия: вместе или порознь? Плюсы и минусы региональной интеграции// Независимая газета. - М., 2007. - 19 марта. - С. 17 (Постоянный адрес статьи: http://www.ng.ru/courier/2007-03-19/17_azia.html).

и является ключевой задачей как для самой России, так и для государств региона¹. То есть, Россия должна быть заинтересована в интеграции ЦА, но не проявляет должного внимания этой проблеме.

При этом, уже сейчас крайне необходимо кардинальное повышение качества анализа и прогноза тех процессов и тенденций, в рамках которых сегодня развиваются страны Центральной Азии и Россия. Более того, жизненно необходим поиск новых, нестандартных и инновационных решений, в том числе ответов на существующие угрозы безопасности, так как противодействовать им традиционными способами становится все труднее, а в ряде случаев - уже невозможно.

Вторая трактовка места и роли России в интеграции Центральной Азии заключается в том, что Россия в высокой степени разуверилась в возможностях центрально-азиатской интеграции и прагматично все более переходит на уровень двусторонних отношений. Так, по мнению профессора Алексея Малашенко, более реальным форматом является сотрудничество по ключевым проблемам, постоянный диалог, в том числе - с участием тех или иных внешних игроков. Например, под эгидой ШОС или ЕврАзЭС. «Это не всегда эффективно, но лучше бесконечных ритуальных заклинаний об интеграции, продолжающихся уже много лет²». Таким образом, в целом, достижение интеграции является невозможным, поэтому Россия переходит на новый уровень двусторонних отношений.

В соответствии с третьей точкой зрения, которой мы придерживаемся, в регионе Центральной Азии весьма возросла активизация России в плане содействия интеграции. Только Россия сейчас имеет здесь преимущества: как в экономическом, так и в политическом планах, ведь страны региона так или иначе ближе по духу именно к ней.

По сравнению с показателями пяти или шестилетней давности, в настоящее время нельзя сказать, что Россия пассивна здесь. Но эта самая активность вызвала у стран региона большую настороженность. Многие эксперты из среднеазиатских или центрально-азиатских стран увидели попытки восстановить СССР, неокOLONиализм или неоимпериализм, несмотря на все заверения Владимира Путина или премьера Михаила Фрадкова, что Россия уважает суверенитет среднеазиатских государств³.

При этом и в самой России многие эксперты и ученые высказывают те же опасения по поводу растущей активизации России в Центральной Евразии. Поэтому государства Центральной Азии могут начать поиски альтернативы Москве в интеграционных процессах.

Альтернативой может стать близкий по духу и территориям Казахстан. В апреле состоялся визит Нурсултана Назарбаева в Бишкек, а в июне в Астану прилетел президент Туркмении Гурбангулы Бердымухаммедов. Здесь нужно отметить то, что казахстанские инициативы впервые были одобрительно встречены как в Ташкенте, так и в Душанбе. Опасения перед возрождением СССР, перед колониальной опасностью сблизили позиции традиционно противостоящих друг другу стран - Узбекистана и Таджикистана.

Хотя вряд ли Казахстан станет реальным конкурентом России. Когда Казахстан инициировал создание центрально-азиатского экономического содружества (ЦАЭС), поначалу в содружестве не было места России, но закончилось все тем, что ЦАЭС ин-

¹ См.: В.Парамонов: Россия - Центральная Азия: экономической интеграции нет и не будет. Выступление на экспертном семинаре «Постсоветское пространство: взгляд в будущее». - М., 27 марта 2008 года. Постоянный адрес статьи: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1206874260>

² Малашенко А.В. Польза от интеграции стран Центральной Азии - вопрос спорный. Интервью от 14 июня 2007 года// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы / Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2007. - С. 265-266.

³ См.: События А. США не хотят, чтобы интеграцией Центральной Азии занялась Россия// Росбалт. - М., 2007. - 24 июля (постоянный адрес статьи: <http://www.rosbalt.ru/2007/07/24/401897.html>).

корпорировалось в Евразийское экономическое сообщество (ЕвразЭС), где одну из ведущих ролей получила Россия.

Сейчас Казахстан выступил с новой инициативой - интегрировать Центральную Азию без России, создав Центрально-Азиатский Союз. Казахстан, страна - в 12 раз меньше России, чья экономика слабее российской, вряд ли сможет играть ведущую роль в регионе. Экономика России более стабильна, она основывается и на ресурсах, и на производстве. Казахская экономика стоит больше на банковской сфере.

Что касается роли США в данных процессах, то американцам очень не хочется, чтобы интеграцией Центральной Азии занялись Китай, Россия и Казахстан. Так, во время своего турне по ЦА госсекретарь США Кондолиза Райс сообщила о проекте «Большая Центральная Азия», который предполагает объединить государства ЦА и Афганистан в «единый военно-стратегический и экономический регион».¹ Очевидно, что конечная цель данного проекта - это вывести центральноазиатские страны из-под влияния России и Китая, а значит, и создание антироссийской и антикитайской энергетической системы. Иными словами, если этот проект будет реализован, то ЦА фактически превратится в придаток сателлитов США в Южной Азии. Хотя официально в Вашингтоне отрицают наличие геостратегической борьбы между США, Россией и Китаем за влияние в ЦА. Данный вариант интеграции представляется нам наименее приемлемым, так как она исходит от государства, нацеленного на гегемонистскую, нежели партнерскую модель интеграции.

Наибольшую привлекательность для стран Центральной Азии имеют проекты России, которые учитывали бы интересы не только самих инициаторов, но и государств региона.

Рычаги своего влияния Россия может осуществлять на уровне международных организаций. Это - Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Совещание по выработке мер доверия в Азии (СВМДА). У ШОС есть весьма большие шансы превратиться в мощную экономическую организацию, тем более, что налицо тенденция усиления экономического присутствия Китая параллельно с Россией в Центральной Азии.² Проект ШОС говорит о намерении Москвы и Пекина установить в Центральной Азии свои собственные правила игры, невзирая на роль США и Запада. Хотя в настоящее время наблюдается явное политическое сближение РФ и КНР, существует вероятность возникновения соперничества между ними за влияние в Центральной Азии, что может поставить под угрозу будущее самого ШОС. Поэтому для плодотворного межгосударственного сотрудничества Россия и Китай должны подняться над своим вечным соперничеством в Азии и необходимо существенно активизировать и принципиально усилить координацию деятельности ШОС³.

В СВМДА входит больше стран, чем в ШОС. Поэтому СВМДА, наверное, единственная сегодня международная организация, которая объединяет все страны, напрямую или косвенным образом вовлеченные в «проблему линии Дюранда» и «проблему Кашмира».

Опорой политики России выступает также Организация Договора о коллективной безопасности. Практически же полное совпадение состава ОДКБ с ЕвразЭС, особенно после присоединения Узбекистана в 2006 г., способствует их взаимодополняемости и

¹ См.: Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии. - М., 2007. - С.81.

² См.: Парамонов В.В., Строков А.В. Экономическое присутствие России и Китая в Центральной Азии - ключевой вопрос для будущего ЕвразЭС и ШОС// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы / Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2007. - С. 153-160.

³ См.: Князев А.А. Интеграционные проекты и геополитическое соперничество в Центральной Азии// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы / Под ред. А.А. Князева. - Бишкек, 2007. - С. 14.

позволяет предполагать их слияние в одну интеграционную структуру. Главное внимание здесь сосредоточено на Центральноазиатском регионе, как наиболее нестабильном.

В формирующейся интеграционной системе ЕврАзЭС/ОДКБ количественно преобладает центральноазиатский компонент. Безусловным лидером здесь выступает Казахстан, с «интеграционной» активностью лидера которого на постсоветском пространстве может сравниться разве что белорусский президент, правда, акцентирующий внимание не на евразийской, а на славянской идее. Но реальная, институционально закрепленная интеграция в таком формате в сложившихся политических условиях видится труднодостижимой, хотя энергетическая зависимость от России и отсутствие социальной поддержки западного вектора подталкивают стороны к интеграции.

Итак, политически и экономически лидером интеграции центральноазиатского региона выступает Россия, ведь страны региона так или иначе ближе по духу именно к ней. Главное, эти преимущества не растерять. Создаваемая Российской Федерацией и странами Центральной Азии система в условиях геополитического плюрализма, особенностей внутривнутриполитической обстановки в каждой стране должна быть прежде всего гибкой, многоуровневой, дифференцированной, допускающей вариативность форм и методов сближения в разных сферах, сочетание факторов межгосударственного и наднационального характера, иметь не нормативный, а функциональный характер.

Динамика экономического развития Киргизии и социально-профессиональный состав русского населения (1961-1980 гг.)

В республике в больших масштабах осуществлялось капитальное строительство, в период с 1966 по 1979 гг. введено в строй 165 промышленных предприятий, свыше 280 новых цехов и участков. Среди них гиганты электроэнергетики, крупные машиностроительные заводы, предприятия пищевой и легкой промышленности. Созданы и развиваются станкостроение, цветная металлургия, приборостроение, автомобильная отрасль. Министерство местной промышленности имело в своем составе 29 предприятий, среди них: Фрунзенский химический завод, Фрунзенский завод пластмассовых изделий, Калининский завод электротехнической игрушки, Токмакская валяльно-войлочная фабрика, Аламединское меховое производственное объединение, Фрунзенское объединение народных художеств, промыслов «Кыял», Фрунзенский стекольный завод. В промышленности Киргизии в 1970-х гг. в среднем за год осуществлялось более 5 тыс. мероприятий по механизации и автоматизации производственных процессов, по совершенствованию технологии, освоению новой продукции. Число установленных механизированных поточных линий увеличилось с 329 в 1965 до 1173 в 1979 г.

Высокими темпами развивалось сельское хозяйство. Общая земельная площадь республики в 1979 г. составляла 19594, 7 тыс. га, в т.ч. сельскохозяйственные угодья - 10548,5 тыс. га, из них пашня - 1344,8 тыс. га, многолетние насаждения - 58,6 тыс. га, сенокосы - 228,5 тыс. га, пастбища - 8898,1 тыс. га. В период с 1974 по 1979 г. в сельское хозяйство поставлено 15 тыс. тракторов, 12 тыс. грузовых автомобилей, 3200 зерноуборочных комбайнов, около 5 млн. т минеральных удобрений.

- 1961 г. Первый агрегат Фрунзенской ТЭЦ вступил в строй действующих.
- 1961 г. Фрунзенский завод крупнопанельного домостроения сдан в эксплуатацию.
- 1963 г. Первая очередь Киргизского камвольно-суконного комбината вступила в строй действующих.
- 1964 г. Кантский цементно-шиферный комбинат сдан в эксплуатацию.
- 1964 г. Вступила в строй на полную мощность Учкоргонская ГЭС.
- 1965 г. Завершено строительство дороги Фрунзе-Ош.
- 1965 г. Алаарчинское водохранилище сдано в эксплуатацию.
- 1966 г. Вступила в строй первая очередь Фрунзенского автосборочного завода.
- 1967 г. Во Фрунзе вступил в эксплуатацию новый хлебозавод.
- 1970 г. Начало эксплуатации во Фрунзе газопровода Бухара-Джамбул-Фрунзе-Алма-Ата.
- 1970 г. Начало заполнения Торткелского водохранилища.
- 1970 г. Первый агрегат Атбашинской ГЭС вступил в строй действующих.
- 1972 г. Вошел в строй Токмакский завод листового стекла.
- 1974 г. Принят к эксплуатации Фрунзенский домостроительный комбинат.
- 1974 г. Подписание акта Государственной комиссией о начале эксплуатации аэропорта «Манас».
- 1975 г. Первая турбина Токтогульской ГЭС дала промышленный ток.

Для группы русского населения была характерна широкая представленность в промышленных отраслях, где доля русских увеличивается до 59,6% (по данным на 1979 г.) от всего занятого русского населения республики.¹ Это объясняется высокими темпами развития экономики республики в данный период времени, приоритетным развитием таких новых, в том числе наукоемких, отраслей промышленного производства, как приборостроение, электротехника, электроника, требующих обеспеченности высококвалифицированными кадрами. Удовлетворение кадровых запросов происходило главным образом за счет вновь прибывшего населения, преобладающую часть которого составляли русские. Возрастают процентные показатели русского городского населения, занятого в индустрии городов. Так, из общей численности лиц, занятых в тяжелой промышленности, русские составляли 37,2% из общего числа русского городского населения, занятого физическим трудом. При этом 30,0 % из них были заняты в машиностроении и металлообработке.

Гораздо ниже были показатели по легкой и пищевой промышленности - 6,4% «работников республиканского рабочего класса».² Высокая степень занятости русских в тяжелой индустрии имела свои плюсы и минусы. Условия, характер и оплата труда, а также обеспеченность социальными благами в данной отрасли отличались перспективностью и технической оснащенностью, что обеспечивало увеличение в среде русского рабочего класса доли квалифицированных рабочих. Но в то же время, изменения в составе работников физического труда в среде русских повлекли за собой отток части трудовых кадров за пределы республики

Характеризуя социальную структуру русских Киргизстана 1970-х гг., следует отметить снижение состава русских работников в здравоохранении и просвещении, в первую очередь за счет увеличения доли работников киргизской национальности и за счет возрастания доли работников высшей и средней квалификации, занятых физическим трудом. Об этом свидетельствуют следующие цифры: доля работников высшей и средней квалификации, занятых физическим трудом составила на 1979 г. 60,7% от всего занятого городского русского населения.³ Доля представителей русской группы Киргизстана, проживающих в городах и занятых умственным трудом, составила в 1979 г. 39,3%, из них специалисты и руководители высшего и среднего звена составляли 29%.⁴

В профессионально-отраслевом составе русской интеллигенции самый высокий цифровой показатель приходится на инженерно-технический персонал - 1266 человек из расчета на 10 тысяч человек занятого городского населения, что составляло 12,7% и почти в два раза превышало аналогичные показатели для киргизского населения. Для сравнения: число педагогов, научных сотрудников, государственных служащих, а также работников литературы и искусства было гораздо ниже и составляло 275, 111, 64 и 51 человек соответственно по отраслям, то есть 2,8%, 1,1%, 0,6% и 0,5%.⁵ В целом, к концу 1970-х гг. доля русского населения, занятого в сфере умственного труда, увеличивается до 34,7% за счет сокращения занятых физическим трудом в сельскохозяйственном секторе до 5,7%. Стабильными остаются данные по представленности русских в промышленных отраслях - 59,6% от доли всего занятого русского населения республики.⁶

¹ Русские: этносоциологические очерки,- М., 1992.- С. 92.

² Русские: этносоциологические очерки,- М., 1992.- С. 106-107.

³ Русские: этносоциологические очерки.- М., 1992.- С. 102-103.

⁴ Русские: этносоциологические очерки,- М., 1992.- С. 102-103.

⁵ Расчеты произведены по цифровым данным //Русские: этносоциологические очерки. - М. 1992.- С. 124.

⁶ Русские: этносоциологические очерки. - М. 1992.- С. 94.

Русская община южной Киргизии

*Евграфов А.Л., собственный корреспондент
Информационного агентства «Росбалт» по Киргизии*

Распад СССР в 1991 г. создал в международной практике прецедент, когда в одночасье миллионы русских, живших в одной стране, вдруг оказались вне исторической родины, но и столкнулись с необходимостью принять несвойственный им статус этнического меньшинства, да еще и обвиняемого во всех сложностях переходного периода. Некоторые бывшие советские республики, ставшие независимыми государствами, взяли курс на построение этнократического общества, исключая из политической, общественной и культурной жизни народы, не являющимися титульными. Порой заявления властей о приверженности принципам межнационального согласия оставались ширмой для формирования мифа о прогрессирующей демократии.

Межнациональное согласие является одним из залогов успешного функционирования государства. А потому актуальность исследований в этой сфере не может быть подвергнута сомнению.

Необходимость такого рода исследований подтверждена развитием современной жизни нашего общества, а также последними событиями, связанными с миграционной ситуацией вокруг русскоязычного и русского населения. Изучение культурных черт русских, проживающих вне России, как составной части общего фонда русской культуры, необходимо также для характеристики культурных особенностей русской нации в целом.¹

Особое внимание к южному региону Киргизии привлекает еще и ситуация, что в отличие от северных областей, число не только русского, а русскоязычного населения вообще едва превышает один процент, в то время как всего по республике - более 10%.

И здесь отметим точность употребляемых терминов. Попытаемся разделить понятия «русская диаспора», «российская диаспора» и «российские соотечественники» и представить собственную точку зрения на их толкование.

Русскую диаспору составляют исключительно представители русской национальности, к российской же диаспоре можно отнести и татар, башкир, народы Северного Кавказа. Если говорить о соотечественниках, то здесь понятия еще более расширяются.

Представитель Росзарубежцентра в Киргизии, руководитель культурно-гуманитарной группы посольства России в КР Виталий Скринник в одном из своих интервью заметил:

«Дело в том, что сплошь и рядом приходится сталкиваться с непониманием или просто незнанием того, кто считается по Закону Российской Федерации, принятому еще в 1999 году, т.е. почти десять лет назад, российским соотечественником. И что для нас очень странно, кто такие российские соотечественники - не знают даже иногда и дипломаты, работающие либо выезжающие за рубеж. В этой связи я хотел бы еще раз процитировать в буквальном смысле этого слова Закон Российской Федерации, принятый 24 мая 1999 года и вступивший в силу со дня опубликования в июне 1999 года. Так, согласно Закону: «Настоящий Федеральный закон исходит из того, что:

Российская Федерация - есть правопреемник и правопродолжатель Российского государства, Российской республики, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и Союза Советских Социалистических Республик (СССР);

¹ Немешина Л.Ю. Русские в Киргизии: этнокультурная и социально-политическая структура/ Русский мир в Центральной Азии. Сборник статей и материалов. Выпуск 1. - Бишкек: Общественный фонд Александра Князева, Центральноазиатский институт русской диаспоры, 2007. - С. 35.

Статья 1. Основные понятия

1. Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, религии, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии.

2. Под понятием «соотечественники за рубежом» (далее - соотечественники) подразумеваются:

граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами Российской Федерации (далее - граждане Российской Федерации, проживающие за рубежом);

лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства (далее - лица, состоявшие в гражданстве СССР);

выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства либо имеющие вид на жительство или ставшие лицами без гражданства (далее - выходцы (эмигранты));

потомки лиц, принадлежащих к вышеуказанным группам, за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств (далее - потомки соотечественников)».¹

Конкретно к русской общине хочется обратить свои взоры и мысли.

История появления русской общины на юге Киргизии насчитывает более полутора столетий. Хотя первые путешественники из России побывали в этом регионе еще в XVIII в.

В 1774 г. российский унтер-офицер Ф. Ефремов был взят в плен киргизами и продан в Бухару. Ефремов пробыл в плену несколько лет. После освобождения, выдавая себя за купца, он присоединился к торговому каравану и прошел с ним через территорию южных киргизов, перевалив горы Алая. Исследования ученых позволяют установить, что Ефремов, пройдя по Ферганской долине до Оша, проследовал оттуда перевалом Чигиричик и ныне почти забытым Терек-Даваном в Кашгарию и Каракорум.²

Систематическое изучение киргизского народа, его истории, культуры, языка, природных богатств Киргизии было начато еще во второй половине XIX в. учеными из Санкт-Петербурга. Именно в этот период сюда устремились путешественники и исследователи Н.М. Пржевальский, Г.Е. Грумм-Гржимайло, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, И. Мушкетов и многие другие. Результатом их многолетних экспедиций явилось открытие для науки колоссальных природных богатств Киргизии, описание истории и культуры киргизов.³

Все они руководствовались словами генерала М.Д. Скобелева, сказавшего: «Не хватаями достигнем мы прочного положения в Средней Азии, а основательным изучением страны».

Русская община юга Киргизии начала формироваться уже после 1876 г., когда в Россию вошла и южная часть Киргизии, ранее находившаяся под властью Кокандского ханства. В эти годы приток русских в этот регион значительно усилился.

В 1876 г. силами русских военных началось строительство нового Оша.

Новый город начинался с примитивных бараков, которые возвели для себя солдаты. Лагерь русских войск был разбит в полутора-двух верстах выше старого Оша в до-

¹ В. Скринник: Важна консолидация соотечественников. - Дипкурьер. №72. - www.dipkurier.narod.ru/dip72/skrinnik.htm

² Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX - начало XX в.). Миссии, экспедиции, путешествия. - Б.: Раритет, 2006. - С. 10.

³ Истории исследования южной Киргизии русскими учеными посвящен ряд исследовательских работ. См. об этом: Колесников А.А., Матвеева М.Ф. Ош глазами русских исследователей. - Бишкек, 2003; Колесников А.А. Русские исследователи Азии. - Душанбе: До-ниш, 1997; Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX - начало XX в.). Миссии, экспедиции, путешествия. - Б.: Раритет, 2006; Воропаева В.А. По тропе времени. - Бишкек, 2003.

линой части левобережья Ак-Буры. Здешняя земля принадлежала местным жителям. Небольшие земельные клочки они использовали под огороды, посеvy зерновых и кормовых культур. Жилых построек на полях не было. Лишь несколько крепких хозяев на своих участках имели глинобитные домишки.

С приходом русских войск начались переговоры о выкупе части земли у населения. Специальная комиссия из представителей военного командования и местных казиев и мулл произвела оценку отчуждаемых землевладений по действующим в Кокандском ханстве ценам на землю. Было установлено, что для нужд войск и строительства будущего города необходимо выкупить около 16 тысяч десятин земли стоимостью 17279 рублей золотом - по тем временам, деньги очень большие. Но Туркестанское генерал-губернаторство указанную сумму выделило, и она была выплачена землевладельцам. На выкупленной земле предусматривалось строительство военного городка, лазарета и летнего военного лагеря. Остальная часть земли по плану отводилась на возведение административных, торговых, культурно-бытовых зданий и для индивидуальной застройки горожан.¹

Нововведения русской администрации, несомненно, оказали положительное воздействие на жизнь Оша в частности и Ошского уезда в целом. Таким образом, новый город стал своеобразным катализатором качественных преобразований старо-ханского городского уклада. Положительные сдвиги происходили не только в быту, но и в сознании людей. Русские купцы завозили в город такие товары, которых здешний народ сроду не видел. Началось строительство мостов и дорог. Колесный транспорт стал доминировать над вьючным. Появились почта, телеграф, светские школы... В город прибывало все больше мастеровых, представителей интеллигенции. Ош оказался родиной не только для русских, но и украинцев, татар, поляков, немцев, грузин, армян, евреев...²

В это время на юге Киргизии появляются и крестьянческие переселенческие поселения. По данным 1897 г. русские в Ферганской области Туркестана (куда входил и южный регион Киргизии - А.Е.) были представлены в количестве 9,8 тысячи человек...³

До 1906 г. основная масса переселенцев принадлежала к среднеобеспеченным, бедняцкому крестьянству, а зажиточные крестьяне составляли меньшинство. Данные обследований переселенческих поселков свидетельствуют о новой тенденции, когда половину переселенцев составили разорившиеся крестьяне-бедняки.⁴ В итоге, к 1916 г. для переселенцев было отведено в Ферганской области 1041 участок (749855 десятин земли).⁵ В этот же период в регионе начинают появляться и небольшие предприятия с русскими рабочими. И, конечно же, большую часть русской общины в южной Киргизии составляли пограничники.

Входивший в состав Ферганской области Памирский край для России имел немаловажное стратегическое значение. На это обстоятельство указывал А.Е. Снесарев: «Выбор Памирского направления в полной степени может оправдать те усилия, которые придется затратить на его преодоление. Оно очень трудно, но сумеете продвинуться, и результат будет большой. Принцип неожиданности сыграет свою крупную роль».⁶

Расположенному в Мургабе, а позднее перенесенному в Хорог штабу Памирского погранотряда была поставлена задача «...охранение наших киргизских кочевников и вообще наших интересов в Памирском крае и обеспечение спокойствия и безопасности юго-восточных пределов Ферганской области».⁷

¹ Годы скрепленные братством//Дипкурьер.2003.-№15,16. -www.dipkurier.narod.ru\dip03-2\fellowship.htm

² Годы скрепленные братством. - Дипкурьер. 2003. №15,16. -www.dipkurier.narod.ru\dip03-2\fellowship.htm

³ Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. - СПб., 1914. - Т. 1. - С. 82

⁴ Немешина Л.Ю.. Русские в Киргизии: этнокультурная и социально-политическая структура. Русский мир в Центральной Азии: Сб. ст. и материалов: Вып. 1. - Бишкек: О.Ф. Александра Князева, Центральноазиатский институт русской диаспоры, 2007. - С. 37.

⁵ Материалы по земельному вопросу. - Петроград, 1918. - С. 30.

⁶ Снесарев А.Е. Афганистан. - М.:Русская панорама, 2002. - С. 45.

⁷ Цит по: Сумароков Л.И. История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире. - Бишкек: 2006. - С.48.

Основательно Россия начала утверждаться на Памире с 1890-х гг. XIX в. в ходе осуществления ряда успешных военных экспедиций под руководством полковника Михаила Ионова, заложивших основы российской пограничной службы.¹

А именно полковник Ионов был первым начальником Ошского уезда.

Ионов начинает строительство дома для уездного начальника (ныне это здание административного корпуса Дома отдыха) со всеми необходимыми подсобными помещениями, подъездной дорогой, двумя большими мостами через каналы. При этом Михаил Ефремович проявил хозяйственную сметку: не дожидаясь пока неповоротливое казначейство изыщет и переведет на счет уездного управления необходимые деньги, он повел строительство на свои сбережения, организовал заготовку леса, кирпича, камня, кровельного железа... И уже через один год специальная комиссия областного правления приняла на баланс городского хозяйства все постройки стоимостью более четырех тысяч рублей с оценкой «хорошо».²

Защищали русские офицеры и местное население от посягательств китайцев.

В 1891 г. М. Ионов писал Ферганскому генерал-губернатору: «... Представляю при сем письмо, полученное мною от Курумчи-бека, старейшины киргизов, расположенных на Ронг-Куле, Мургабе и Аличуре. Исполняя возложенные на меня поручения на памирах, я стал невольным виновником неприязненных отношений китайцев с памирскими киргизами, поэтому позволю себе просить Ваше Превосходительство защитить киргизов от насилий китайцев, которые не замедлят проявить свою мстительность. «А вот строки из письма Курумчи-бека на имя Ионова: «Вы приезжали сюда и назначили меня волостным управителем. Китайский чиновник Чан Да Рин, узнав об этом, пришел в ярость: «Ты сделался русским подданным и стал служить Русскому правительству, ты вошел в сделку и я тебя увезу...». Но народ помешал угрозе китайского чиновника, однако тот отправил гонца в Кашгар... Вы не отдавайте нас на грабеж и защитите нас...» Просьба Курумчи-бека была выполнена.»³

На счету русской общины и ее представителей немало других добрых дел. Благодаря труду петербургских ученых в Оше в 1878 г. была открыта метеостанция, спустя несколько лет - пункт ветнадзора, еще три года спустя - сейсмостанция, а в 1914 г. были организованы курсы хлопководства и пчеловодства.

За время службы в Оше, энергичный и деятельный еще один русский офицер Н. Корженевский во внеурочное время, в кустарных условиях изготовил небольшую динамо-машину. Впервые в городе дал электрический свет в нескольких квартирах своих знакомых. Затем он изготовил катушку Румкорфа и с помощью выписанной им рентгеновской трубки произвел также впервые в Оше рентгеновские снимки. Неугомонный Корженевский не мог спокойно видеть, как хлопотно и трудно обслуживались существовавшие тогда газолильные (селеновые) фонари, которые сумел усовершенствовать их и даже сам помогал обслуживать эти капризные фонари. В 1902 г. Н. Корженевский, при поддержке военного командования и особенно командира батальона С.А. Топорнина, разработал и смонтировал две гелиотелеграфные станции для двусторонней связи Оша с Джалал-Абадом. К тому времени джалал-абадские минеральные источники приобрели большую известность, там лечилось много военных, а телеграфно-телефонной связи с Ошом они не имели и это, конечно, вызывало серьезные неудобства..⁴

Советский период внес существенные изменения в жизнь всего Туркестана в целом и южной Киргизии, в частности.

¹ Цит по: Сумароков Л.И. История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире. - Бишкек: 2006. - С. 49.

² Ф. Семернин. Серия «Русские в Туркестане»// Дипкурьер, 2003. - №17. - www.dipkurier.narod.ru/dip03-2\rusturkestan2.htm

³ Ф. Семернин. Серия «Русские в Туркестане»// Дипкурьер, 2003. - №17. - www.dipkurier.narod.ru/dip03-2\rusturkestan2.htm

⁴ Ф. Семернин. Серия «Русские в Туркестане»// Дипкурьер, 2003. - №19. - www.dipkurier.narod.ru/dip03-2\rusturkestan5.htm

В первую очередь они коснулись качества переселенцев. В Киргизию начали приезжать учителя, врачи, высококвалифицированные рабочие, инженеры. Отчасти тому способствовала политика Советской власти.

По инициативе С.М.Кирова Ленсовет 17 ноября 1932 г. принял постановление о шефстве над Киргизией. В нем, в частности, говорилось: «Оказать содействие изучению производственных сил Киргизской АССР со стороны Академии наук и научно-исследовательских институтов Ленинграда; помощь в обеспечении кадрами инженерно-технических работников, преподавателями и квалифицированными рабочими развивающегося хозяйства путем выделения из Ленинграда, а также обучения направленных из Киргизии на ленинградские фабрики и заводы и в учебные заведения; содействие и помощь необходимыми материалами по обеспечению перехода кочевников в оседлость». В феврале 1933 г. был заключен генеральный договор о шефстве Ленинграда над Киргизией. В этом же году в Киргизию были направлены сотни вагонов леса, цемента, листового железа, стекла. Из этих стройматериалов в столице Киргизии были возведены пединститут, пивоваренный и кирпичный заводы, ветеринарная лечебница, тепловая электростанция. Из Ленинграда поступили сотни тысяч книг, составившие основу ныне действующих библиотек Бишкека.

Начиная с 1930-х гг. тысячи инженеров и рабочих из Киргизии командировались для производственного обучения на крупнейшие предприятия Ленинграда: «Красный Выборжец», «Рабочий», «Равенство», фабрику имени Ногина. В то же время большая группа ленинградских инженеров была направлена в Киргизию. По путевкам Ленсовета сюда приезжали врачи, зоотехники, лесоводы, ветеринары. Только за период с 1933 по 1937 г. более тысячи специалистов обосновались на киргизской земле. Действенная помощь Ленинграда позволила телефонизировать города Фрунзе, Ош, Пржевальск, Токмак, Кант.¹

После исследования залежей полезных ископаемых на территории южной Киргизии появляются и предприятия, которые добывали их. Это Хайдар канский ртутный комбинат, Кадамджайский сурьмяной, в Кызыл-Кие появились угольные шахты, завод в Сулюкте (все - современная Баткенская область). В Оше заработал шелкокомбинат, который выпускал парашютный шелк.

В годы войны в Киргизию, и в частности в южные области, эвакуируются предприятия, вузы (в Оше располагался Ростовский государственный университет и педагогический институт). Здесь же лечатся раненые на фронтах Великой Отечественной. После войны промышленная составляющая в южном регионе усиливается.

Начинается добыча урана в Майли-Сае (Джалал-Абадская область), появляются ряд других предприятий. Увеличивается число городского населения.

По данным Всесоюзной переписи 1959 года в Ошской области насчитывалось более 120 тысяч русских, что составляло 13,8% (95436 человек - 34,2% от общего числа населения жило в городах, 24629 человек - 4,1% в селе)².

На 1970-й г. количество русских уже сократилось. В те годы Ошская область включала в себя и Джалал-Абадскую, и Баткенскую, что позволяет с уверенностью говорить об общей картине.

По данным Всесоюзной переписи 1970 г. в Ошской области насчитывалось 144793 русских, что составляло 11,7% (123456 человек - 32,3% от общего числа населения жило в городах, 21337 человек - 2,5% в селе)³.

¹ Годы, скрепленные братством//Дипкурьер,2003.-№15-16.- www.dipkurier.narod.ru\dip03-2/fellowship.htm

² Цит. по: О.И. Брусинина. Аграрное перенаселение как одна из причин ошского конфликта// Профи. -1999 г.- №11. - С. 21

³ Цит. по: О.И. Брусинина. Аграрное перенаселение как одна из причин ошского конфликта// Профи. -1999 г. -№11. - С. 21.

Стоит отметить, что причиной сокращения удельного веса русских, третьей по количественному составу нации в регионе, стало увеличение числа киргизов и узбеков, чей естественный прирост был выше. Количество детей в семьях коренного населения было больше, нежели в русских семьях. Уровень жизни, существенно поднявшийся в годы советской власти, позволял увеличиваться и населению региона.

В 1960-е гг. в Киргизии было отменено преподавание киргизского языка в школах, а все делопроизводство переведено на русский язык. Таким образом, русским, живущим в регионе, не было особой нужды учить киргизский язык. По данным А. Собянина, в советское время «только 1,2% русского населения свободно владело местным языком». ¹

Впоследствии, незнание, а подчас и нежелание учить язык станет одной из главных причин миграции. Справедливости ради важно отметить, что за 17 лет независимости в Киргизии так и не сформировались нормальные условия для изучения государственного языка (киргизского). Отсутствие методики, материально-технической базы, квалифицированных преподавателей также стало огромным препятствием для изучения для многих желающих изучить язык.

В 1969 г. после ряда провокаций на государственной границе со стороны Китая и боев на Даманском и Жаланашколе приказом командующего Восточным пограничным округом, штат двух маневренных групп Ошского погранотряда был увеличен вдвое, что послужило увеличению числа русского населения на юге Киргизии.

«Но уже в середине 1970-х гг. началась обратная миграция - возвращение в Россию. Причиной тому стало насыщение рынка труда. Высшее и среднее образование в Киргизии сделало с 1926 гг. такие успехи, что почти во всех гуманитарных областях к началу 80-х гг. специалисты-киргизы могли заменить русских». ² Начинается отток и сельского населения.

По данным Всесоюзной переписи 1979 г. в Ошской области насчитывалось 139671 русский, что составляло 9,03% (123867 человек - 26,6% от общего числа населения жило в городах, 15804 человек - 1,5% в селе). ³

После объявления в 1985 г. нового курса КПСС на перестройку, рост национального самосознания перемены в социально-политической сфере республик СССР начинают набирать невиданные обороты и окраску. Затрагивают они и Киргизию. 23 сентября 1989 г. в республике принимается новый Закон «О языке», в котором государственным объявляется киргизский язык и предполагается перевод на него делопроизводства в кратчайшие сроки. Это уже позже сроки перехода сдвинули сначала на 2000-й г., потом на 2005-й, а впоследствии и на 2015-й.

Но для русских, которые им почти не владели, это стало сигналом, что их могут вытеснить с прежних позиций, что собственно и начало происходить после того как официальная Москва лишилась управления своими республиками.

К 1989 г. по удельному весу лиц с высшим образованием русские в Киргизии отставали от титульного населения почти в 1,5 раза. Правда, это не относилось к ВПК, металлургии, машиностроению, техническим НИИ. Среди киргизов всегда пользовалось особенной популярностью гуманитарное высшее образование, в советское время они в основном становились врачами, преподавателями, деятелями искусства, работками местной администрации и партаппарата. ⁴

Также на территории СССР вспыхивают межнациональные конфликты. И если события в Нагорном Карабахе в середине 1980-х гг. кажутся для Киргизии чем-то далеким,

¹ Забелло Я.Ю., Собянин А.Д. Русские в Киргизии. Современное положение и прогноз// Профи. - М., 1999. - № 11. - С. 29

² Забелло Я.Ю., Собянин А.Д. Русские в Киргизии. Современное положение и прогноз// Профи. - М., 1999. - № 11. - С. 29.

³ Цит. по: Бруснина О.И. Аграрное перенаселение как одна из причин ошского конфликта// Профи. - М., 1999. - № 11. - С. 21.

⁴ Забелло Я.Ю., Собянин А.Д. Русские в Киргизии. Современное положение и прогноз// Профи. - М., 1999 - № 11. - С. 29.

то погромы турок-месхитинцев в соседнем Узбекистане (в Фергане) в 1989 г. стали ярким предупреждением к миграции.

По данным Всесоюзной переписи 1989 г. в Ошской области насчитывалось 126109 русских, что составляло 6,31% (113326 человек - 19,9% от общего числа населения жило в городах, 12783 человека - 0,9% в селе).¹

Через год пламя межнационального конфликта вспыхнуло и в Оше. Он не задел русских напрямую. Конфликт шел между киргизами и узбеками, двумя нациями, занимающими первые строчки в статданных. Земельный конфликт быстро перерос в межнациональный, а русские, в данном случае, оказались между молотом и наковальней.

Именно ошский конфликт 1990 г. с многочисленными жертвами и поднял первую большую волну миграции русского населения. Тогда, в рамках СССР, переезд еще можно было совершить относительно без затруднений, чем многие и воспользовались. Будучи свидетелями кровопролития, русские не желали вновь попасть в эпицентр конфликта.

Распад Союза в 1991 г., взятый курс на этнократию и попросту шок от того, что люди в одночасье стали вдруг иностранцами без страны, лишь способствовал отъезду русских с юга Киргизии. Незнание госязыка препятствовало русскому населению занимать руководящие посты, а появившаяся новая элита, способствуя трайбализму, «тянула» к руководству своих родственников, соседей, земляков. Чем выше был пост, тем больше была конкуренция на него. Политика выживания русских с постов привела к тому, что на юге к концу 1993 г. в числе руководителей крупных предприятий русских практически не осталось совсем. Как и в числе политических руководителей, и в числе депутатов. В сельских районах миграция шла еще более ускоренными темпами, поскольку там русские чувствовали себя вдвойне некомфортно в языковой и культурной среде.

Официальная власть предприняла попытки «успокоить» волну миграции, поскольку уже к 1993 г. в кадровой сфере не только южного региона, но и всей Киргизии начал назревать существенный кризис нехватки квалифицированных ИТР. Президентом Киргизии был провозглашен девиз «Киргизстан - наш общий дом», а в Бишкеке открылся Киргизско-Российский славянский университет, что давало возможность получить российский диплом в Киргизии (на юге таким окном в российское пространство стал Ошский филиал Российского государственного социального университета, открытый позже). Однако для русских, живущих на юге Киргизии, все это носило относительный характер, поскольку далеко не все могли позволить себе отправить детей учиться в столицу, а давление национализма все возрастало. Даже бытовые ссоры на транспорте или базаре превращались в разборки на национальной почве.

Вторая волна миграции пришлась на 1993-1994 гг. В этой волне миграции преобладали также «старожилы», но возрастной состав уезжающих изменился - теперь это, в основном, были мужчины и женщины 20-30 или 50-60 лет (появление большого числа женщин среди уезжающих неудивительно - в предыдущую волну отъездов многие семьи отправили мужчин вперед, «на разведку»)².

Но в это же время сами русские предпринимают попытку защищать свои права. В эти годы на юге Киргизии образуются три организации соотечественников. В Джалал-Абадской области - это «Славянская диаспора», чуть позже в Оше и Ошской области - «Содружество», еще позже в Баткенской области «Содружество». Все они пытаются защитить права русских и, в отличие от организаций на севере Киргизии, не пытаются вырвать друг у друга пальму первенства.

¹ Цит. по: Брусинина О.И. Аграрное перенаселение как одна из причин ошского конфликта// Профи. - М., 1999 - № 11. - С. 21.

² Забелло Я.Ю., Собянин А.Д.. Русские в Киргизии. Современное положение и прогноз// Профи. - М., 1999. - № 11. - С. 30.

Ухудшающаяся экономическая ситуация в Киргизии особенно больно ударила по южному региону. И именно экономическая причина стала главным катализатором третьей волны миграции, которая пошла с 1996 по 1998 г. Бытовой национализм к этому времени практически сошел, эйфория по независимости сменилась реалиями экономических проблем вследствие разрыва традиционных экономических связей. Русских успокаивал и пророссийский курс, взятый президентом Киргизии Аскармом Акаевым. Между Россией и Киргизией было подписано более 50 договоров и соглашений, а в феврале 1999 г. было подписано четырехстороннее Соглашение между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об упрощенном порядке приобретения российского гражданства. Четырьмя годами раньше был подписан договор между Киргизской Республикой и Российской Федерацией о правовом статусе граждан Киргизской Республики, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, и граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Киргизской Республики.

Но экономический фактор давал о себе знать. Не выдерживая рыночной конкуренции на юге Киргизии закрывались предприятия и теперь проблема выживания коснулась уже не руководящий состав, а рабочих, среди которых было немало русских. В тяжелом положении находились все предприятия южного региона. Их приватизация, по сути, превратившаяся в «прихватизацию», приводила к банкротству предприятий и распродаже оборудования. Их закрытие приводило к росту безработицы, а попытки русских найти свою нишу в сфере торговли не приносили успеха, поскольку там и без них конкурентов хватало.

Стоит отметить, что в 1998 г. наметился и обратный процесс - возвращение мигрантов первой и второй волн. Причин тому было немало: это и другие климатические условия, и финансовые вопросы, но одной из главных называлось безразличие со стороны России к переселенцам и культурный шок при встрече с русскими, постоянно живущими в России.

- Здесь мы были русскими, а там нас называли киргизами, - говорили многие переселенцы.

Недоверие и настороженность, с какими мигранты воспринимали местное русское население, вызвали ответную реакцию. В нищей русской деревне, привозившие с собой контейнеры всякого скарба, приезжавшие на машинах, смотрелись выскочками.

«Заносчивые», говорили о них, «наворовали там у себя», «хотят и здесь жить лучше других».¹

Как отметил в своем интервью заместитель представителя МВД России по делам миграции в Киргизии Борис Ассаулюк, «с 1989 года по 2004 в Россию выехали на ПМЖ 489 тысяч киргизстанцев, вернулись свыше 130 тысяч».²

В основном, возвращение русских в Киргизию происходило в северные области, где уровень жизни был выше, да и количество русских больше.

К примеру, на 1997 г. русских в Ошской области (в это время в Ошскую область входила нынешняя Баткенская - А.Е.) уже проживало лишь 2,5%, в Джалал-Абадской - 3,4%. Для сравнения в Иссык-Кульской - 14,7%, в Чуйской - 35,9%, а в Бишкеке - 47,3%.³

В период с 1998 по 1999 г. наблюдается относительное затишье в миграции. Гарантом спокойствия русских на юге Киргизии оставались российские пограничники, охраняющие рубежи СНГ. Но в 1999 г. и этот гарант исчез.

¹ Забелло Я.Ю., Собянин А.Д. Русские в Киргизии. Современное положение и прогноз// Профи. - М., 1999. - № 11. - С. 30.

² Б.Ассаулюк. Охота к перемене мест//Дипкурьер, 2004. - № 3. - www.dipkurier.narod.ru/dip04\assauluk2.htm

³ Цит. по: Современные этнополитические процессы.-1998. - С. 168. Профи.-1999. -№11. - С. 29.

28 июля в Киргизии начался процесс передачи функций охраны государственной границы Киргизской Республики пограничным ведомствами Киргизии.

Надо отметить, что передача функций охраны границы Соглашением между Российской Федерацией и Республикой Киргизстан о статусе пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Киргизстан, от 9 октября 1992 г. не являлась неожиданностью, она предусматривалась как перспективная задача.

Но уже на второй день после начала передачи границы - 30 июля 1999 г. в районе села Зардалы Баткенского района Ошской области была замечена группа вооруженных людей. 16 августа подразделения Объединенной группировки войск Киргизии провели выдавливание незаконных вооруженных формирований за пределы республики. По предполагаемым местам скопления боевиков были нанесены удары артиллерии, после чего подразделения заняли опорные пункты боевиков и вышли на перевал Тильбе на границе Киргизии и Таджикистана. К 18 августа боевики покинули территории Киргизии, но уже 22 августа вновь вернулись и захватили несколько сел. На юге Киргизии вспыхнули два очага напряженности: к Баткенскому району добавился Чон-Алайский¹.

Баткенские события 1999 и 2000-х гг. также стимулировали часть русской общины к скорому отъезду. Не случайно в эти годы количество русских на юге Киргизии продолжает неуклонно сокращаться.

В Баткенском районе Ошской области на начало 1999 г. жило 8312 русских, что составляло 2,17% от общего числа населения². В том же году происходит образование Баткенской области.

На начало 2000 г. русских уже 7873 человека (2,03%), на начало 2001 г. уже 7154 человека (1,81%), на начало 2002 г. 6551 человек (1,64%).³

Подобная картина наблюдается и в других областях южной Киргизии. Миграция происходит, несмотря на отсутствие прямой дискриминации со стороны властей. Ее причины кроются в экономическом факторе, падении уровня жизни. Отчаянные попытки власти остановить миграционный бум закреплением статуса официального за русским языком также не имеют успеха для юга Киргизии. Относительное снижение уровня миграции из южных областей объясняется тем, что почти все, кто мог, уже выехали в Россию.

Стабилизирующим фактором для юга Киргизии стало открытие 1 марта 2002 г. в Оше Генерального консульства России, в консульский округ которого вошли Ошская, Джалал-Абадская, Баткенская и Нарынская области Киргизии и которое с первых дней работы стало оказывать поддержку соотечественникам.

Стоит отметить, что на юге Киргизии наиболее популярны и читаемы русскоязычные СМИ. У них большой тираж и их несоизмеримо больше, чем киргизоязычных изданий, однако юг Киргизии своих печатных СМИ практически не имеет. В Ошской области издается одна общественно-политическая газета на русском языке - «Эхо Оша». В Баткенской - газета «За уголь», но оба печатных издания имеют небольшие тиражи и испытывают огромные финансовые сложности, находясь уже много лет на грани закрытия.

При поддержке российской дипмиссии на юге Киргизии с мая 2002 г. начинает выходить приложение к «Эхо Оша», информационный вестник Генконсульства РФ в Оше - «Дипкурьер», который рассказывает о жизни России, русской общины в Киргизии, публикует важные документы и законы.

¹ Цит по: Сумароков Л.И. История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире. - Б. 2006. - с. 197.

² Данные приведены по итогам Первом национальной переписи населения (24 марта 1999 года).

³ Данные предоставлены управлением статистики Баткенской области.

Но, несмотря на все предпринимаемые меры, маховик миграции русской общины с юга Киргизии остановить уже невозможно.

В Ошской области на начало 2002 г. проживает 2455 человек, что составляет 0,25% от общего числа населения (город Ош в 2000 году был выделен из состава Ошской области в город прямого подчинения согласно Конституции КР), в Джалал-Абадской - 15356 человек (1,69%), в Нарынской - 457 человек (0,18%), в городе Ош - 10819 человек (4,47%).¹

Нарынская область стала, в какой-то мере примером почти полного исчезновения и без того немногочисленной русской общины на юге Киргизии. От около двух тысяч человек в начале 1995 г. к 309 человекам к началу 2008 г. - такова динамика исчезновения русской общины (см. таблицу 1.).

Исчезновение носителей русского языка привело к созданию мононационального общества в отдельно взятой области.

- Мы озабочены тем, чтобы Нарынская область не стала моделью для других регионов. Совсем недавно там было около двух тысяч русских, сейчас менее двухсот. Русским духом там давно не пахнет. Даже трудовая миграция в Россию оттуда нулевая. В тех районах, где русских осталось мало, выросло поколение, не знающее ни одного слова по-русски. Грядет полная культурная изоляция, а ура-патриоты из числа представителей национальных элит продолжают вести борьбу за искоренение русского языка из общественного сознания, - отметил в своем выступлении на конференции, посвященной 15-летию Ассоциации «Славянская диаспора» (Джалал-Абад) ее председатель Валерий Улеев².

Таблица 1. Динамика снижения численности русской общины в Нарынской области³

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Всего населения	257841	261077	263949	265575	266962	268672	269828
Русских	457	413	395	366	331	320	309
Процентное соотношение к общему числу населения (в%)	0,18	0,16	0,15	0,14	0,12	0,12	0,11

События марта 2005 г., называемые многими государственным переворотом, всколыхнули всех жителей Киргизии, затронув и русскую общину. Более «закаленная» ошскими событиями 1990-г., община на юге отреагировала на них куда спокойней, чем те, кто жил в северных областях. Стоит отметить, что миграционного ажиотажа с юга Киргизии не наблюдалось, в отличие от северных областей. Еще одной причиной подобного явления стало отсутствие на юге, в отличие от севера Киргизии, самозахватов земель, распространения листовок антирусского содержания, рассчитанных на то, что испуганное население начнет в спешке продавать недвижимость по бросовым ценам.

Предположение о коммерческой причине, а не вовсе национальной выдвинул и секретарь Совета Безопасности Киргизской Республики Мирослав Ниязов⁴.

Политическая нестабильность закономерно повышает миграционную мобильность

¹ Данные предоставлены управлением статистики соответственно Ошской, Джалал-Абадской, Нарынской, Баткенской областей и городским управлением г. Оша.

² «Славянская диаспора»: 15 лет для соотечественников// Дипкурьер, 2007. -№67.- www.dipkurier.narod.ru/dip67\slav.htm

³ Данные предоставлены управлением статистики Нарынской области.

⁴ Regnum. - М., 2005. - 4 июня.

населения. В 2005 г., по сравнению с 2004, иммиграция с Украины в Россию выросла в 2,5 раза, из Узбекистана — в 1,8 раза, из Киргизии - в 1,5 раза.¹

Но вот мощным катализатором миграционного процесса уже к концу 2005 г. стали дискуссии по проектам новой конституции. Во всех трех предложенных проектах русский язык терял статус официального и превращался в язык межнационального общения. Также ускорился процесс перевода делопроизводства на государственный язык. Были высказаны предложения, чтобы сотрудники национальной комиссии по государственному языку проводили бы на местах аттестацию государственных служащих на знание киргизского языка и без соответствующего сертификата нельзя было бы устроиться на работу в государственные учреждения.

В начале 2006 г. в Киргизии был создан штаб по защите государственного языка. Ряд НПО при поддержке Фонда Сороса, организации Freedom House высказывались за поддержку англоязычной культуры в Киргизии как альтернативе русской. Все это вызвало болезненную реакцию и подстегнуло миграционные настроения русских, особенно на юге страны, где русская община весьма малочисленна.²

Основной причиной миграции в своем докладе руководитель «Славянской диаспоры» Валерий Улеев назвал бесправие и дискриминацию, когда у национального меньшинства есть некие продекларированные гражданские и политические права, но нет никакой возможности для их реализации.

- О нас, нынешних нацменах, власть вспоминает два раза в год, как правило, к каким-то национальным праздникам. Тогда нас заставляют продемонстрировать обществу дружбу народов. Это значит, нужно нарядить полтора десятка человек в национальные костюмы, организовать национальные песни и пляски. Вот и вся опереточная дружба народов. Как будто русская культура - это косоворотки, сарафаны, лапти и балалайки, а между тем, нам, в провинции, не до песен и плясок. Но сколько бы нас здесь не оставалось, мы представляем Россию, ее язык, ее великую культуру. Сегодня наша этническая родина поднялась с колен и явила миру свою мощь и величие. Являясь гражданами Киргизстана, мы гордимся ее успехами, ее мощным движением в нынешнем беспокойном мире, - подчеркнул в своем докладе Валерий Сергеевич.³

Еще одним фактором миграции стала Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников в Россию. Однако она не вызвала всплеска ажиотажа.

В интервью агентству «Росбалт» чрезвычайный и полномочный посол России в Киргизии Валентин Власов отметил: «Вся работа по переселению идет ровно и спокойно. Никакого ажиотажа вокруг программы нет, да и обращений относительно немного. Потому что в Киргизстане все-таки есть стабильность. Более того, из всех граждан, которые когда-либо выехали из Киргизстана в Россию, около 9% вернулись обратно. На то есть объективные причины: у кого-то не получилось найти работу, у кого-то - жилье, а кому-то в России просто не климат»⁴.

По новому избирательному законодательству Киргизии выборы проводятся исключительно по партийным спискам, а сами партии обязаны включать в свои избирательные списки не менее 15% представителей нетитульных этнических групп, и не менее 35% лиц другого пола. В новом парламенте, в отличие от предыдущего, есть женщины. Более того, есть русские женщины с отличным знанием киргизского языка.

¹ Немешина Л.Ю.. Русские в Киргизии: этнокультурная и социально-политическая структура// Русский мир в Центральной Азии. Сборник статей и материалов. Выпуск 1. - Бишкек: Общественный фонд Александра Князева, Центральноазиатский институт русской диаспоры, 2007. - С. 51.

² Росбалт. - СПб., 2006. - 14 июня.

³ «Славянская диаспора»: 15 лет для соотечественников // Дипкурьер, 2007. - №67. - www.dipkurier.narod.ru/dip67/slav.htm.

⁴ Росбалт. - СПб., 2008. - <http://www.rosbalt.ru/2008/02/11/455441.html>.

Также Валентин Власов привел слова вице-президента Академии наук Киргизской республики, профессора Владимира Плоских, который сказал, что русские в Киргизстане свою нишу нашли.¹

Под этим углом можно рассматривать и межнациональные отношения. Это говорит о том, что в кадровой политике Киргизстан возвращается к тому, что, в первую очередь, смотрится не национальность, а профессионализм. Есть немало бизнесменов, которые являются русскими и ведут свое дело спокойно. Власть смотрит на них не как на русских, а как на профи, - отметил В. Власов.²

Назначение второго в истории Киргизии русского премьер-министра также хоть и было отмечено многими, как фактор стабильности, но все равно процесс убывания русской общины не остановило.

Сейчас процесс миграции идет скорее уже потому, что изменилась среда обитания. Сократилось до минимума культурное пространство для русских, серьезно давит экономический фактор. В условиях юга Киргизии заработать более 250 долларов в месяц считается большой удачей, в то время как в России за тот же срок можно получить на порядок больше. Дополнительно подстегивает русских ехать на историческую родину и сроки действия упрощенного порядка получения российского гражданства, которые действуют до 1 января 2009 г. Стоит отметить, что граждане Киргизии в рамках вышеупомянутого четырехстороннего договора могут получить гражданство России в течение трех месяцев, что является одной из самых простых процедур. Договор в 2007 г. был пролонгирован еще на пять лет, а в России международное право имеет примат над внутренним законодательством.

Говоря о культурном аспекте, ныне своеобразным полем общения для русских на юге, стала православная церковь. В отсутствие театров, концертов на русском языке, культурных мероприятий (первые за 40 лет Дни культуры России на юге Киргизии прошли в 2003 г.³

На юге Киргизии, в Ошском благочинном округе действует 11 приходов с 6 храмами⁴. Русские могут встречаться на церковных праздниках. Также в Оше действует и церковно-приходская школа «Светоч».

Российская Федерация проводит политику поддержки русскоязычной общины. При поддержке Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом через Генконсульство организуются различные мероприятия. В интервью для Интернет-портала Stan.tv генеральный консул России в Оше Мухамаджан Зиганшин отметил:

- С организациями российских соотечественников на юге Киргизии ведется активная работа, прежде всего на базе существующих обществ этнических россиян в Ошской («Содружество», «Илькаим»), Джалал-Абадской («Славянская диаспора») и Баткенской областях («Содружество», «Общественный фонд русской общины г. Сулюкта») и «Отечество»). В текущем году при поддержке Генерального консульства в различных средних и высших учебных заведениях Оша осуществлены мероприятия, направленные на популяризацию и укрепление русского языка. В частности, на прошлой неделе в ОГПИ успешно прошли Дни русского языка, культуры, истории и искусства. Вскоре в Оше будет открыт «Русский центр» в Ошском филиале Российского государственного социального университета. Инициатором этого стал общественный фонд «Русский мир».

В 2007 г. проведено несколько кинофестивалей, посвященных знаменательным датам российской истории, организованы традиционные поездки детей российских сооте-

¹ Росбалт. - СПб., 2008 - <http://www.rosbalt.ru/2008/02/11/455441.html>.

² Росбалт. - СПб., 2008 - <http://www.rosbalt.ru/2008/02/11/455441.html>.

³ См. об этом: Дипкурьер. - Ош, - www.dipkurier.narod.ru/dip03-2/mainip20.htm.

⁴ www.pravoslavie.kg.

чественников по «Золотому кольцу России», а также организации их отдыха в Киргизии. Ряд школ с русским языком обучения в округе получили в дар от Генконсульства серию книг об истории, культуре России. Вообще, одной из отличительных черт южного региона Киргизстана, несмотря на относительную малочисленность соотечественников, является живой интерес к изучению русского языка и культуры.¹

И, тем не менее, русская община юга Киргизии продолжает сокращаться, о чем свидетельствует динамика уменьшения численности (см. таблицы 2-5).²

Таблица 2. Динамика снижения численности русской общины в Баткенской области

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Всего населения	398895	403612	408999	413722	418127	423215	425946
Русских	6551	6016	5675	5364	4934	4660	4393
Процентное соотношение к общему числу населения (в%)	1,64	1,49	1,39	1,29	1,18	1,10	1,03

Таблица 3. Динамика снижения численности русской общины в Джалал-Абадской области

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Всего населения	907209	920350	933480	947608	960831	973473	980458
Русских	15356	14367	13537	12614	11664	10886	10059
Процентное соотношение к общему числу населения (в%)	1,69	1,56	1,45	1,33	1,21	1,12	1,02

Таблица 4. Динамика снижения численности русской общины в Ошской области

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Всего населения	988013	1003275	1017786	1033438	1049120	1065042	1073657
Русских	2455	2322	2239	2156	2083	2007	1957
Процентное соотношение к общему числу населения (в%)	0,25	0,23	0,22	0,21	0,20	0,19	0,18

Таблица 5. Динамика снижения численности русской общины в городе Ош

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Всего населения	241673	243984	248984	250480	250421	249491	250057
Русских	10819	10077	9582	8917	8267	7683	7172
Процентное соотношение к общему числу населения (в%)	4,48	4,13	3,85	3,56	3,30	3,08	2,87

¹ www.dipkurier.narod.ru\dip71\stan.htm

² Данные предоставлены управлением статистики соответственно Ошской, Джалал-Абадской, Баткенской области и городским управлением г. Оша.

Основной проблемой и бедой соотечественников В. Улеев назвал разобщенность, когда русские каждый сам по себе со своими бедами и проблемами.

- Мы не можем научиться жить в условиях диаспоры, не можем признать себя иностранцами в чужой стране, а ведь де-факто мы таковыми являемся, - отметил Валерий Улеев¹.

И будущее русской общины зависит, в первую очередь, от нее самой. Сами же власти заинтересованы в остановке миграции, потому что на юге Киргизии уже сложился острый дефицит квалифицированных педагогических, технических кадров. На сегодняшний день в местных кенешах юга Киргизии русских депутатов нет, как нет русских и в числе управленческого аппарата областями, районами. Сама диаспора политически инертна и больше настроена на миграцию, даже осознавая, что «все все равно не уедут».

Причина этого кроется в отсутствии поддержки своих кандидатов среди населения. И, как показывают события, никакие действия власти не могут повлиять на миграционные процессы.

Динамика экономического развития Киргизии и социально- профессиональный состав русского населения (1981-1991 гг.)

В республике осуществляется массовое жилищное строительство.

- 1981 г. Досрочный ввод в действие 1-го гидроагрегата Курпсайской ГЭС.
- 1982 г. Завершилось строительство Курпсайской ГЭС. Спланировано строительство Ташкумырской, двух Камбаратинских и второй Учкоргонской (Шамалдысайской) ГЭС.

В 1980-е гг. доля русских во всем занятом населении республики составила 25,4%.¹ В 1989 г. все занятое русское городское население Киргизстана превышало по абсолютной численности городское киргизское в 1,6 раза. Показатели представленности русских рабочих, занятых в промышленном производстве, составляли более 25% среди всех промышленных работников края. Численный состав промышленных рабочих русской национальности превышал аналогичный показатель по киргизскому населению в 2,1 раза. Численность русских работников, занятых в легкой и пищевой промышленности, оставалась на прежней отметке и была в 1,2 раза ниже аналогичных показателей среди работников киргизской национальности. В тяжелой промышленности работала половина от общего числа занятых физическим трудом лиц русской национальности - 36,8%.² Сокращение численного состава работников тяжелой промышленности, в сравнении с показателями 1979 г., было связано, в первую очередь, с начавшимся оттоком русскоязычного населения, а также с уменьшением доли русских работников, занятых в промышленном комплексе республики в целом, снизившейся в 1989 г. до 56,9%. В этот период наблюдается увеличение числа русских, занятых умственным трудом, до 38,7 %, а занятых в сельском хозяйстве - до 4,4%.³ Русские Киргизстана не только играли заметную роль в развитии машиностроения, составляя более 55% его рабочих кадров, то есть 29,8% от доли всех работников занятых в тяжелой промышленности, но и составляли одну из важнейших профессиональных сфер русского труда, где к концу 1980-х гг. было задействовано около 30% всех рабочих русской национальности.⁴ По данным 1989 г., из русских работников, занятых физическим трудом, 39,4% составляли кадры высшей и средней квалификации.⁵ Среди русских, занятых в сельскохозяйственном производстве, почти половину составляли ведущие специалисты и руководители, а также механизаторские кадры: 9,7% и 17,5%

¹ Русские: этносоциологические очерки. - М. 1992,- С. 95.

² Русские: этносоциологические очерки. - М., 1992.- С. 106-107.

³ Русские: этносоциологические очерки. - М. 1992,- С. 94.

⁴ Остапенко Л.В. Вопросы трудовой занятости //Русские в новом зарубежье: Киргизия,- М., 1995.- С. 92-93.

⁵ Русские: этносоциологические очерки,- М., 1992.- С.102-103.

соответственно.¹ Для русских Киргизстана квалифицированный физический труд являлся характерным практически на всем протяжении формирования и существования русской этнической группы.

По данным 1989 г., представители русской группы были задействованы: в строительстве - 38,6%, в здравоохранении - 26,8%, в просвещении - 24,0%, в управлении - 38,4%, в транспортной отрасли - 34,1%, в искусстве и культуре - 38,5%, в торговле - 6,6%, в связи - 42,4%, в бытовом обслуживании - 35,3%, в информационно-вычислительной службе - 47,0%.² Степень участия русских в названных отраслях во многом определялась степенью включенности в них лиц киргизской национальности. Так, в промышленности число русскоязычных работников превышало число киргизов - на 171%, в строительстве - на 119%, в информационно-вычислительной службе - на 201%.³ Что касается русских, занятых умственным трудом, то показатели данной сферы в социально-профессиональном составе русского городского населения Киргизстана выглядят следующим образом: из 43,4%, занятых в данной отрасли, 29,9% составляют специалисты и руководители высшего и среднего звена.⁴

В профессиональном составе русской интеллигенции по-прежнему лидирующими оставались показатели их представленности в среде инженерно-технических работников - 12,9% (в расчете на 10 тыс. человек).⁵ По профессионально-отраслевым группам работников умственного труда в 1989 г. представленность русской интеллигенции такова: административная сфера - 15,1%, производственная - 31,6%, массовая - 18,1%, научная - 2,4%, художественно-творческая - 1,4%.⁶

¹ Остапенко Л.В. Вопросы трудовой занятости //Русские в новом зарубежье: Киргизия. - М., 1992.- С. 98.

² Савоскул С. Русские в государствах Центральной Азии: проблемы и перспективы //Отечественная история,- 1995. - № 3, - С. 134; Слово Киргизстана,- 1993.-24 июля,- С.7.

³ Слово Киргизстана,- 1993. - 24 июля.- С. 7.

⁴ Русские: этносоциологические очерки,- М., 1992,- С. 102-103.

⁵ Рассчитано по цифровым данным //Русские: этносоциологические очерки. - М., 1992,- С. 124.

⁶ Русские: этносоциологические очерки, - М., 1992,- С. 122.

К истории исследований геологии Киргизии российскими учеными¹

*С.Е. Сабельников, канд. геолого-минералогических наук,
ученый секретарь Института геологии НАН
Киргизской Республики*

Несмотря на многовековую историю посещения Средней Азии путешественниками, купцами, военными, монахами из различных стран эта территория вплоть до середины XIX века оставалась «terra incognita». Среди попыток обобщить разрозненные, отрывочные сведения по этой «неведомой земле» следует упомянуть капитальное сочинение Александра Гумбольдта «Центральная Азия» изданное в 1843 г. по результатам его путешествия в 1829 г. по России, Уралу и Алтаю вплоть до китайской границы.

Однако систематические научные исследования края начались лишь в 50-60 годах XIX века, со времени присоединения Средней Азии и в том числе Киргизии к России.

В 1856 г. первое свое путешествие на Тянь-Шань совершает действительный член Российского географического общества Петр Петрович Семенов (впоследствии получивший имя Семенов-Тян-Шанский). Он изучает географию и геологию Иссык-Кульской впадины и устанавливает, что озеро является бессточным, а река Чу не впадает в него. В 1856-1857 гг. он продолжает исследования, проникнув вглубь Центрального Тянь-Шаня, до истоков рек Нарына и Сарыджаза, вплоть до снежной пирамиды Хан-Тенгри. Экспедиции П.П.Семенова позволили определить особенности геологического строения Северного и части Центрального Тянь-Шаня, опровергнуть гипотезу А.Гумбольдта о существовании современного вулканизма, определить действительное гипсометрическое положение хребтов этой части края, а на берегах Иссык-Куля - установить наличие озерных террас, тем самым поставив вопрос о его палеогеографической истории. Им была нарисована реальная картина природы этой части Внутренней Азии. П.П.Семенов положил начало периоду научного изучения Средней и Центральной Азии, он явился организатором и научным руководителем многих экспедиций, в том числе: Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, П.А. Кропоткина, В.И. Роборовского, М.В. Певцова, В.А. Комарова, П.К. Козлова и др.

Российским географическим обществом вплоть до 1916 года было направлено на Тянь-Шань и Памиро-Алай свыше 70 экспедиций и отдельных исследователей.

В 1869-1873 гг. проводит исследования Центрального Тянь-Шаня, Киргизского хребта и Таласского Ала-Тоо Николай Алексеевич Северцев. Им устанавливаются основные черты орографии этих районов и частично их геологическое строение.

Начало современным представлениям по геологии Средней Азии положено работами крупнейшего русского геолога Ивана Васильевича Мушкетова. На основании своих экспедиций с 1874 по 1880 гг. он предложил первую научную концепцию геологического строения Средней Азии, установил последовательность ее формаций, показал, что Тянь-Шань и Памиро-Алай состоят из ряда складчатых дуг широтного простирания, созданных тектоническими движениями земной коры; доказал отсутствие современного вулканизма. В постановке геологических исследований И.В.Мушкетов особое значение

¹ Литература:

1. В.Г.Королев. Работы русских геологов на территории Киргизии - Изв. Кир. Филиала АН СССР, вып. 2-3, 1945г.- С. 82-88.
2. М.М. Адышев. Состояние и задачи геологических исследований в Киргизии/Сб. «Первая научная сессия АН Кирг. ССР». - Фрунзе, 1955г.-С. 77-86.
3. Геология СССР. Киргизская ССР,- М., 1954. - Т. XXV.
4. Киргизская Советская Социалистическая Республика. Энциклопедия. - Фрунзе: Гл. редак. кирг. сов. энц., 1982. - С.317-320.

уделял тектоническим, сейсмологическим и геоморфологическим процессам. Анализ собранных им материалов, а также наблюдений предшественников был изложен им в капитальном труде «Туркестан», вышедшем в двух частях в 1886 г. и в 1906 г., по сей день сохранившем свое значение и актуальность в качестве ценной геологической сводки. Его руководство «Физическая геология» явилась для того времени единственным трудом, излагавшим на теоретическом уровне представления по стратиграфии, тектонике, оруденению. В 1881 г. И.В.Мушкетов совместно с палеонтологом Г.Д.Романовским составили первую геологическую карту Туркестана в масштабе 30 верст в дюйме.

Существенно дополнили и развили работы И.В. Мушкетова исследования Геннадия Даниловича Романовского своим детальным описанием фауны и стратиграфии Средней Азии, что явилось основой для разработки биостратиграфии. Ему принадлежит и первый прогноз нефтегазоносности Ферганской долины подтвердившейся впоследствии.

Таким образом, к началу XX столетия трудами выдающихся русских ученых и путешественников были открыты для дальнейших исследований неведомые районы Средней и Центральной Азии.

В связи с началом строительства первой железной дороги на Ташкент и проблемами землеустройства русских крестьян-переселенцев по заданию Геологического комитета (образован в 1882 году) начинается геологическая десятиверстная съемка Алая и восточной Ферганы, в которой принимает участие и Валериан Николаевич Вебер, посвятивший изучению Средней Азии всю свою жизнь. Им был открыт ряд месторождений каменного угля, нефти, свинца, мышьяка и др. Его капитальный труд «Полезные ископаемые Туркестана» (1913 г.) до сих пор служит основой по стратиграфии, палеогеографии, тектонике, вулканизму, геоморфологии, геологии четвертичных образований. В 1925 г. В.Н.Вебер со своими учениками составил сводную геологическую карту горного Туркестана. Он был одним из крупнейших мировых специалистов в области палеонтологии трилобитов ордовика, силура, карбона и перми.

В 1903 г. Геологический комитет организует экспедицию по изучению причин и следствий Андижанского и Кашгарского землетрясений под руководством Феодосия Николаевича Чернышева, крупного стратиграфа. В 1911 г. в Заилийский и Кунгей Ала-Тоо в связи крупным землетрясением 1910 г. отправляется экспедиция под руководством Карла Ивановича Богдановича. Экспедиции сделали очень важный вывод о связи сейсмичности с новейшими движениями земной коры.

Вместе с блестящей работой И.В. Мушкетова (1888-1891) по изучению последствий катастрофического землетрясения 1887 г. в г. Верном эти экспедиции положили начало систематическим сейсмологическим исследованиям в Средней Азии.

С 1909 по 1916 гг. десятиверстную геологическую съемку в Ошском и Андижанском уездах проводит Дмитрий Иванович Мушкетов, в Восточной Киргизии от китайской границы до озера Иссык-Куль - К.И. Аргентов, на площади хребтов Кунгей-и Заилийского Ала-Тоо, северных склонах Терскея - Н.Г. Кассин. Одновременно К.П. Калицкий проводит изучение нефтегазоносности Ферганской долины. Им произведена детальная геологическая съемка нескольких месторождений нефти, тщательная разработка стратиграфии палеогеновых отложений и выдвинута гипотеза образования нефти *in situ*, т.е. нахождения нефти сейчас там, где она образовалась.

В 1914 г. по инициативе Владимира Ивановича Вернадского в юго-восточной Фергане начала работать Радиевая экспедиция Российской Академии наук, одним из участников которой был Дмитрий Иванович Щербаков, открывший ртутные месторождения Киргизии. В процессе этих исследований впервые были получены более точные представления об особенностях геологического строения и полезных ископаемых этих районов.

Большое значение имели палеонтологические исследования Ф.Н. Чернышева, Д.И. Наливкина, А.Д. Архангельского, Д.В. Соколова и др., позволившие обосновать стратиграфическое расчленение палеозойских и мезо-кайнозойских толщ и перейти к первым более широким биостратиграфическим сопоставлениям фауны Средней Азии и других районов мира.

В 1920-х гг. Геологический комитет возобновляет прерванную революцией и гражданской войной геологическую съемку десятиверстного масштаба на территориях среднеазиатских республик. В пределах Киргизии в Таласском Ала-Тау, в западных и средних частях Киргизского хребта проводят съемку В.А. Николаев, В.Г. Мухин, О.И. Сергунькова, В.Д. Никитин, в Ферганском хребте - В.Н. Огнев, С.А. Кушнар, в Атбашинском хребте и левобережных хребтах р. Нарын - В.Г. Мухин, О.И. Сергунькова, в окрестностях оз. Сон-Куль - М.С. Швецов.

К началу тридцатых годов XX века геологическая съемка распространяется и на другие районы Киргизии. В этот период в геологических исследованиях принимали участие: Е.Н. Горецкая, Н.В. Иванов, Н.М. Сеницын, А.А. Лавров, О.И. Некрасов, П.А. Грюше, С.С. Шульц, Д.И. Яковлев, С.А. Колесник, В.Н. Огнев, А.П. Марковский, А.Д. Аделунг, А.В. Григорьев, С.И. Овчинников, И.Е. Губин, В.П. Ренгартен, М.И. Шабалкин.

В результате успехов геологической съемки и изучения фаунистически охарактеризованных толщ позволили Д.В. Наливкину в 1926 г. выпустить обобщающую работу «Очерки геологии Туркестана», в которой освещаются вопросы как стратиграфии и палеогеографии, так и тектоники. Заслугой автора является обобщение разрозненных материалов всех прежних исследователей и создание генеральной схемы геологического строения Средней Азии, включающей деление ее на Северные, Центральные и Южные дуги.

В 1930-е гг. Среднеазиатским отделением Геолкома и Академией наук СССР организуется проведение отдельных тематических исследований по минералогии, геохимии, петрологии, палеонтологии, тектонике Тянь-Шаня, начаты поисковые работы на ртуть, мышьяк, сурьму, уголь, нефть и другие полезные ископаемые.

Особое место среди петрографических исследований занимают работы В.А. Николаева (1929, 1935), в которых впервые систематизируется большой материал по магматизму Тянь-Шаня и его связи с тектоническими процессами, а также работы А.В. Москвина (1936), в которых охарактеризованы основные закономерности вулканизма и связанной с ним металлогении.

Стратиграфические и палеонтологические работы по докембрию и нижнему палеозою проводились В.А. Николаевым, В.Н. Вебером, Е.В. Лермонтовой, А.Р. Лесниковой, Д.В. Наливкиным, О.И. Сергуньковой.

Стратиграфия четвертичных отложений и геоморфология Тянь-Шаня исследовалась С.С. Шульцем, Н.П. Васильковским, Ю.А. Скворцовой, В.В. Шумовой, Б.А. Федоровичем.

Проведенные работы позволили в этот период приступить к изданию геологической карты Средней Азии масштаба 1:750000 и ряда листов масштаба 1:500000.

Итоги геологических исследований Средней Азии подвел Всесоюзный геологический съезд в 1928 г. в Ташкенте, который наметил и пути дальнейшего изучения ее геологии.

Следует упомянуть о создании в эти годы Туркестанского (ныне Ташкентского) государственного университета, преподавание геологических дисциплин в котором осуществлялось российскими геологами, целенаправленно приступившие в этот период к подготовке кадров геологов для среднеазиатских республик.

В 1920-1930-х гг. на территории Киргизии проводились интенсивные работы по поискам и разведке месторождений полезных ископаемых, результаты которых опровергли существовавшее ранее предположение об их незначительности.

Основные работы по изучению месторождений цветных и редких металлов проводили: И.И. Бездека, А.А. Аверин, В.И. Смирнов, Ф.И. Вольфсон, А. Г.Бетехтин, Я.С. Висьневский, Н.М. Прокопенко, И.М. Еременко, Б.А. Федорович, М.Э. Пояркова, В.Д. Никитин, В.М. Сергиевский, А.А. Луйк и многие другие исследователи.

В результате этих работ были выявлены многочисленные месторождения и рудопроявления полиметаллического оруденения в Таласском Ала-Тоо, месторождения Актюз, Боорду, Ак-Куль и ряд других, а также месторождения вольфрама, молибдена и некоторых других металлов. В Южной Киргизии велись работы, связанные с поисками и оценкой сурьмяно-ртутных месторождений, большим коллективом геологов, среди которых должны быть упомянуты Д.И.Щербаков, А.А. Сауков, В.Э. Поярков.

Широкие работы развернулись в эти годы в области изучения угольных и нефтяных месторождений. Эти работы, проводившиеся под руководством И.И. Горского, Н.В. Шабарова, К.Г. Калицкого, О.С. Вялова, В.Н. Огнева и многих других исследователей, позволили создать ряд новых действующих шахт и нефтяных промыслов. Экспедиция АН СССР под руководством Н.И. Прокопенко изучает термальные источники Северной Киргизии и приходит к выводу о перспективности их использования для лечебных целей.

В результате изучения геологии Средней Азии и Киргизии и закономерностей распределения выявленных месторождений полезных ископаемых были сделаны первые обобщающие работы по геохимии, металлогении и петрографии, выполненные А.Е. Ферсманом, Д.И. Щербаковым, А.В. Москвиным, Б.Н. Наследовым, В.Н. Смирновым, С.Ф. Машковцевым.

В 1939 г. территория Киргизии была покрыта пятисоттысячной геологической съемкой. Крупным событием для республики было создание в 1938 г. Киргизского геологического управления, что способствовало планомерным, систематическим исследованиям по геологической съемке, разведке полезных ископаемых и составлению средне-масштабной сводной геологической карты, которая была закончена в 1941 г. В 1943 г. на основе этих работ была составлена геологическая карта Киргизии (под редакцией А.П. Марковского) в масштабе 1:750000, изданная в 1946 г.

В 1930-х гг. крупные работы по геохимии, минералогии и металлогении многих районов республик Средней Азии проводит Таджикско-Памирская экспедиция, научно-исследовательские институты ВСЕГЕИ, ЦНИГРИ, такие крупные организации, как Средацветметразведка, Средазуглеразведка, Средазнефть, Киргизская комплексная экспедиция Академии наук СССР.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. геологические исследования были направлены на разрешение наиболее неотложных задач военного времени. Особенно большое внимание уделялось развитию и расширению сырьевой базы предприятий по добыче ртути, сурьмы, вольфрама, угля, нефти, цветных и редких металлов. В целях разработки теоретических вопросов, связанных с решением проблем изучения и освоения стратегических видов минерального сырья в трудном 1943 г. Совнаркомом СССР принимается решение о создании Института геологии в г. Фрунзе, позднее вошедшего в состав Киргизского филиала АН СССР. В первые годы в Институте функционировало три сектора: тектоники, стратиграфии и петрографии, в которых работало 17 человек, в основном знатоки геологии Средней Азии, эвакуированные из блокадного Ленинграда, такие известные ученые, как В.А. Николаев, А.Г. Вологдин, В.М. и Н.М. Сеницыны, А.П.

Марковский, С.С. Шульц, В.Н. Огнев, О.И. Некрасова. Первым директором Института стал Павел Константинович Чихачев.

В послевоенное время усиливаются поисково-разведочные работы на многие виды минерального сырья, в связи с чем в Институте организуются помимо сектора региональной геологии (В.Г. Королев, А.А. Конюк), новые секторы: полезных рудных ископаемых (В.М. Попов, В.Т. Сургай), нерудных полезных ископаемых (В.Н. Щербина), гидрогеологии (П.Г. Григоренко), горного дела (П.С. Данчев); лаборатории: минералогическая (С.Д. Туровский), геофизическая (В.Л. Шашкин), инженерно-геологическая (А.Г. Раздольский).

После окончания Великой Отечественной войны широко развернулись работы по крупномасштабной геологической съемке, по поискам и разведке различных месторождений полезных ископаемых, осуществленных большим коллективом Киргизского геологического управления, Всесоюзного аэрогеологического треста, отраслевыми организациями министерств, ВСЕГЕИ и рядом других организаций, среди которых следует назвать В.И. Кнауфа, А.А. Луйка, Е.И. Зубцова, И.И. Бессонова, Г.С. Поршнякова, Н.М. Сеницына, А.С. Аделунга, К.Д.Помазкова, Н.В.Иванова, Д.П.Резвой, М.М.Кухтикова, Г.Л.Бельговского, А.Е. Довжикова, В.Г. Королева, М.А. Стронина.

Итоги изучения геологической истории, закономерностей размещения и условий формирования месторождений полезных ископаемых за период до 1953 г. нашли отражение в т.ХХУ монографии «Геология СССР. Киргизская ССР», в составлении которой участвовали многие из вышеперечисленных сотрудников Института геологии, Геологического управления и ВСЕГЕИ. Они же принимали участие и в опубликовании в 1972-1978 гг. в издании т.VII «Геология месторождений угля и сланцев СССР. Угольные бассейны и месторождения Средней Азии», т. XI «Гидрогеология СССР. Кир г. ССР», т.VII «Инженерная геология СССР».

Данные по геологии Средней Азии и Киргизии, полученные за столетие ее изучения послужили основой для разработки ряда важных теоретических положений современной геологии, среди авторов которых особо выделяются имена выдающихся ученых - геологов: А.Е. Ферсмана, Д.И. Щербакова, В.А. Николаева, В.И. Смирнова, А.А. Саукова, Н.М. Сеницына, А.В. Пейве, С.С.Шульца, В.Н. Огнева, Д.В. Наливкина, В.И. Попова, А.П. Марковского.

Неутомимым трудом нескольких поколений российских геологов было опровергнуто существовавшее представление о якобы бедности Тянь-Шаня и Памиро-Алая полезными ископаемыми, были заложены фундаментальные основы геологической изученности всей территории Средней Азии.

В последующие годы исследования природных богатств этого края продолжили киргизские геологи - многочисленные ученики и последователи российских первопроходцев, многие из которых обучались в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Томска, Новосибирска и других городов России.

Изучение закономерностей формирования и распределения различных видов полезных ископаемых, разработка новых методов их поисков, улучшение достоверности карт прогнозов и создание на их основе устойчивой минерально-сырьевой базы горнорудной промышленности Киргизии - стали важнейшим результатом деятельности русских исследователей недр Тянь-Шаня.

На торжествах, посвященных открытию Академии наук Киргизской ССР 24 декабря 1954 г. директор Института геологии М.М. Адышев отметил: «Современное состояние геологической изученности Киргизии обязано бескорыстной помощи киргизскому народу со стороны великого русского народа, славные представители которого своим неутомимым трудом раскрыли и раскрывают природные богатства нашей республики».

Динамика экономического развития Киргизии и социально- профессиональный состав русского населения (1991-2008 гг.)

Перемены политического и социально-экономического характера, начавшиеся со второй половины 1980-х и продолжавшиеся до начала 1990-х гг., значительно изменили социально-профессиональную структуру русских Киргизстана. Распад СССР, другие политические изменения, разрыв устоявшихся социально-экономических связей между республиками, экономические преобразования в республике привели к трансформации и этносоциальной структуры общества.

Изменения социально-профессиональной структуры русской группы этого периода времени были связаны с безработицей, низложением должностных лиц, миграцией трудоспособного населения, отсутствием приоритетного направления в профессиональном составе, изменением профессионально-отраслевых ориентаций - процессов, вызваны сокращением объема национального дохода, закрытием ряда промышленных предприятий, сокращением трудовых кадров и пр.

К 1993 г. в республике было остановлено 41 промышленное предприятие.¹ Кризисные явления наблюдались в бюджетной сфере, где резко сократилось финансирование, что повлекло за собой закрытие ряда культурно-просветительских и здравоохранительных учреждений. Они отразились на сельском хозяйстве, что повлекло рост безработицы на селе. Следствием экономических катаклизмов стала миграция населения из республики. Итоги социально-демографического обследования Киргизской Республики, проведенные в 1994 г., подтверждают, что из региона выехало в основной своей массе трудоспособное население в возрасте 30-59 лет.² Социально-экономические и политические изменения кардинально отразились на социально-профессиональном составе русских.

¹ Плышевский Б. Реформирование экономик государств СНГ: Киргизстан и Таджикистан // Российский экономический журнал. - 1993. - № 12. - С. 12-13.

² Южный Курьер, - Бишкек, 1995, - 11 ноября, - С. 4.

Русские подвижники в формировании декоративно-сценического искусства Киргизии¹

*Воропаева В.А., канд. истор. наук, профессор
Киргизско-Российского Славянского университета*

В начале XX века активизировавшийся в Киргизии процесс переселенческого движения из различных уголков России несомненно вносил колорит «русского духа» в устоявшуюся жизнь киргизских кочевников. Русские, а это понятие в Киргизии до сей поры распространяется на всех, кто считает русский основным языком общения, привезли с собой часть европейской культуры и национальных традиций. В уездных городах Семиречья открывались не виданные доселе кино клубы, драматические кружки. В Пишпекке любительский музыкально-драматический театр имел постоянные аншлаги, в Караколе самодеятельные артисты драматического кружка удивляли своим профессионализмом и великолепием изготовленных руками самих артистов декораций. Фотографы ловили моменты из жизни новых киргизстанцев. В фотокадрах они, казалось, стремились рассказать потомкам о их добрых делах и намерениях. Пишпекский «живописец вывесок» Подхапов «украшал» город своей по-своему оригинальной рекламой, пытаясь придать ему вид европейской цивилизованности. Стремление сделать суровую жизнь первопроходцев яркой стало основным лейтмотивом русских, обосновавшихся среди необжитых красот Тянь-Шаня.

Революция, гражданская война добавили в жизнь семиреченцев не только новые ощущения, но и новые краски. Красные юрты и чайханы, красные повозки и караваны, клубы звали к светлому будущему. Революция бурлила в сознании, вырывалась наружу в бурных митингах, ярких плакатах, выступлениях агитколлективов и народных театров. Завораживающая сила сцены с ее актерским мастерством и эффектными декорациями стали мощным мобилизующим и побуждающим оружием. Сцена и советское изобразительное искусство в руках революции били «не в бровь, а в глаз».

Первыми «оформителями» клубов, «живых газет», сцен самодеятельных драматических театров становились учащиеся школ и студий изоискусства. В 1920 г. в Пишпекке и Караколе впервые задумались о профессиональном обучении искусству рисования. С 1927 г. национальная музыкально-драматическая студия становится в Киргизии основным центром воспитания художников-профессионалов.

К ним на помощь в период с 1926 г. по 1930 г. из Москвы, Ленинграда, Ташкента прибывает мощный отряд профессиональных художников. Среди них те, кто станет главными оформителями изданий местной печати, сцен клубов и театров: Г.А.Петров, Л.Л.Касаткин, Г.П.Солодовников, С.В. Содатов, Е.К.Жолондоз, П.Г.Голуб.

Так уж случилось, что зарождение киргизской театрально-декоративной живописи связано с именем Георгия Александровича Петрова. С 1926 г. Г.А.Петров являлся главным оформителем спектаклей национальной драматической студии, преобразованной в 1931 г. в Киргизский драматический театр.

¹ Литература:

1. Березкин В. Театрально-декорационное искусство Киргизии. - Фрунзе, 1972.
2. Захава Б. Поэзия народной легенды // Советская культура. - 1958. - 21 октября.
3. Торопов А. Каталог выставки. - Фрунзе, 1969.
4. Большая Советская Энциклопедия. -Т.2.-М7, 1970.
5. Джусупова О. Анатолий Васильевич Арефьев. - Фрунзе, 1958.
6. Айтматов Чингиз. В соавторстве с землей и водою... Очерки, статьи, беседы, интервью. - Фрунзе, 1978.
7. Дзюбинская О. Двое в степи//Театр. - 1964.- N7.

Г.А.Петров - человек разносторонних творческих интересов, способностей и общественной активности, кроме основной работы в драматической студии, организовывал танцевальные, драматические, музыкальные кружки, воспитывал подрастающую смену художников. В Совпартшколе, Дунганской и Образцовой семилетних школах преподавал основы изобразительного искусства.

Совершая длительные путешествия по отдаленным районам горного края, Г.А.Петров собрал уникальный материал по народному искусству киргизов. Зарисовки орнаментов, предметов быта и деталей национального костюма стали основой нескольких альбомов. Практическое значение приобрели сделанные художником портретные рисунки этнографического характера.

В августе 1930 г. создается Киргизское объединение художников (КОХ), позднее переименованное в Объединение революционных художников (ОРКХ). Инициатор, а впоследствии председатель объединения Владимир Витальевич Образцов работал в Киргизии с 1920 г. С его именем связаны лучшие страницы развития изобразительного искусства в республике и воспитания национальных художников.

В 1930 г. во Фрунзе открылся Киргизский театрално-музыкальный, художественный техникум. Изобразительное отделение этого учебного заведения предполагалось превратить в кузницу национальных кадров художников-газетчиков, книжных иллюстраторов и художников-декораторов. В качестве заведующего его учебной частью и изобразительного отделения В.В.Образцов успешно реализовал задуманное, полностью отдаваясь организации учебного процесса, внедряя новаторские педагогические идеи и творческие замыслы, призывая обучаемых к поиску и самосовершенствованию.

В 1930-х гг., когда театральное искусство Киргизии испытывает настоящий взлет, во Фрунзе прибывает никому неизвестный Акидин Маркелович Торопов. Успешно проучившись два года на театральном отделении Самаркандского художественного училища, А.М.Торопов оставляет учебу, имея намерение реализовать свои способности одновременно в качестве сценариста-художника и артиста. В Театре юного зрителя во Фрунзе ему удается создавать эффектные декорации и играть главные роли. Однако постепенно сценография занимает ведущее место в деятельности молодого одаренного художника.

С 1945 г. А.М.Торопов трудится на сцене Русского драматического театра им. И.К.Крупской в качестве художника-сценографа, постепенно своим творчеством достигая высот в художественно-наглядном раскрытии внутреннего содержания драматического материала, становясь полноправным соавтором спектаклей. С 1947 г. он параллельно с основной работой с увлечением трудится главным художником сцены Киргизского Академического драматического театра.

Почти четверть века творческой деятельности на сцене театров Киргизии позволило создать А.М.Торопову декорации, считающиеся шедеврами декоративно-сценического искусства. Современники считали, что А.М.Торопов к передаче образа величественной природы киргизского края относился, как сказочник. Готовясь в 1958 г. к Декаде киргизской литературы и искусства в Москве, он умело использовал элементы киргизского декоративно-прикладного искусства, национального костюма при постановке спектакля «Курманбек» по пьесе К. Джантошева.

Режиссер, народный артист СССР Б. Захава, пораженный творчеством А.М.Торопова, писал: «Великолепные ковры со старинным киргизским орнаментом, живописно украшающие сцены. Прекрасны старинные национальные одежды действующих лиц, оружие, внешнее убранство жилищ. Все это носит сказочно-поэтический характер. Превосходны также и декорации, изображающие природу Киргизии: горы, среди кото-

рых скитается смелая красавица Айгаиыш со своими подругами в поисках возлюбленного; лес, где приспешник коварного хана Коруна вероломно поражает Курманбека ударом копья в спину» [2].

Образ айтматовского «материнского поля» (1964 г.) художник решил в эпическом ключе. Идея спектакля раскрывалась через символ - образ Матери-земли. По замыслу художника образ этот воплощала молодая женщина (Земля - вечно молодая) с седыми волосами (много на своем веку пережившая), с черным платком на плечах (идет Великая Отечественная война, уносящая с собой ее сыновей). Женщина одета в платье, переходящее в поле.

Земля появляется из дымки, постепенно делающейся прозрачной и как бы олицетворяющей видения старой Толгонай.

В 1965 г. театр ставит третье произведение Ч.Айтматова «Джамиля». Образный строй декораций художник обозначил единой, но по-разному трансформировавшейся дорогой, символизирующей путь к истинному счастью. Душевному одиночеству Джамили повсюду сопутствует одинокий тополек, с появлением Данияра появляется второй.

В Киргизском драматическом театре А.М.Торопов «освоил» произведения русской классики и мировой драматургии.

За 40 лет художественного творчества на сценах театров Узбекистана и Киргизии А.М.Торопов создал эскизы декораций и костюмов к 180 спектаклям. Его работы демонстрировались на 8 выставках, в том числе 4 персональных.

Заслуженный деятель искусств Киргизии А.М.Торопов после выхода на заслуженный отдых не расстался с кистью. Портрет Б.Минжилкиева, картина «Манас», ныне украшающая Национальную академию наук, стали реликвиями изобразительного искусства Киргизской Республики.

На юбилейной выставке в 1969 г. эскизы А.М.Торопова в спектаклях по произведениям Ч.Айтматова были признаны лучшими.

Вспоминая Дни декады киргизской литературы и искусства в Москве в 1958 г. нельзя не вспомнить замечательного театрального художника Арефьева Анатолия Васильевича. С 1947 г. он работает в Киргизском театре оперы и балета, и вот спустя 10 лет его находит настоящий успех: ему предоставлено право оформить сцену заключительного концерта мастеров киргизского искусства. И это было справедливо. Мастерство художника с первых дней работы в Киргизстане стало предметом неустанный внимания. А.В.Арефьев словно волшебник подчинял художественные решения музыкальным образам.

С первых дней он занимается оформлением глубоко народных спектаклей, отражающих судьбу киргизского народа. Уроженец Самарской губернии самозабвенно трудится над оперой М.Раувергера «Кокуль», музыкальной драмы «Алтын кыз». В 1950-1958 гг. выходят спектакли «Анар», «На берегах Иссык-Куля», «Айдар и Айша», «Весна идет», «Токтогул», «Чолпон».

Русский художник в создании декораций к глубоко национальным спектаклям тщательно изучает и осмысливает особенности быта киргизского народа, познает его духовный мир настолько, что в 1958 г. вызывает удивление и восхищение Киргизией у московской публики.

Благодаря спектаклям, оформленным А.В.Арефьевым, зритель убеждается в том, что декорации - не просто фон, не бесстрастная иллюстрация к действию, а активный компонент драматургии.

Творчество А.В.Арефьева демонстрировало глубину знаний сцены, законов сценографии, талантливое использование национального колорита.

Например, оформляя спектакли по произведениям Ч.Айтматова, А.В.Арефьеву удалось наглядно выразить главную психологическую линию писателя: «Преодолеть, преобразовать действительность сегодня посильно только человеку с поэтическим восприятием реальности, способному создать образ мира, свою картину жизни» [6].

Почитатели таланта художника подчеркивали особенность его творчества: в оформлении его спектаклей «звучит сердце» отечественной и зарубежной классики».

В большинстве спектаклей А.В.Арефьева нет «никакой бутафории, и слово «декорация» кажется странным». В них «деревья - как люди, они тянутся вверх, как длинноногие подростки, хмурятся в непогоду, нагнув всклокоченную голову... В этих наивных стволах, а точнее, в образах много поэзии и совсем нет назидания...» [7].

Без назидания созидали русские художники в Киргизии то, что сегодня стало киргизским национальным достоянием. Русские созидали с «поэтическим восприятием реальности» созидали, что называется «от души», всецело вживаясь в киргизский национальный колорит, фиксируя и развивая уникальность киргизского искусства, даря его очарование миру.

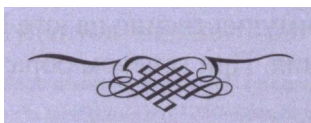

Русское и русскоязычное население бывших советских республик по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.¹

Республика	Этнические русские		Русскоязычные	
	Абсолютная численность	% от общего населения	Абсолютная численность	% от общего населения
Украина	11355000	22,1	16898000	32,8
Белоруссия	1342000	13,2	3243000	31,9
Казахстан	6227000	37,8	7797000	47,4
Узбекистан	1653000	8,3	2151000	10,9
Грузия	341000	6,3	479000	8,9
Азербайджан	391000	5,6	528000	7,5
Литва	344000	9,4	429000	11,7
Латвия	905000	34,0	1122000	42,1
Эстония	474000	30,3	544000	34,8
Молдавия	562000	14,0	1003000	23,1
Киргизия	916000	21,5	1090000	25,6
Таджикистан	388000	7,6	495000	9,7
Армения	51000	1,6	66000	2,0
Туркменистан	333000	9,5	421000	12,0

Республика	Этнические русские		Русскоязычные	
	Абсолютная численность	% от общего населения	Абсолютная численность	% от общего населения
Казахстан	6227000	37,8	7797000	47,4
Узбекистан	1653000	8,3	2151000	10,9
Таджикистан	388000	7,6	495000	9,7
Туркменистан	333000	9,5	421000	12,0
Киргизия	916000	21,5	1090000	25,6

¹ Примечание: Население России. Ежегодный демографический доклад. - М., Центр демографии и экологии человека, 1993.- с. 15.

Распространение основ русской грамоты среди киргизов на рубеже XIX-XX веков

*Сумарокова О.Л., преподаватель, аспирант
Киргизско-Российского Славянского университета*

*Если народ Туркестана не стряхнет сон невежества,
не откроет, наконец, глаза и, взглянув на мир и осознав
свою полную непросвещенность, не станет усердствовать
в обретении знаний, тогда горе вам, бесчисленные
страдания выпадут на вашу долю!*

Гаспринский И. «Обитель счастья мусульман»

Несмотря на свое полутора вековое существование вопрос функционирования русского языка на территории современной Киргизии и сегодня является болевой точкой в политическом организме суверенного государства. Между тем, лингвистическая баталия, которую вернее было бы назвать лингво-политико-идеологической, развернувшаяся еще во II половине XIX века в Туркестанском крае, была и остается лишь дилетантским пустословием. Независимо от этого два языка - русский и киргизский - мирно укладывались, развивались и взаимодействовали в полиэтническом пространстве, создавая благодатную почву для педагогических свершений.

Проникновение русской речи в киргизские степи ученые связывают с последней четвертью XVIII века, ознаменованной отправкой первой киргизской дипломатической миссии в Санкт-Петербург. Спустя практически столетие, с учреждением Туркестанского Генерал-Губернаторства, возник ряд предпосылок к адаптации российской системы народного образования на исламской почве.

В поисках способов интеграции этноконфессионального многообразия подданных Империи в целостное государственное пространство, продвижения колониальных интересов русского меньшинства и ускорения темпов ассимиляционной политики, вкрапление элементов российского образования, несущего в себе идеи православия, в среду, где на протяжении многих веков свою авторитарность и свои взгляды на образование утверждал ислам, представлялось наиболее успешным. «Мы должны держаться в Азии не силой оружия, или многочисленностью русского населения, и даже не экономическим и политическим превосходством, а силой нравственного и умственного превосходства,- утверждал М.И. Венюков. - Мы проглядели, что из всех завоевательных сил самая прочная есть общине побежденных с победителями на поприще умственного развития, как было в Римской империи, как отчасти есть теперь во владениях Англии»¹.

На момент вхождения края в состав России на его территории широкое распространение имели мусульманские школы, основной задачей которых было воспитание учащихся в духе религиозных догматов. Сложившаяся в Арабском халифате при Аббасидах, система традиционного мусульманского образования на территорию Центральной Азии пришла в X веке и существовала здесь без значительных изменений практически до Октябрьской революции.

Начальное конфессиональное образование сосредотачивалось в низших школах - мектебах, распространенных преимущественно на юге Киргизии в силу оседлого на этой территории образа жизни населения. При кочевом образе жизни киргизского народа обу-

¹ Венюков М.И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. - СПб., 1877. - С. 160.

чение было достаточно затруднительным делом, однако неисполнение обязанности учить своих детей грамоте считалось большим грехом. Пусть на несколько недель, но киргизы отдавали детей в мусульманскую школу, чтобы исполнить свой родительский долг¹.

Система обучения отличалась механичностью и бессознательностью. Начиналось оно с заучивания букв арабского алфавита, который учитель писал на маленьких дощечках или кусках жести, а в глуши обходились еще проще - писали буквы на бараньих лопатках. Заучив буквы, дети переходили к складам. Учащиеся мектеба, сидя на земляном полу в сыром помещении, ритмически покачиваясь, с голоса учителя хором читали непонятные арабские слова. В 1895 году «Киргизская степная газета» так описывала урок в мектебах: «Из юрты, где учатся дети, несутся адские крики. Каждый ученик выкрикивает свой урок»². Такое преподавание продолжалось около четырех лет. По истечении этого срока ученики, пройдя весь курс учения и окончив его, ничего не знали, оставаясь такими же невеждами, какими были. Единственное наследие, которое выносил из мектеба каждый ученик - это твердое познание мусульманского этикета и мусульманской вежливости, преподавание которых составлял предмет особой заботливости со стороны муллы.

Основной педагогический метод, которым владел каждый мулла и посредством которого ускорялись процессы обучения, следовало бы назвать репрессивным. Мулла не велел учащимся во время урока даже оглядываться по сторонам и шевелиться. Жесткие воспитательные мероприятия пользовались поддержкой у родителей учащихся. Один из воспитанников Туркестанской Учительской Семинарии Иш-Мухаммед Букин вспоминал: «Когда киргизы отдают своих сыновей мулле, то говорят: «Господин мулла! Вот мой сын; учите его; если он будет лениться, то бейте его, рвите ему уши. Если он будет шалить или играть, то мне отдайте его кости, а вам я оставлю его мясо»³.

В медресе, в высшие духовные заведения, учащиеся поступали для усовершенствования образования в случае успешного окончания мектеба. Обучение в них начиналось с заучивания наизусть краткого мусульманского катахизиса (начало науки - аваль-и-ильм), излагавшегося в форме вопросов и ответов на персидском языке. Далее следовало изучение грамматики арабского языка.

Следующий курс распадался на два отдела - образовательный (мишкилят) и юридический (масс Аля). В программу первого входили богословие, логика, диалектика, метафизика, астрология, космография и объяснения к Корану.

Второй обнимал религиозное, гражданское и уголовное право. Частично учеников знакомили с классическими восточными поэтами и основами математики, географии и истории по арабским учебникам. География представлялась сбором самых сбивчивых, противоречивых сведений; история еще более нескладным сбором легенд и басен самых невероятных, окрашенных и вдохновенных понятием о великих судьбах мусульманства; математика ограничивалась усвоением 4-х правил арифметики и самыми простыми эмпирическими приемами планиметрии. Этот отдел, как имевший наибольшее практическое значение, пользовался общим вниманием. Учащиеся, которые были способны успешно окончить этот курс, получали доступ к должностям муфтия, агляма и казия.

За обучение в медресе студенты получали стипендию. Размер денежного поощрения в младшем классе составлял в год от 4 до 12 рублей (в зависимости от уровня благосостояния медресе), в старших классах - от 15 до 35 рублей. Несмотря на такое жалкое существование нередко среди студентов можно было встретить личностей 40-летнего

¹ Иш-Мухаммед Букин. Физическое и умственное воспитание у киргиз. — Ташкент, 1883. - С. 8.

² Культура Казахстана в XVII-XX веках. - <http://works.tarefer.ru/33/101250/index.html>

³ Иш-Мухаммед Букин. Физическое и умственное воспитание у киргиз. - Ташкент, 1883. - С. 10.

возраста, которые осознанно обрекали себя на пожизненное студенчество в стенах медресе¹.

На рубеже XIX-XX веков в Пишпекском уезде функционировало 14 мектебов, в Пржевальском уезде - 11, а на Юге Киргизии, где особенно сильно сказывалось влияние мусульманского духовенства, 169 мектебов². От общего числа мектебов по всему Туркестанскому краю они составляли 1,7%³.

Медресе особого распространения на территории Киргизии не получило. В конце XIX - начале XX века всего их насчитывалось 7, из которых 5 были расположены в городе Ош, 1 - в Пржевальске⁴. От общего числа медресе по всему Туркестанскому краю они составляли 1,5%⁵.

Для небольшой территории цифры эти были более чем внушительны. Внушительны в плане оказания религиозного и политического влияния, точнее некоего синтеза этих двух форм общественного мировоззрения. Но к просвещению в европейском понимании не имели ровным счетом никакого отношения. Результаты конфессионального обучения в полной мере отвечали целям и задачам, поставленным перед ним. «Много лет назад, под мощным влиянием Ислама, народ сознал необходимость обучения грамоте, - писал Н.С. Лыкошин⁶, - но не для каких-нибудь практических целей, не для саморазвития и усвоения новейших завоеваний человеческой мысли, а исключительно для исполнения религиозных формальностей... Родной язык остался в стороне, им мало занимались, полагая, что ребенку не трудно усвоить его в своей семье»⁷.

Русский художник-баталист, писатель, участник Среднеазиатских походов Каразин Н.Н. в своих «Путевых заметках художника и писателя о киргизах» писал: «Грамотности нет и в помине, и поэтому, если случайно встретится личность, могущая с трудом разобрать только заголовок к первой странице Корана, то ее считают учнейшей из учнейших мира сего»⁸.

Согласно материалам статистики Туркестанского края в 1874 году в Пишпекском уезде на 73080 человек приходилось 130 грамотных, что составляло 0,3%. Иначе обстояли дела в Иссык-Кульском уезде, где на 39956 кочевников не было ни одного грамотного⁹.

Перепись населения Туркестанского края за 1897 год показала, что среди таджиков неграмотных было - 88,5%, казахов - 97,9%, узбеков 98,4%, туркмен - 99,3, %, киргизов - 99,4%¹⁰.

Оценка качества обучения и воспитания, проведенная комиссией по вопросам и разведке вне и внутри Туркестанского края в 1908 году, показала, что «в конфессиональных школах не давали не только политического, но и общекультурного развития»¹¹, что вовсе не являлось, как мы уже выяснили, непреднамеренным упущением держателей мектебов и медресе.

¹ Гейер И.И. Весь русский Туркестан / Издал С.Р. Конопка. - Ташкент: Типогр. «Турк. Т-ва печати, дела, 1908. - С. 47-48.

² Киргизская Советская Социалистическая Республика: Энциклопедия / Гл. ред. Б.О. Орузбаева. - Ф.: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1982. - С. 265.

³ Гейер И.И. Весь русский Туркестан / Издал С.Р. Конопка. - Ташкент: Типогр. «Турк. Т-ва печати, дела, 1908. - С. 50.

⁴ Джунушалиева Г.Д. Культурная политика государства в Киргизстане: этапы и пути реализации (вторая половина XIX в. - конец 30-х гг. XX в.). - Бишкек: Илим, 2005. - С. 33.

⁵ Гейер И.И. Весь русский Туркестан / Издал С.Р. Конопка. - Ташкент: Типогр. «Турк. Т-ва печати, дела, 1908. - С. 50.

⁶ Лыкошин Нил Сергеевич (1866-1922) - Археолог, автор до 800 научно-краеведческих статей и множества мелких газетных и журнальных заметок, корреспонденций, сообщений по различным вопросам жизни населения; один из осн. Туркестанского кружка любителей археологии (1895), Самаркандский военный губернатор.

⁷ Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. - Петроград, 1916. - С. 223.

⁸ Каразин Н.Н. Собр. соч. - Кн. 12. - Спб., 1904-1905гг. - С. 55.

⁹ Материалы для статистики туркестанского края. Ежегодник. / Под редакцией Н.А. Маева. - Издание туркестанского Статистического Комитета. - Вып III. - Спб, 1874. - С. 256-257.

¹⁰ Царская администрация в Туркестанском крае. - www.turkestan.ucoz.ru

¹¹ Джунушалиева Г.Д. Культурная политика государства в Киргизстане: этапы и пути реализации (вторая половина XIX в. - конец 30-х гг. XX в.). - Бишкек: Илим, 2005. - С. 33.

«Как выборное начало, так и назначение русской власти не нуждается в кандидатах из этих заведений. Знания их теряют цену... Принимая это во внимание, я думаю, что насколько опасно было бы насильственное упразднение туземной враждебной нам школы, настолько же полезно и выгодно нам заметное явное падение этой школы...»¹, - отмечал первый Туркестанский Генерал-Губернатор фон Кауфман во «Всепопданнейшем отчете».

Российское правительство отдавало себе отчет, что в том виде, в каком русская школа действовала внутри Империи, она не могла выступить в качестве альтернативы школам конфессиональным. Кроме того, в предположении, что, как остаток давней мусульманской старины, они не жизнеспособны и потому сами собою замрут, не имея в себе необходимых элементов для дальнейшего развития, Кауфман был убежден, что «мусульманство как догмат ничтожно и не представляет ничего опасного нашим целям»².

На позицию «строгого необходимого невмешательства»³ в деятельность конфессиональных школ, выбранную и далее отстаиваемую Кауфманом, позднее встанут и его преемники. Недооценка жизнеспособности исламской культуры отмечалась и некоторыми туркестанскими обозревателями-современниками. Так И.И. Гейер писал, что «...внешение света знания во мрак религиозного невежества пошатнет незыблемость положений Корана и его комментариев и тем самым решительно и раз навсегда подорвет престиж суеверий, которые с далеких времен положены в основу общественного строя добрых мусульман»⁴.

Расчет краевой власти на протяжении 60-ти лет на то, что без какого-либо ее вмешательства естественный ход времени и потребности жизни укажут недостатки мусульманского образования, как образования схоластического с отсутствующей в нем практической значимостью и сами повлекут его желательные изменения, можно определить как имперский по своей сути метод управления инородческим регионом, ставший частью внутренней политики российского правительства, частью модели народной колонизации.

Вопрос о распространении между туркестанскими туземцами европейских знаний довольно подробно обсуждался во второй половине XIX века на столбцах местных временных изданий. Излагавшиеся взгляды не отличались спектральностью и сводились к тому, что европейские знания должны проникнуть в среду туземцев исключительно на русском языке: «Образовательное дело является делом великим, делом первой государственной важности. Край в свое время, так или иначе, завоеван, и он становится не малою частицей нашего обширного отечества. Слияние, ассимиляция с метрополией здесь само собой подразумеваются. Но как достигнуть этого? Одно и главнейшее условие - возможно широкое распространение отечественного языка. Если бы туземцы, сарты и киргизы свободно заговорили по-русски, русское дело в крае можно было бы считать утвердившимся. Факт общепризнанный, что мы - духовные дети того государства, того народа, на языке которого мы говорим»⁵.

Жесткая, безыдейная, непродуктивная модель конфессионального образования явилась когда-то для киргизского народа исторической данностью, но не историческим выбором. Вероятно, в этом и крылся успех ее многовекового существования. Но какие

¹ Проект всепопданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 -25 марта 1881 г. / издание военно-ученого комитета Главного штаба. - С.-Петербург: Военная типография (в здании главного штаба), 1885. - С. 439.

² Там же.-С. 177.

³ Там же. - С. 440.

⁴ Гейер И.И. Весь русский Туркестан / Издал С.Р. Конопка. - Ташкент: Типогр. «Турк. Т-ва печати, дела, 1908. - С. 50.

⁵ Недерица Е. Обзор хода учения в вечерних курсах для взрослых туземцев, устроенных при мужских училищах Туркестанского края. //Туркестанские ведомости. - №41, 1885 г.-С. 181.

бы светлые перспективы ни пророчили царские власти туземцам, изучающим русский язык, какими бы благими намерениями ни руководствовались идеологи русской школы в Туркестанском крае, какие бы силы и средства они в это ни вкладывали, все это не вызывало отклика у туземного населения, «...оно к этому делу отнеслось враждебно»¹.

В 1870 году Туркестанский генерал-губернатор создал особую комиссию под председательством делопроизводителя особого отделения Канцелярии Генерал-Губернатора Бродовского, на которую было возложено обсуждение устройства учебной части в крае. Комиссия, руководствуясь преимущественно взглядом Кауфмана на постановку народного образования, изложила следующие положения:

1. «...развитие народного образования должно быть принято в направлении русских интересов, которые заключаются в развитии экономической стороны населения, его гражданственности и солидарности, его слиянии с основами русской государственной жизни ...»; 2. «... поставить народное образование в такие условия, при которых оно могло бы широко развиваться массы инороднического населения и не ограничиваться единичными личностями»; 3. «... религиозные убеждения туземцев должны оставаться без всякого посягательства и школа для туземцев отнюдь не должна иметь конфессионального характера»².

На основании высказанных положений в 1871 году комиссией был выработан проект устройства народного образования в крае и представлен Военному Министру для утверждения в законодательном порядке. Согласно ему особую группу школ представляли Народные школы двух типов - уездные народные школы с четырехлетним общеобразовательным курсом и с ремесленным классом и начальные школы грамотности для Туркестанских степей с кочующим населением³.

На последние Кауфман возлагал особые надежды. Согласно статистическим данным 1869 года, кочевое и полукочевое население в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях значительно преобладало над оседлым. Из общего числа народонаселения на долю кочевого приходилось 1.085.000 человек⁴. Они состояли из кара-киргиз (дикакокаменных киргиз) и казахов, которые объединялись под общим названием «киргизы» и представляли собой самостоятельную этнографическую группу. Последняя хотя и близка была сартам и татарам по происхождению и языку, но еще не забита одностороннею, исключительно религиозною мусульманскою школьною мудростью и потому жизнеспособна и восприимчива в отношении образования.

Кауфман признавал, что киргизский мусульманский тип существенным образом отличается от типа, к примеру, Казанско-Уфимского татарского, мусульманского оседлого, но все же решительно не совместим с пользами Российского Государства, потому что «он не обеспечивает народу развития, а власти уверенного спокойствия за мирное будущее кочевого народа, правильное устройство которого и доверчивое отношение к нашему господству гораздо более желательно даже, нежели умиротворение и сближение с русскими населения оседлого Туркестана... Киргизскую кочевую школу, опутанную татарскими и сартовскими верованиями, я желал бы видеть, и как можно скорее, школу киргизско-русскою...»⁵.

¹ Павлов Н. История Туркестана. В связи с кратким историческим очерком сопредельных стран. - Ташкент: Типография при канцелярии Туркестанского Генерал-Губернаторства, 1910. - С. 226.

² Очерк развития народного образования в туркестанском крае / Сост. Инспектор народных училищ Туркестанского края 1-го района С. Граменицкий. - Ташкент: Типо-Литография «торг. дома «Ф. и Т. Бр. Каменские», 1896. - С. 4.

³ Там же. - С. 6.

⁴ Русский Туркестан. Сб. изданий по поводу Политехнической выставки. Вып. I География и статистика / Под ред. Н.А. Маева. - М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1872. - С. 123.

⁵ Проект всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 - 25 марта 1881 г. / издание военно-ученого комитета Главного штаба. - С.-Петербург: Военная типография (в здании главного штаба), 1885. - С. 436.

Первая русско-туземная школа на территории Киргизии открылась в октябре 1884 года в селе Каракониз вблизи города Токмак. В школе обучались 23 учащихся, из них 20 дунган и 3 киргиза. Вторая школа открывается в 1887 году в городе Ош с 11 учащимися¹.

Вот что писали по этому поводу «Вести Туркестана»: «15 января 1887 года в небольшом городе Ош открылась русско-туземная школа. В этот день в школу явились 11 учащихся, но уроков не было. Класс был оборудован партами, столом и стулом для учителя, на стене - классная доска, географическая карта и другие плакаты. Множество жителей не давали возможности учащимся для занятий, всем было интересно посмотреть на внутрь класса. Уходя, жители обещали привести в школу своих детей. Учеба началась 16 января 1887 года»².

Первым директором этой школы стал полковник Федор Баранов, назначенный на эту должность по рекомендации Константина Кауфмана. Школу так и называли «Школой Баранова», хотя официально она именовалась «Ордо».

Преподавание в русско-туземных школах велось по программе, утвержденной в 1887 году. Учебными предметами в них служили разговорный русский язык, чтение и письмо по-русски, арифметические действия с целыми числами, ознакомления с важнейшими событиями из русской истории и с важнейшими географическими сведениями.

При открытии первых русско-туземных учебных заведений местное население поспешило заявить, что для них неудобна русская школа, потому что, отдавая своего сына в русское училище, туземец должен оставить его без религиозного образования, какое мальчик получает в мектебе. «Это заявление вызвало с нашей стороны компромисс, - пишет инспектор народных училищ Туркестанского края С. Граменицкий, - и мусульманский «мактабдар» водворился в русско-туземном училище рядом с русским учителем»³.

С педагогической точки зрения, дипломатичный шаг, на который пошли колониальные власти, привитию туземным мальчикам знаний русского языка не способствовал, а только вредил: «... Как только прошли установленные часы занятий в русском классе, мальчики переходят в соседнюю комнату, поступая в распоряжение туземного учителя... В часы занятий с туземным учителем мальчики совершенно отрешаются от того, что старался преподать им русский учитель. Обстановка туземного класса почти ничем не отличается от туземного мактаба, только в комнате сделаны окна и двери, кирпичный пол устлан войлоками и стены выбелены. Ученик, пользовавшийся в русском классе принятыми в нашей школе ученическими партами, садится здесь на землю, учебных пособий никаких нет и преподавание ведется по старинному способу... Конечно, русского языка здесь нет и в помине, ученик, запомнивший в русском классе несколько слов, тотчас же забывает их...»⁴.

Однако факт этот служит заверением в нелепости по сей день бытующих мнений о некогда всеобъемлющей экспансии русского языка в Центральной Азии по отношению к языкам туземным и вытеснении национальных культур в крае⁵.

Спустя 7 лет со дня открытия Ошской русско-туземной школы на территории современной Киргизии открывается русско-туземная школа в селе Мариниек Каракольского уезда, в 1899 году три школы в Пишпекском уезде - Сукулукская, Тынаевская, Джумгальская⁶.

¹ Айтмамбетов Д. Дореволюционные школы в Киргизии. - Фрунзе, 1961. - С. 55.

² Русские в Туркестане. От ликбеза к открытиям чудным. - <http://www.dipkurier.narod.ru/index.htm>

³ Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. - Петроград, 1916. - С. 230

⁴ Там же. - С. 231

⁵ В 90-х годах XIX века краевой администрацией были сделаны попытки чтений для туземцев на их языке, а комиссия народных чтений возбуждала вопрос о переводе на туземный язык таких сочинений, которые могли бы ознакомить туземцев с явлениями видимого мира, распространить в народе полезные сведения и поддержать национальный язык. Однако туземное население осталось равнодушным к подобного рода просветительской деятельности.

⁶ Измайлов А.Э. Очерки по истории советской школы в Киргизии за 40 лет. - Фрунзе, 1957. - С. 34.

Ежегодник Семиреченской области за 1903 год особо отмечает русско-туземную школу в селе Большой Токмак для разночинцев - детей торговцев этого местечка, в наибольшей степени отвечавшей своему назначению. К январю 1904 года в ней состояло 56 учеников, из которых 52 магометанина и 4 православных. В Сукулукской школе к январю 1904 года было 30 учеников, но из них только 5 туземцев, а остальные 25 православных, в их числе 7 девочек, дети крестьян села Ново-Троицкого. В Джумгальской же школе, открытой в центре кочевков загородных волостей Пишпекского уезда, совершенно не было в отчетном году учащихся¹.

Причину нерегулярного и безынициативного посещения туземцами школ краевая администрация объясняла, в первую очередь, недостаточным, на ее взгляд, обеспечением с материальной стороны, не позволявшим проводить основательный ремонт в учебных помещениях. Чтобы понять безосновательность этого предположения, достаточно было заглянуть в туземную альма-матер. Вот что по этому поводу пишет исследователь быта киргизов Н.С. Лыкошин: «Обстановка классных занятий вызывает в случайном посетителе мусульманской школы одно лишь недоумение. Кажется совершенно невероятной возможность круглый год учить детей, самого нежного возраста, в сложенном из комков глины здании, где нет ни плотно закрывающихся дверей, ни оконных рам, где зимой так же холодно, как на дворе, но воздух гораздо хуже наружного, потому что насыщен миазмами не проветриваемых сырых стен и полон пыли, поднимаемой ногами учеников с земляного пола. Маленькая темная комната вмещает в себе 30-40 учеников; классной мебели не полагается; ученики располагаются прямо на сырой земле, подстлав под себя тонкую камышовую циновку»².

Спартанские условия обучения в конфессиональных школах несколько не смущали туземцев и не тормозили с каждым годом все увеличивающийся в них приток учащихся. По сведениям волостной администрации в 1903 году кочующих мулл только в Семиреческой области насчитывалось 281 (до революции в Киргизии учителей русских школ всего насчитывалось 216³), а число учащихся у них равнялось 4.608 человек⁴. Между тем, количество учащихся русских учебных заведений всего Туркестанского края в 1905 году составляло 2.552 человека⁵.

Мусульманское духовенство вело активную пропаганду против правительственных школ. Многие родители, опасаясь, что в государственной школе детей отучат соблюдать традиции, хранить исламскую веру и почитать родителей, продолжали давать детям традиционное мусульманское образование⁶. Как указывает Граменицкий, бывали даже случаи, что, побуждаемые к этому местной администрацией, родители нанимали посторонних мальчиков, которые поступали в школы под именем других детей⁷.

В некоторых местностях, как стало известно, был распространен слух, будто русско-туземные школы стали открываться с единственной целью - научить детей грамоте для подготовки их, таким образом, в солдаты. Пресса на подобного рода разговоры реагировала однозначно: «Туземцы, боятся военной службы - это понятно. Также понятно и то, почему, пользуясь таким страхом, недоброжелатели русского влияния, процветания и просвещения, туземцы-фанатики пускают в ход и распространяют между туземцами всякие небылицы. И неудивительно, что темный народ верит всякому вздору. Нужно бы

¹ Обзор Семиреченской области за 1903 год. (Приложение ко всеподданнейшему отчету). - Верный, 1904. - С. 49.

² Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. - Петроград, 1916. - С. 224.

³ Киргизская Советская Социалистическая Республика: Энциклопедия / Гл. ред. Б.О. Орузбаева. - Ф.: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1982. - С. 266.

⁴ Обзор Семиреченской области за 1903 год. (Приложение ко всеподданнейшему отчету). - Верный, 1904. - С. 53.

⁵ Гейер И.И. Весь русский Туркестан / Издал С.Р. Конопка. - Ташкент: Типогр. «Турк. Т-ва печати, дела, 1908. - С. 50.

⁶ История народов Узбекистана. - Том II. - Ташкент, 1947. - С. 329.

⁷ Очерк развития народного образования в туркестанском крае / Сост. Инспектор народных училищ Туркестанского края 1 -го района С. Граменицкий. - Ташкент: Типо-Литография «торг. дома «Ф. и Т. Бр. Каменские», 1896. - С. 45.

возможно чаще и при всех удобных случаях выяснять, что школы даются им не для того, чтобы сделать туземцев солдатами. Русское правительство берет в солдаты и грамотных и неграмотных - кому очередь пришла. И где воинская повинность установлена. Это одно уже наглядно доказывает, что училища существуют не для военных целей»¹.

В конце 1891 года Туркестанский Генерал-губернатор барон Б.А. Вревский в циркуляре своем на имя военных губернаторов областей края писал: «Предполагать и надеяться, что жители Туркестанского края сами сознают пользу и почувствуют удовольствие от изучения русского языка, от тех знаний, которые сообщаются в русско-туземных школах, значило бы оставлять дело в обычной косности, надолго задерживать обрусение или духовное общение средне-азиатской окраины с русской народностью и тем самым затруднять слияние этой окраины с империей. С другой стороны, привлечение туземных детей в школу только через посредство волостных управителей и аксакалов не приводит к желанной цели: дети, приступая к учению не по желанию родителей или родственников, а по внешнему понуждению, учатся неохотно, подневольно и безуспешно. Способ этот не соответствует достоинству русской школы и русского правительства. Настало время поставить дело так, чтобы в русской, и только в русской, школе туземцы видели носительницу и насадительницу знаний, необходимых для всякого рода общественной службы и деятельности, чтобы знали о неприложимости к настоящему государственному и общественному строю их быта тех знаний, которые выносятся из мадрасы и мактаба.

Для подготовки к разнообразным службам, ученикам русско-туземных школ, смотря по местным условиям, следует сообщать главнейшие сведения и умения, необходимые для выполнения культурных работ и для правильного наблюдения за ними.

Сообщая о вышеуказанном, имею честь просить Ваше Превосходительство неотложно принять меры к тому, чтоб отныне туземцы, знающие русский язык, избирались и назначались на должности и службы предпочтительно перед незнающими его и чтобы сущность настоящего распоряжения возможно чаще была оповещаемая и уясняема населением вверенного мне края»².

Этим распоряжением русско-туземная школа возводилась в приоритетное учебное заведение, выступающее гарантом получения ее выпускниками должностей в туземной администрации, но, в действительности, считать это заведение достаточным для подготовки будущих служащих было бы неправильным. В том же циркуляре констатируется факт, что школы посещаются детьми туземцев неохотно и что даже самые усердные ученики русско-туземных школ, не имея дома никакой практики даже разговорной речи, быстро забывают и то немного, что они выносят из школы по части знания русского языка.

Наиболее просвещенные туземцы отлично понимали, что дети их без практики позабудут русскую грамоту и всеми силами старались пристроить своих сыновей куда-нибудь в такое правительственное или общественное учреждение, где мальчик мог бы заниматься письмом по-русски.

Приведенное выше распоряжение главного начальника края действовало на протяжении семи лет, между тем в составе должностных лиц туземной администрации знающих русский язык было сравнительно немного.

Вторично со стороны высшего областного начальства было сделано распоряжение, направленное к распространению между туземными лицами знание русского языка в том же 1891 году, но совершенно иного характера. Генерал-Губернатор Гродеков отдал при-

¹ Недерица Е. Обзор хода учения в вечерних курсах для взрослых туземцев, устроенных при мужских училищах Туркестанского края. // Туркестанские ведомости. - №41, 1885 г. - С. 181.

² Лыкошин Н. Казни (народные суды). Бытовой очерк оседлого населения Туркестана // Русский Туркестан. Сборник. - Т.1. Приложение к газете «Русский Туркестан». - Ташкент: Типография «Русский Туркестан», 1899. — С. 22.

каз, чтобы должностные лица туземной администрации постепенно перешли к ведению служебной переписке на русском языке.

До 1 июля 1892 года разрешалось представлять служебные бумаги, написанные по-мусульмански, с точным переводом мусульманского текста на русский, а с 1-го июля 1892 года мусульманский язык предлагалось в служебной переписке оставить совсем.

Эта мера произвела на туземцев большое впечатление. Особенно народные судьи призадумались над тем, как им выйти из затруднительного положения. Ослушаться приказа было нельзя, а найти подходящее лицо для изложения служебных бумаг на русском языке было очень трудно. Народные судьи остановились на мысли, как можно скорее подготовить на должности секретарей по русскому языку своих взрослых сыновей или родственников, то есть таких лиц, которых они до издания распоряжения и не думали обучать русскому языку.

Пошли расспросы, где найти учителя, способного в возможно короткий срок научить молодого туземца грамоте, а вопрос о дороговизне вознаграждения учителю даже не поднимался. Раньше и в бесплатную русско-туземную школу не хотели отдавать своих сыновей.

Распоряжение, очевидно, поставило должностных лиц из туземцев в безвыходное положение, и результаты получились бы блестящие, но 24 июня 1892 года случились в Ташкенте беспорядки, начальство поменялось, и вопрос о ведении служебной переписки на русском языке остался открытым, а распоряжение военного губернатора понемногу забылось. Так и эта, вторая мера, не привела к желаемому результату¹.

В истории привлечения туземцев в русские школы имела место и идея, что за знание русского языка надо платить туземцам деньги - установить соответствующую премию². Однако, реализоваться ей было несуждено.

Позднее подвергнув складывающуюся ситуацию скрупулезному анализу, царская краевая администрация взяла на вооружение довод о том, что отсутствие прогресса в образовательном деле связано с образом жизни кочевого населения, а именно с отдаленностью русско-туземных школ от зимовок родителей учащихся. Ежедневные поездки для последних представляли большое затруднение.

По соглашению местной администрации с Главным Управлением учебными заведениями в 1903 году было решено «Джумгальскую школу, как совершенно бесполезную, закрыть, а отпускаемые на содержание ее средства употребить для устройства интерната для киргизских детей при Пишпекском городском училище; устроить интернаты при Сукулукской и Тынаевской школах; учредить небольшой интернат при Пржевальском городском училище...»³.

По данным Семиреченского ежегодника за 1904 отчетный год, идея устройства интернатов при русско-туземных школах, признанная в 1903 году единственной мерой к более успешному привлечению в эти школы детей туземцев, отчасти оправдала себя. Интернаты были открыты при Сукулукской и Тынаевской русско-туземных школах в Пишпекском уезде и при Пишпекском и Пржевальском городских училищах; кроме того, была открыта русско-туземная школа с интернатом в слободке Атбашинской Пржевальского уезда. Всего в интернатах было помещено 85 воспитанников⁴.

Как свидетельствовал Гейер И.И., «практические результаты обучения побуждают туземцев ходатайствовать об открытии новых школ, причем они охотно берут на себя

¹ Лыкошин Н.С. Казни (народные судьи). Бытовой очерк оседлого населения Туркестана // Русский Туркестан. Сборник. - Т.1. Приложение к газете «Русский Туркестан». - Ташкент: Типография «Русский Туркестан», 1899. - С. 29.

² Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. - Петроград, 1916. - С. 31.

³ Обзор Семиреченской области за 1903 год. (Приложение ко всеподданнейшему отчету). - Верный, 1904. - С.50.

⁴ Обзор Семиреченской области за 1904 год. (Приложение ко всеподданнейшему отчету). - Верный, 1905. - С.107.

расходы по их содержанию, несмотря на то, что содержание русско-туземной школы обходятся дороже просто школы туземной. Особенно понравился этот тип школы киргизам, которые содержат за свой счет не только школы, но и интернаты при них.

Состояние русско-туземных школ в коренных областях Туркестанского края (1905 год)

Название области	Число школ	Число учащихся	Стоимость содержания	
			На счет правительства	На счет пожертвований от населения
Сыр-Дарьинская	27	787	8.061	16.624
Семиреченская	15	517	19.379	8.176
Ферганская	10	877	7.969	7.849
Закаспийская	4	93	4.072	7.359
Самаркандская	12	278		6.5201

В 1906 году открыты две новые школы с интернатами в городе Пржевальске на 50 человек и в селе Покровском Пржевальского уезда на 20 учеников. В первую школу поступило 53 ученика, во вторую 15. В остальных уездах области открытие русско-туземных школ с интернатами еще не последовало, так как киргизы этих уездов неохотно согласились на ассигнование нужных на это средств¹.

В 1911 г. в первые были открыты женские русско-туземные школы в Токмаке и Пржевальске. К 1914 г. на территории Киргизии функционировали следующие русско-туземные школы: Таласская, Пишпекская, Токмакская первая, Токмакская вторая, Александровская, Сокулукская, Тынаевская, Каракольская первая, Каракольская вторая, Нарынская, Атбашинская, Сазановская, Покровская, Кетмен-Тюбинская и Ошская². К 1917 году имелось уже 17 русско-туземных школ и два интерната при Пишпекском и Пржевальском городских училищах, в которых обучалось около 800 учащихся³.

Царская власть в очередной раз продемонстрировала гибкость и благонамеренность проводимой ею в крае политики и являла населению русского Туркестана и всему европейскому миру пример цивилизованного подхода к выстраиванию межнациональных отношений на образовательной основе.

Достаточно обеспечив доступ к образованию туземцев школьного возраста в крае, необходимо было позаботиться и о взрослом населении. Вот при каких обстоятельствах возникли вечерние курсы: «По параграфу 47 положения о городских училищах, при них, а равно при приходских училищах, в силу параграфа 51 инструкции для инспекторов народных училищ Туркестанского края, устраиваются вечерние или воскресные курсы для взрослых, в которых преподают учителя сих училищ, за особое вознаграждение⁴.

Опыт показывал, что вечерние курсы могли быть весьма полезны для торгового люда из туземцев, которые, стремились выучиться говорить, читать, писать и считать по-русски (известно, что русских покупателей бывает больше у тех торговцев из туземцев, которые говорят по-русски, да иначе быть не может), а с другой стороны - зная, что вся-

¹ Обзор Семиреченской области за 1905год. (Приложение ко всеподданнейшему отчету). - Верный, 1906. - С.113.

² Данияров С. О прогрессивном значении русской культуры в развитии культуры киргизского народа в конце XIX - нач. XX вв. Ф., 1964. С. 19-20.

³ Административное устройство, оседлые пункты и кочевья волости Семиреченской области. Издание Семиреченского статистического комитета. (По сведениям на 1-е января 1913г.) / Сост. член-секретарь Статистического Комитета В.Е.Недзведский. - Верный, 1913. - С.1.

⁴ Недерица Е. Обзор хода учения в вечерних курсах для взрослых туземцев, устроенных при мужских училищах Туркестанского края. // Туркестанские ведомости. - №41, 1885 г. - С. 178.

кий труд только тогда производителен, когда он должным образом оплачивается, учебное начальство ходатайствовало перед господином Главным Начальником края об ассигновании из городских сумм по 400 рублей ежегодно на каждое училище, с целью учреждения вечерних курсов для взрослых. По постановлению учительского съезда, происходившего в 1884 году и с разрешения господина Главного Начальника края, часть в 100 рублей расходуется на приобретение необходимых письменных и учебных пособий; другая - в 300 рублей - на вознаграждение преподавателей за занятия на вечерних курсах, по 25 рублей в месяц.

Программа, практиковавшаяся на вечерних курсах, включала следующие предметы: 1) изучение разговорного русского языка; 2) чтение и письмо по-русски; 3) обучение счислению на русских торговых счетах; 4) первая часть арифметики. В зависимости от успехов обучающихся, преподаватели раздвигали рамки данной программы.

Из имеющихся данных на территории современной Киргизии вечерние курсы были открыты в Ошском городском училище в 1884 году. Первыми слушателями вечерних курсов на 1884 год стали 9 учеников в возрасте от 12 до 29 лет. По окончании этой школы выпускники хорошо читали и писали по-русски, считали до 30 и умели складывать и вычитать числа в пределах первого десятка. Посещение курсов взрослыми туземцами оставляло желать лучшего.

Интересным является факт того, что на курсах при 15 училищах к концу 1884-85 учебного года было 179 учащихся туземцев, из которых не было ни одного киргиза¹.

В конце XIX века в крае стали распространяться низшие ремесленные и сельскохозяйственные училища. Школы эти имели особое назначение. Как указывал С. Граменицкий, «в видах народной экономии и богатства желательно было бы поднять познания в этой области на такую высоту, чтобы они не только вполне удовлетворяли потребность местного населения, но и давали ему заработок при сбыте своих изделий в город»².

С другой стороны, обучение ручному труду рассматривалось как один из методов, посредством которого можно было ускорить процесс освоения туземцами русского языка. О том, как реализуется этот метод и каковы его достоинства, подробно описывалось на страницах научных сборников: «Преподавателю ручного труда придется сделать во время занятий много самых разнообразных объяснений, относительно формы изделий, материала, из которого они будут вырабатываться, объяснять словами и показывать собственным своим примером употребление инструментов и прочее. При этом все словесные объяснения будут связываться с понятиями, усвоенными учениками путем непосредственного восприятия; а при этих условиях первые прочно залягут в памяти учеников»³.

Как видим, распространение сельскохозяйственных знаний и проведение рациональных приемов сельскохозяйственной культуры в среду крестьянского населения туркестанского края отвечало запросам времени. На территории Киргизии сельскохозяйственные школы были открыты в конце XIX века в Пишпекке и Пржевальске.

В Пишпекской сельскохозяйственной школе в 1903 году обучалось 23 ученика (из них 7 киргизов), из которых 1 окончил курс. Так как школа помещалась в центре города Пишпекка, в городском саду, то к числу главнейших предметов, которые в ней преподаются, были отнесены: садоводство и огородничество и практическое обучение рациональной эксплуатации продуктов этих отраслей хозяйства, таких как сушка плодов и овощей,

¹ Недерица Е. Обзор хода учения в вечерних курсах для взрослых туземцев, устроенных при мужских училищах Туркестанского края. // Туркестанские ведомости. - №41, 1885 г. - С. 179.

² Очерк развития народного образования в туркестанском крае / Сост. Инспектор народных училищ Туркестанского края 1-го района С. Граменицкий. - Ташкент: Типо-Литография «торг. дома «Ф. и Т. Бр. Каменские», 1896. - С. 55.

³ Иванеев Г. О введении в курс наших училищ ручного труда и о постановке обучения ремеслам в учебных мастерских, при училищах // Сборник сведений о Передней Азии и русском Туркестане. - Ташкент, 1889. - С. 16.

приготовление консервов и прочее. Знакомились также ученики с рациональным приемом пчеловодства и шелководства¹.

Также при Ошском и Пишпекском городских двухклассных училищах существовали ремесленные классы. Устройство систематических курсов ручного труда в них было затруднено отсутствием в крае лиц, которые были бы способны вести обучение.

В приказе, изданном генерал-губернатором Самсоновым после объезда в 1910 году учебных заведений Чимкентского и Аулиетинского уездов Сыр-Дарьинской области и Семиреченской области, предоставлена следующая информация: «Пишпекское городское училище в неудовлетворительном состоянии, сведения учеников поразительно малы и слабы, гимнастика в зачаточном состоянии, неудовлетворительное состояние училища объясняю несовершенством педагогического персонала... В Пишпекской школе садоводства подготовка по специальностям слаба. Самый важный недостаток - малое общее развитие, а между тем дети выходят из школы прямо на практическую деятельность в жизнь, и общее развитие им необходимо...»².

Недостаток в учителях являлся ощутимым препятствием в становлении русских школ разных типов для туземного населения. Главный Инспектор училищ Туркестанского края 8 февраля 1910 г. писал Инспектору народных училищ Семиреченской области 2-го района: «Приискание для училищ полноправных учителей являлось и является предметом прямой и постоянной заботливости Управления учебными заведениями Туркестанского края, но, к сожалению, приискание учителей последней категории с институтским образованием является очень затруднительным, так как таковых далеко недостаточно и для городских училищ Европейской России, в районах которых имеются свои учительские институты»³.

Кандидатура учителя русско-туземной школы должна была устраивать и киргизов и власть, которая надеялась, что учитель сможет отвлечь киргизскую молодежь от мектебов и мулл, тормозивших распространение российского имперского подданства. Обязательной для такого учителя была подготовка в русифицированных учебных заведениях.

Единственным в Туркестанском крае учреждением, которое выпускало опытных, подготовленных к педагогической деятельности учителей⁴, была Ташкентская учительская Семинария. В курс ее было введено изучение наряду с русским - узбекского и таджикского языков, математики, физики, естествознания, всеобщей истории, исламоведения, географии, педагогики, музыки, основных начал сельского хозяйства, а также ремесел: столярно-токарного, переплетного и садоводства. Но по числу выпускаемых ежегодно воспитанников она не могла удовлетворять потребность в учителях в крае: за 35 лет (с 1879 по 1914 гг.) ее окончили 455 человек, в том числе 53 туземца. Среди них не было ни одного киргиза⁵.

Между тем, из числа 191 лица, занимающего к первому января 1896 года учительские должности в Туркестанском крае, 26 получили высшее образование, 40 имели свидетельства на звание домашних наставниц и учительниц, 19 окончили курс в учительских институтах со званием учителей городских училищ, 10 имели свидетельства на звание уездных учителей, 4 - свидетельства об окончании курса в специальных училищах рисо-

¹ Обзор Семиреченской области за 1903 год. (Приложение ко всеподданнейшему отчету). - Верный, 1904. - С.52.

² ЦГА КР. Ф. И-86. Оп. 1. Д.-28. Л. 2.

³ ЦГА КР. Ф. И-7. Оп. 1. Д.-19 Л. 124.

⁴ 17 августа 1883 года Главным Инспектором народных училищ был выпущен циркуляр об обязанности, вменяемой все учителям русско-туземных школ, изучать местные наречия. - Недерица Е. Обзор хода учения в вечерних курсах для взрослых туземцев, устроенных при мужских училищах Туркестанского края. // Туркестанские ведомости. - №41, 1885 г. - С. 181.

⁵ Киргизская Советская Социалистическая Республика: Энциклопедия / Гл. ред. Б.О. Орузбаева. - Ф.: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1982. - С. 266.

вания, 91 - свидетельства на звание учителя или учительницы начального училища и 1 лицо домашнего образования¹.

На 1 января 1914 года в Пишпекском уезде укомплектованность педагогическими кадрами государственных школ для туземцев была представлена следующим образом:

Пишпекское трехклассное городское училище		
П. Масленников	Учитель-инспектор	Окончил Санкт-Петербургский Учительский институт
Отец Александр Никольский	Законоучитель	Окончил курсы в Новгородской духовной семинарии
В. Кононов	Учитель	Окончил курсы Санкт-Петербургского Учительского института
В. Засухин	Учитель	Учитель уездного училища
С. Лазовых	Учитель	Учитель уездного училища
Русско-туземный интернат при городском училище		
В. Кашилов	Временно исполняющий должность первого надзирателя	Окончил курсы Санкт-Петербургского Учительского института
С. Гузий	Второй надзиратель	Учитель начального училища
Токмакское двухклассное русско-туземное училище		
А. Бочкарев	Заведующий	Учитель начального училища
Мулла Мухаммед Салих Исмаилов	Вероучитель	
Каракунuzское русско-туземное училище		
Орлов	Заведующий	Окончил Верненские педагогические курсы
Вероучитель - вакансия ³		
Александровское русско-туземное училище		
И. Литвинов	Заведующий	Учитель начального училища
Мулла Мумуза Мандыкуев	Вероучитель	
Токмакское женское русско-туземное училище		
В. Волоцкая	Заведующая	Учитель начальных училищ
Г. Вагапова	Вероучитель	
Тынаевское русско-туземное училище с интернатом при нем		
И. Пономарев	Заведующий	Окончил Верненские педагогические курсы
Мула Назметдин Салихов	Вероучитель	
Дюр Саурамбаев	Почетный блюститель	
Сукулукское русско-туземное училище с интернатом при нем		
А. Сапожников	Заведующий	Учитель начальных училищ
Мулла Сулейманкулов	Вероучитель ⁴	

¹ Очерк развития народного образования в туркестанском крае / Сост. Инспектор народных училищ Туркестанского края 1-го района С. Граменицкий. - Ташкент: Типо-Литография «торг. дома «Ф. и Т. Бр. Каменские», 1896. - С. 28.

Проблемы, с которыми сталкивалась местная администрация в своей самостоятельной по сути образовательной деятельности в крае, возникали в первую очередь по причине переоценки своих возможностей. Как отмечал Венюков М., «медленному или слишком поверхностному привитию среднеазиатским нашим подданным начал европейского образования удивляться нельзя. Мы сами в этом ушли недалеко, как бы можно желать»¹. Согласно отчету Министерства Народного Образования, относящемуся к 1891 году, во всей Российской Империи народных училищ ведомства министерства было 27.101 (1050 двухклассных и 25051 одноклассных)². В это же период в Туркестанском крае уже существовало 11.412 конфессиональных школ³.

Особое внимание необходимо было уделять школам для детей русских переселенцев, которые в дальнейшем должны были стать продолжателями культурной колонизации края. Согласно данным К.Е. Бендрикова, перед революцией охват начальным образованием русских детей в возрасте от 8 до 11 лет составлял в Семиреченской области около 60 %⁴.

Ограниченное финансирование, нехватка специалистов, незнание специфики региона, инертность местных чиновников и отсутствие на протяжении длительного периода централизованного подхода к решению проблем в постановке школьного дела - не позволяли в полной мере продемонстрировать местному населению приоритетность обучения русскому языку.

Однако неоспоримым является факт того, что именно в эти 60 лет имперского периода в истории киргизского народа произошел генезис первичной, или начальной, пророссийской системы образования на исламской почве, создавшей основу для строительства более высоких уровней государственного образовательного института и сформировавшей ядро местной проправительственной номенклатуры и лояльной интеллигенции.

Ценным является все же другое: выстраивая систему взаимоотношений с традиционным киргизским обществом и постепенно трансформируя его, используя при этом гибкие формы образовательной деятельности, самодержавие лишь способствовало сохранению киргизским народом собственной национальной идентичности и национального языка в условиях его интеграции на рубеже XIX-XX веков в экономическое, политическое и культурное общероссийское пространство.

¹ Венюков М.И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. - СПб., 1877. - С. 160.

² Современное положение народного образования в России. - <http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php>

³ Гейер И.И. Весь русский Туркестан / Издал С.Р. Конопка. - Ташкент: Типогр. «Турк. Т-ва печати, дела, 1908. - С. 50.

⁴ Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865-1924 годы). - М.: Изд. Акад. пед. наук РСФСР. - С. 289.

Русские в создании театрального искусства в Киргизстане¹

*И.Е. Голочалова, руководитель литературно-драматической части
Государственного театра кукол им. М. Жангазиева*

Русские в Киргизстане могут по праву гордиться тем, что принесли на эту землю, дали талантливому в художественном отношении, но долгими веками развивавшемуся изолированно от цивилизованных потоков художественной культуры народу, возможность так быстро и так многообразно усвоить столетиями накопленные в Европе и в России теоретические и практические знания и умения.

Освоение передовой русской художественной культуры, через нее - европейского и мирового опыта, обеспечило быстрый рост киргизского искусства. С помощью русских педагогов, режиссеров, художников, композиторов, через пьесы русской и советской драматургии, переводы на киргизский язык лучших произведений мировой драматургии, осуществленные с русских текстов, пришло на театральную сцену Киргизстана настоящее мастерство. Внедрение методов актерской игры и режиссуры по «системе Станиславского», методик отбора и воспитания актеров, основ управления и организации театрального дела, наконец, его этических основ позволило создать ту высококачественную «школу», которой успешно сегодня живет театральное искусство Киргизстана.

«Школу» разрушить не так уж трудно. Приведу печальный пример. В Душанбе после трагических событий 1990-х гг. практически прекратил свое существование Русский драматический театр им. В.Маяковского. В труппе осталось 3-4 артиста.

В 2001 г. возрожденный «из руин» театр приехал в Санкт-Петербург на Международный фестиваль «Встречи в России». Его художественный руководитель рассказывал на пресс-конференции о том, как вот уже несколько лет он, ставший по своей инициативе театральным педагогом, пытается возродить театр. Эта идея была поддержана общественностью республики. Правительство Таджикистана сначала открыло актерский курс, на который пришли, чтобы играть спектакли на русском языке молодые таджики. И вот завершено обучение, правительство находит спонсоров, субсидирует поездки и всячески заботится о молодом коллективе, но... театроведы Москвы и Петербурга с горечью констатируют: «Это не искусство. Да, ребята способные, но искусства нет совсем».

Гражданская война уничтожила не только полноценно укомплектованную труппу, режиссерскую команду, она разрушила единство театральных поколений, спаянных традициями, преемственностью. Автоматная очередь - и нет театра. Тогда актриса этого театра, с двумя детьми, без вещей, «с одной авоськой», оказалась в Бишкеке и пришла в Русский театр драмы к своим бывшим однокурсникам. Ей помогли.

Русский театр в Киргизии в самые тяжелые времена после распада Союза оставался верен художественным и этическим принципам. Его называли самым стабильно работающим театром республики. Недавние гастроли театра в Новосибирске, Томске, Москве и Санкт-Петербурге приятно удивили российских театралов, он ярким явлением вошел в первую

¹ Литература:

1. История советского драматического театра. - М.: Наука, 1966-1970. - Т. 1,2.
2. Кочнев Д. Огни театра. - Фрунзе: Киргизстан, 1976.
3. Львов Н. Киргизский театр. Очерк истории. - М.: Искусство, 1953.
4. Русский драматический театр имени Н.К.Крупской/Сост. Кочнев Д. - Фрунзе, 1958.
5. Лещенко Ф.А. Киргизский государственный драматический театр. - Фрунзе, 1958.
6. Джумабаев Б. Жизнь на сцене. - Фрунзе: Киргизстан, 1976.
7. Сырымбетов А. Киргиз куурчак театры. - Фрунзе: Адабият, 1989.

десятку среди 80 Русских театров СНГ. Он стал примером для мировой общественности как образец дружбы между народами и внимания власти к русской культуре. Одновременно Русский театр в постсоветский период создавал здоровую художественную конкуренцию киргизским театрам, став неотъемлемой частью театрального процесса Киргизии.

«Для современного жителя столицы Киргизии трудно себе представить, как выглядел дореволюционный Пишпек. .. По грязным улицам захолустного поселка иногда двигались фургоны с приезжими артистами. Фокусниками и бродячими циркачами. Народ сбегался толпами на такое зрелище. Балаганные остроты, нехитрые трюки с цветными лентами и картами - все-таки это было увлекательно на фоне беспроектной провинциальной скуки. В уездном городке Пишпек было свое миниатюрное «общество»: маленькие чиновники, учителя, телеграфисты устраивали иногда любительские спектакли, ставя старинные водевили или сцены из украинских оперетт. Эти спектакли и представляли все пишпекское «искусство» того времени», - пишет Дмитрий Кочнев, один из известных исследователей театра в Киргизстане.

Что и говорить: вместе с русскими в Киргизию пришел театр. До революции в Пишпек, Пржевальске интеллигенция увлекалась драматическим искусством, ставила любительские спектакли, удивляя публику изысканностью вкуса и профессионализмом. Еще большим стало увлечение театром в 1920-е гг., когда в Среднюю Азию стали приезжать многочисленные полупрофессиональные и профессиональные труппы. Диковинка не оставляла никого равнодушным.

Под впечатлением русского самодеятельного искусства первый спектакль на киргизском языке, поставленный учителем О.Лепесовым, был сыгран 6 февраля 1920 г. в школе с. Чолпон близ Пржевальска. Опыт Пржевальских театралов подхватил театральный кружок Киргизского педагогического техникума в Пишпек. Именно здесь сделали свои первые шаги будущие именитые киргизские композиторы, драматурги режиссеры, актеры: Абдылас Малдыбаев, Касымалы Джантошев, Анвар Куттубаева.

Театральная жизнь постепенно становилась неотъемлемой частью быта киргизстанцев. Летом 1926 г. в г. Фрунзе выступали украинская и русская труппа, зимой 1926-1927 гг. играл театр миниатюр. Приезжали такие труппы и в Каракол, ставший в то время одним из основных культурных центров Киргизии, имевший специальное театральное здание. В летние каникулы в Каракол съезжались студенты-киргизы, повидавшие спектакли в Ташкенте и Алма-Ате. Они ставили на сценах сценки, расширяя сеть поклонников театра. Развитие школьной и студенческой самодеятельности, знакомство с русскими театральными труппами предопределило создание в Киргизии профессионального театра.

11 октября 1926 г. агитпром Киробкома ВКП (б) принял постановление об образовании национальной студии для подготовки работников театра, в которой уже 2 ноября 1926 г. начались учебные занятия.

Значительные трудности возникли перед Облполитпросветом, когда стали подыскивать руководителя студии. Своих кадров не было. Задача руководства национальной студией была возложена на приглашенного актера и режиссера русской оперы, игравшего в свое время в Ташкенте и Алма-Ате, Н.Н.Еленина. Он оказался замечательным организатором, человеком с инициативой, обладал большой художественной культурой. Н.Н.Еленин серьезно увлекся студией и заложил крепкие основы киргизского национального театра. В сезон 1926-1927 гг. преподавателей в студии было всего двое. Н.Н.Еленин занимался дикцией, сцендвижением, гримом. Музыкальный руководитель Д.Д.Мацуцин вел музыкальную грамоту и пение. Студия была не только учебным заведением, но и театральным коллективом. Постановки русской классики служили росту профессионализма актеров.

С осени 1928 г. в учебный план студии было введено актерское мастерство. Его

преподавал А.Г.Поеелянин - талантливый режиссер и актер. К работе был привлечен художник Г.А.Петров. Кстати, в том же году во Фрунзе был организован Русский театр рабочей молодежи, состоявший из любителей, просуществовавший несколько лет.

С осени 1927 г., когда во Фрунзе появился так называемый «сезонный» русский драматический театр, в его труппе нашлись энергичные творческие работники, которые приняли участие в работе киргизской студии.

7 ноября 1930 г. на основе студии был создан Киргизский драматический театр, перед которым встали сложные профессиональные задачи, связанные с проблемами формирования национальной драматургии. Основной деятельностью театра являлась подготовка театрализованных концертов, имевших большое агитационное значение во время различных политических кампаний, но отвлекавших от решения основных «вечных» задач драматического театра. Существовала угроза превращения театра в обычную агитбригаду.

В 1934-1935 гг. из выпускников киргизской студии и русских актеров был организован крупный театральный коллектив «Кирнацтеатр», ставивший спектакли на русском и киргизском языках. Репертуарная политика, призванная воспитывать эстетические вкусы зрителя, по-прежнему оставляла желать лучшего.

В апреле 1934 г. собрался 1-й съезд советских писателей Киргизии. Перед его открытием во Фрунзе приехала бригада писателей из Москвы. Посланцы Оргкомитета Союза писателей СССР произвели серьезный разбор всего литературного творчества писателей Киргизии, обратив особое внимание драматургии. Был отмечен ряд недостатков: схематизм, неглубокое раскрытие темы, резкое деление персонажей на положительных и отрицательных, неумение логически верно строить сюжет.

Советы профессионалов оказали свое влияние на развитие киргизской драматургии. Многие писатели и поэты стали активно пробовать свои силы в драматургии. В 1930-х гг. необходимость развития национального театра привлекла пристальное внимание писательских организаций. Поэтому 1935 г. стал переломным в развитии театра Киргизстана. В первых числах января на 4-м Всекиргизском съезде Советов представители Наркомпроса выступили с конкретными предложениями по расширению театрального дела в Киргизии. Речь шла об организации музыкально-драматического театра, о превращении Русского театра из сезонного в постоянный, о создании национальных колхозных театров в областных и районных центрах. В марте 1935 г. было принято постановление Совнаркома Киргизии «О работе Киргостеатра». В нем был намечен ряд практических мероприятий, направленных на повышение культуры и художественного уровня актерских и режиссерских кадров.

В постановлении предлагалось: «Немедленно организовать учебу для всего актерского состава по специальным дисциплинам (техника речи, техника актерского мастерства, история театра, постановка голоса и т.д.), обеспечив соответствующими руководителями-педагогами. Поручить Наркомпросу и Киргостеатру в 1935 г., в целях улучшения режиссерской работы и поднятия квалификации режиссерских кадров, пригласить из национальных театров братских республик специальных режиссеров для работы в Киргизском театре, а также пригласить из Москвы и Ленинграда высококвалифицированных режиссеров-мастеров для оформления отдельных постановок и для консультации. Предложить Наркомпросу в 1935 г. командировать 3-4 человек в специальные театральные учебные заведения - вузы и техникумы Москвы и Ленинграда».

Осенью 1935 г. в ГИТИСЕ организована киргизская студия под руководством В.А.Орлова. В 1940 г. в Москве состоялся первый, киргизский, выпуск актерского факультета ГИТИСа, который, соединившись с артистами киргизского ТЮЗа, стал учрежденным в 1941 г. новым Киргизским драматическим театром. На режиссерском факульте-

те ГИТИСа проходили обучение киргизские актеры О.Джетикашкаев и А.Куттубаев.

В это время Правительство Киргизии принимало меры для организации в столице республики постоянного Русского театра вместо сезонных трупп, ранее формировавшихся каждую осень. Основу постоянной труппы составил выпуск актерского факультета Государственного института театрального искусства им. А.Луначарского в Москве. Это был п е р в ы й в истории прославленного вуза выпуск, который в полном составе отправился в Киргизию. Кстати, этот опыт впоследствии был использован при создании других театров в республиках Советского Союза. Коллектив формировался как цельный организм - со своим репертуаром, режиссером, директором. Выпуск был подготовлен выдающимися педагогами и артистами МХАТа - учениками К.С.Станиславского - народным артистом СССР В.А.Орловым и заслуженной артисткой РСФСР Н.Н.Литовцевой.

Русские сезонные труппы, состоявшие из актеров различных школ и направлений, лишенные единой эстетики, определенного художественного лица, не могли, конечно, оказать такого воздействия на развивающийся национальный театр, какое оказали сплоченные единым творческим методом под руководством артистов МХАТа русская и киргизская труппы.

Главным режиссером был назначен Борис Григорьевич Фельдман, впоследствии его сменил Владимир Яковлевич Васильев, директором - выпускник факультета организации театрального дела - В.И.Пахомов (в 1958 г. - заместитель министра культуры СССР).

Из Москвы выпускники привезли две готовые классические постановки - «Гроза» и «Доходное место» А.Островского. Старожилы говорят, что именно с тех пор во Фрунзе из поколения в поколение театралов передается трепетная любовь к Островскому. Благословил курс сам великий Василий Качалов - легенда сцены. Он отозвался на просьбу своей супруги Н.Н. Литовцевой проконсультировать молодых актеров, репетировавших тогда «Доходное место».

Будущие артисты сыграли перед В.Качаловым первое действие, а потом он разыграл им пьесу Островского в лицах, показав, по словам одного из участников тех событий - Вячеслава Казакова, пример не только владения профессией, но и высокого служения и любви к искусству.

Вячеслав Казаков, пожалуй, единственный из легендарного выпуска, оставшийся во Фрунзе навсегда. Многие из выпускников прославленного курса ушли в 1941 г. на фронт. Демобилизованный по ранению с фронта, Казаков вернулся в родной театр, одним из первых среди русских актеров стал народным артистом Киргизской ССР. Входивший в пятерку лучших исполнителей роли Ленина в республиканских театрах, Казаков покорял зрительный зал и в классическом репертуаре, и в современных пьесах, чем завоевал огромнейшую популярность и громкую славу в Киргизии¹.

Возникший на киргизской земле Русский театр ориентировался на лучшие образцы столичной московской сцены. А начинать приходилось на пустом месте. Не было ни настоящего театрального здания, ни налаженного театрального хозяйства, ни элементарных удобств для актеров. Им самим приходилось создавать декорации и мастерить реквизит. И все же самая главная трудность заключалась в эстетической неподготовленности зрителя. Каждый спектакль должен был стать действенным средством воспитания вкуса. Поэтому репертуар первых же сезонов включал в себя лучшие произведения литературы.

6 ноября 1935 г. состоялся первый спектакль новорожденного театра. Судя по первым же газетным отзывам именно первые сценические образы, подаренные Русским театром, оказали мощное завораживающее влияние на формирование в среде киргизстанцев отряда истинных театральных поклонников и ценителей искусства. Под руководством

¹ Его имя носит одна из улиц Бишкека.

артистов Русского театра в киргизской труппе в 1935-36 гг. была организована студия. В нее пришли 16 студентов. Актерское мастерство преподавал выпускник ГИТИСа режиссер В.Я.Васильев, впоследствии связавший свою жизнь с Театром оперы и балета.

А через полсезона, с 1 января 1936 г. во Фрунзе был создан Театр юного зрителя с русской и киргизской труппой. Его руководителем стал ученик В.Орлова, артист Русского театра П.М.Ефремов. Этот театр просуществовал шесть сезонов (до начала войны). Во время войны обе труппы, вернее, те, кто остался после первого призыва на фронт, влились в коллективы Русского и Киргизского театров.

В 1930-е гг. в театральной сфере Киргизии прокатывается волна энтузиазма, направленная на создание народных, колхозно-совхозных, областных театров. Интерес к театру был действительно значителен. В эти годы удивлял мастерством Каракольский Театр юного зрителя, которым руководил режиссер Б.В.Корольков, активно сотрудничавший с национальным театром.

Незадолго до войны зрители впервые познакомились с еще одним видом театрального искусства - театром кукол. Из России приехала во Фрунзе известная артистка и режиссер М.П.Волкова, самоотверженно любившая свое дело. Великолепный организатор и чуткий наставник она создала русскую труппу, которая в 1938 г. представила первый спектакль для самых маленьких зрителей. А в 1939 г. Совнарком Киргизии принял решение об организации на базе этого коллектива Государственного театра кукол. М.П.Волкова стала его руководителем, режиссером и актрисой, писала пьесы для детей, сотрудничала с киргизскими авторами, создавая детскую национальную драматургию. После войны театр возглавил В.Швембергер - один из ведущих зачинателей театра кукол в России. В 1946 г. решением правительства Киргизии была учреждена киргизская труппа театра кукол.

Еще с 1926 г., со времени создания Киргизской студии под руководством Н.Н.Еленина, в его работе отчетливо проявлялась забота о связи театра с музыкальным творчеством народа. А сам Н.Н.Еленин мечтал о создании на киргизской сцене музыкально-драматических спектаклей, как наиболее близких художественной натуре киргизского народа, ярко проявлявшейся прежде всего в музыке и пении.

В постановлении Совнаркома Киргизии от 30 марта 1935 г. говорилось: «С целью укрепления и развития государственного национального театра и создания необходимых условий для организации музыкального театра художественный состав театра с марта месяца 1935 года довести до шестидесяти человек с таким расчетом, чтобы при нем организовать труппу в пятнадцать человек по подготовке к созданию музыкального театра, вводя специальные дисциплины, назначив для этой цели соответствующих руководителей (балетмейстера-педагога, руководителей музыкальной и вокальной частями и пианиста)».

К лету 1936 г., когда артисты драматического театра уже неплохо зарекомендовали себя в музыкальных спектаклях «Аджал ордуна» и «Карачач», началось преобразование драматического театра в музыкальный. Эту работу последовательно вело Управление по делам искусств Киргизии. В Москве велись переговоры с рядом музыкантов и композиторов. Из приглашенных первыми приехали молодые композиторы, окончившие в конце 1920-х гг. Московскую государственную консерваторию - Владимир Александрович Власов и Владимир Георгиевич Фере. Их давно связывал интерес к музыкальному творчеству народов СССР, совместный труд по обработке национального музыкального фольклора.

В мае 1937 г. в театр был переведен хоровой коллектив филармонии, он пополнился представителями клубной самодеятельности и к началу 1939 г. был доведен до 80

человек. Перестраивался оркестр. Осенью 1937 г. в театр приглашен дирижер Василий Васильевич Целиковский, который стал подлинным воспитателем, внимательно следившим за творческим ростом каждого певца и музыканта.

Было создано либретто первой киргизской национальной оперы «Айчурек», музыку которой написали В.А.Власов и В.Г.Фере в содружестве с Абдыласом Малдыбаевым. Поставленная на сцене музыкального театра музыкальная драма «Не смерть, а жизнь», по форме приближавшаяся к опере, демонстрировала подчинение ее создателей независимо от национальности великой силе искусства. Композиторы В.А.Власов, А.Малдыбаев, В.Г.Фере, постановщик А.Куттубаев, режиссер В.Я.Васильев, художник Я.Штоффер сотворили киргизский шедевр мировой значимости.

Труднее приходилось с организацией балетной труппы. Пришла молодежь из художественной самодеятельности. Будущую труппу возглавил один из лучших балетмейстеров Москвы Н.С.Холфин. Под его руководством молодежь энергично взялась за изучение классического танца, и в то же время начались опыты по созданию оригинального национального танца, соответствующего духу и характеру народа. Результатом этой работы был первый киргизский балет «Анар» (1940) Власова и Фере. В балет были введены танцы, основанные на народных играх и обрядах (танец-игра с палками, конские скачки, женский хоровод, движения комузистов). Так перед войной были заложены основы национального балета.

Главным режиссером стал В.Васильев, из Москвы был приглашен художник Я.З.Штоффер, увлеченно изучавший народную художественную культуру Киргизии (вместе с ним работал молодой Гапар Айтиев).

В 1939 г. киргизское искусство должно было впервые быть многообразно представлено на 1 декаде киргизского искусства в Москве. В период с 1936 г. планово прошли декады украинского и казахского искусства, имевшие огромное значение для развития национальных театров.

Киргизский театр впервые представлял свои достижения: профессиональную игру актеров, мастерски поставленные массовые сцены - колоритные и утонченные, художественно завершенные, на фоне великолепно оформленной сцены. Спектакли «Аджал ордуна», «Алтын кыз», «Айчурек» произвели впечатление на театральную публику Москвы.

В 1941-1942 гг. многие творческие работники Москвы, ранее участвовавшие в подготовке декады киргизского искусства, были эвакуированы во Фрунзе. Среди приехавших были В.Целиковский, Власов и Фере, Я.Штоффер. В начале войны Киргизия принимала у себя ряд украинских и белорусских театров, эвакуированных с захваченных гитлеровцами территорий. К новым постановкам музыкального театра были привлечены певцы, оркестранты, артисты балета. Некоторые из вокалистов разучивали партии на киргизском языке, выступали в новой киргизской опере. Во многом благодаря этому профессиональному пополнению, капитальной работой театра в этот сезон смогла стать опера П.И.Чайковского «Евгений Онегин». К тому времени из Московской государственной консерватории вернулись выпускники, само киргизское отделение консерватории было переведено во Фрунзе.

«Онегин» стал этапной работой театра. После премьеры, которая состоялась 19 апреля 1942 г., правительство республики постановило преобразовать киргизский музыкальный театр в Киргизский государственный театр оперы и балета.

Осенью 1941 г. из Ленинграда вернулась группа студентов училища им. Вагановой. Среди них были и окончившие курс, остальные продолжили занятия в студии, организованной при театре. Основным балетмейстером театра был В.В.Козлов, вторым - Л.М.Крамаревский, создавший в годы Великой Отечественной войны первый на сцене

театра классический балет «Лауренсия».

В 1941 г. многие артисты ушли на фронт. На базе оставшейся труппы ТЮЗа и первого выпуска ГИТИСа в июле 1941г. сформировался Киргизский драматический театр. И с начала сезона 1944-1945 г.г. в театр приходят режиссер Киргизского ТЮЗа П.Ефремов - на постановку одной пьесы и в качестве главного режиссера - ленинградский актер и режиссер А.А.Свистунов.

Он стал воспитывать коллектив на основе принципов русской психологической школы, добиваться целостного ансамбля, с его приходом повысилась культура спектаклей. В репертуаре стали чаще возникать произведения русской классики - Островский, Гоголь. Общественность республики подтвердила, что изучение образцов русской классической комедии обогатило сценический опыт, помогло раскрыться творческим индивидуальностям актеров. Рост театра особенно заметен при сравнении постановок «Ревизора» 1935 и 1945 г.г. Спектакль 1935 г. был довольно поверхностным подражанием русской сцене, драматургические образы не до конца освоены, спектакль 1945 г. был назван зрелой работой и представлен на смотре русской классики в постановках национальных театров союзных республик. Работа над образом Городничего была этапной в творчестве Муратбека Рыскулова, получившего первым среди артистов драматических театров звание народного артиста Киргизской ССР. Обогатилось новыми красками дарование Даркул Куюковой, Бакен Кыдыкеевой. Им по праву было присвоено звание народных артистов СССР.

После войны русская переводная современная пьеса заняла значительное место на сцене театра. Сезон 1950-1951 гг. явился для театра переломным в области работы над современной темой, после того как были подведены итоги республиканского конкурса на лучшую современную пьесу.

1950-е гг. стали периодом взлета всех театров столицы Киргизстана. В 1958 г. в Москве состоялась 2-я декада киргизского искусства, которая продемонстрировала успехи культурного строительства в Киргизстане.

Когда разговариваешь с поклонниками театра, видевшими театр Киргизии в 1950-е гг., их глаза обретают особое свечение, глядя в них ощущаешь огонь ушедшей юности полной надежд и исканий. «Знаете, как мы, молодые, жили: сегодня Островский - в Русском драматическом, завтра - Шекспир в Киргизской драме...», - с восторгом рассказывала известный поэт и переводчик, заслуженный деятель культуры республики Алымкан Дегембаева.

Театральные впечатления для молодой души - живительная почва, которая и к финалу жизни питает любовью и энергией. Спустя годы огромный зал Киргизского драматического театра на закрытии Республиканского фестиваля «Нооруз - 2001» собрал то поколение киргизских театралов.

Старшее поколение, самые уважаемые мэтры, так много сделавшие для культуры страны, составляли большую часть зала, молодежь стояла в проходах. Символично, что на закрытии фестиваля показывали только что созданный на сцене Киргизского драматического театра спектакль «Король Лир». Пьеса стала культовой для Киргизии со времен первого выпуска ГИТИСа, подготовившего ее для киргизской публики во время учебы будущих актеров. Когда-то роль Лира победоносно сыграл на театральной сцене Лондона перед самой королевой Великобритании М.Рыскулов. Режиссер-туркмен Овлякули Ходжакулиев (живущий в Узбекистане) не только ощутил эту потребность в «Короле Лире», но именно для закрытия фестиваля подготовил оригинальный проект. Роль Лира исполняли по очереди несколько выдающихся артистов из разных республик: Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии... А «пятым» Лиром режиссер

«назначил» артиста Русского театра драмы народного артиста Киргизской Республики Владимира Скоропись. Сам актер был удивлен и долго не соглашался: эту роль на сцене Русского театра драмы играл в конце 1980-х Леонид Ясиновский, вскоре получивший звание народного артиста СССР. Скоропись не считал себя вправе «тягаться» с ним, режиссер настоял. И не ошибся в своих интуитивных предчувствиях. Когда в «сцене бури» (именно эту, самую трагедийную, самую эмоциональную сцену пьесы отдал русскому актеру О.Ходжакулиев) вышел всеми любимый актер, завоевавший город раз и навсегда еще в 1956 г. В.Скоропись, зрительный зал взорвался бурными аплодисментами. В этих аплодисментах жила память об общей юности, об общих победах и драмах... Это была «всенародная любовь» и «уважение к прошлому»... Зал был насыщен потоками энергии, идущей на сцену. Члены жюри фестиваля¹, сидевшие в первом ряду, эту энергию тоже ощущали. Сам В.Скоропись был потрясен такой бурной встречей, таким восторгом, буквально переливавшимся через рампу. Казалось, аплодисменты не кончатся, столько эмоций переполняло зал. Но вот особенное движение зрочков, особенная собранность - взгляд Артиста .. Зал замер. Скоропись начал монолог Лира. Монолог Лира на русском языке. И вновь, после первой же фразы, мгновенный взрыв аплодисментов, который никто не мог сдержать и который стих, пока актер переводил дыхание. Любопытно сказать, что это был момент, когда зал аплодировал тому языку, что впервые познакомил киргизов с великим английским поэтом, тому языку, что открывал киргизам путь к всемирной культуре.

«Дуй ветер, дуй, пока не лопнут щеки!» - словно подбадривал зал «Лир-Скоропись». «Лиру» аплодировали после каждой произнесенной реплики, долго не давая возможность вступить в диалог другим актерам. Партнеры на сцене терпеливо ждали и сдерживали желание аплодировать с залом. За кулисами с лукавой «восточной» улыбкой наблюдал за спектаклем, который разыгрался в зале, постановщик спектакля «Король Лир». Это был спектакль о человеческой памяти, о великой силе искусства, которая способна спланировать, мобилизовать и вести на подвиг людей.

Влияние театра 1930-50-х гг. на общественную и культурную жизнь Киргизии трудно переоценить. Театр стал реальной силой, звавшей к созиданию, культурному расцвету, духовному возвышению личности. В 1970-е гг. два киргизских театра - Оперы и балета и Киргизский драматический получили звание «академический» решениями Правительства СССР. В этом профессиональном признании была и заслуга многих российских соотечественников и многих русских актеров, открывших для Киргизии театр.

Русские художники в Киргизии¹

Т.П. Попова, зав. отделом живописи Киргизского национального музея изобразительных искусств им. Г. Айтиева

Приход России в Туркестан во второй половине XIX в. превратил край в место паломничества ученых, художников, писателей, фотографов. Незнакомые земли порождали желание познания и творчества. Общественность России и Европа впитывала мельчайшие подробности жизни неведомого края, предлагая ему в обмен достижения европейской цивилизации и культуры, наполняя новым содержанием жизнь Средней Азии. Туркестан становился местом поисков и открытий для творческих личностей. Он открывал двери для приложения сил и реализации идей, для исследований незнакомого края, путешествий, познаний культуры, языков восточных народов, знакомства с сопредельными странами.

Один из российских первопроходцев второй половины XIX в., осуществлявших научное завоевание Азии, М.И. Венюков, по этому поводу писал: «Движение началось широким потоком, увлекшим множество юных сил и способностей».²

Природа, этнография, быт, географическое положение Киргизии привлекали сюда ученых, художников, военных с XIX века. Сюда устремили свои взоры выдающиеся русские исследователи Ч. Валиханов, П.П. Семенов, Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов. В состав экспедиций включались художники, которые делали зарисовки, собирали разнообразный этнографический, бытовой, портретный материал до сих пор являющийся уникальным. Так, в путешествиях П.П. Семенова принимал участие художник П. Кошаров, в военных походах генерала К.П. Кауфмана - В.В. Верещагин, в комплексной экспедиции Русского географического общества 1903 года - студент Петербургской Академии художеств Б.В. Смирнов. Именно благодаря их художественным полотнам перед миром открылся во всем величии колоритный, яркий киргизский край.

В 1867-1869 гг. в Туркестане под командованием генерала К.П. Кауфмана служил выдающийся художник-баталист В.В. Верещагин (1842-1904), принимавший участие во многих боевых операциях. Несмотря на тревожную воинскую обстановку и опасности Верещагин с живым интересом приглядывался к новой для себя стране, совершал поездки в разные ее концы и много рисовал. Наряду с созданными им ранними жанровыми картинами интересны его этюды, в которых он сумел разносторонне и интересно запечатлеть особенности местной жизни. Этюды, написанные с натуры, служили Верещагину и живописной школой, создавая их он овладевал приемами пленэрной¹ живописи.

Первая большая серия картин, получившая название «Туркестанская», принесла Верещагину славу выдающегося художника, своеобразного, сильного и смелого. «Из Туркестана, - писал Стасов В.В.⁴, - он воротился живописцем... войны и потрясающих

¹ Литература:

1. История русского искусства / Под ред. Н.Г. Машковцева. - Т.2. - М., 1960. - С. 126.
2. Розанова М.Д. Художник Розанов Николай Васильевич. Рукопись, 1979. Не публиковалась. Архив отдела живописи КНМИИ им. Г. Айтиева.
3. Изобразительное искусство Киргизстана / Под ред. А.А. Салиева. - Фрунзе, 1987.-С. 111-321.
4. Истоки. Сборник статей / Сост. О.П. Попова. - Фрунзе, 1984.
5. Попова Т. Город-спаситель // Журнал «Курак». Альманах Фонда «Сорос-Кыргызстан», 2000, № 3. - С. 42-45.
6. Фаворский В.А. О рисунке. О композиции. - Фрунзе. - С. 3-7.
7. Попова О.П. Русские художники в Киргизии, 2005. Не публиковалась. Архив Т.П. Поповой.

² Венюков М.И. Очерк географических исследований в Азиатской России // Военный сборник. 1877, № 7. - С. 56.

³ Пленэром (в переводе с французского - «открытый воздух») называют натурные пейзажи, создаваемые непосредственно на природе. Пленэр позволяет проследить изменения окружающей среды в разное время суток, в зависимости от погоды, света, времени года и найти новые художественные средства выражения различных состояний природы.

⁴ Стасов, Владимир Васильевич (1824-1906), художественный и музыкальный критик, историк искусства.

трагедий, живописцем такого склада, какого прежде еще никто не видывал и не слыхивал ни у нас, ни в Европе». Картины серии различны по жанрам. В ее художественных особенностях сказался опыт работы художника над этюдами на пленэре.

Одной из известнейших картин этого цикла стала картина-портрет «Богатый киргизский охотник с беркутом» (1871), которую Стасов назвал «чисто этнографической», имея в виду, прежде всего, высокий уровень трактовки образа охотника, его роскошной одежды, интерьера богатой юрты, посредством которых кисть художника передала лишь толику самодостаточности, лаконичности, одновременно богатства киргизской национальной культуры.

В фондах КНММИИ им. Г. Айтиева хранятся 7 великолепных пейзажных этюдов, написанных художником в 1869-1870-е годы, где живописец превосходно передал красоту гор, ущелий, долин, Иссык-Куля.

В 1921 году в Среднюю Азию приехал Николай Михайлович Розанов (1869-1940). В Московском училище живописи, ваяния и зодчества он учился у К.Е. Маковского, И.М. Прянишникова, В.Д. Поленова, в Петербургской Академии художеств был любимым учеником И.Е. Репина. В 1901-1903 гг. Н. Розанов совершил поездку на Дальний Восток, где очень много рисовал. Способствовал созданию в Хабаровске художественного музея.

С 1921 года до конца своей жизни Розанов жил в Средней Азии, сначала в Ташкенте, где работал в Совете художественного музея в течение 7-ми лет. В 1924 году организовал при музее студию живописи, рисунка и скульптуры, которая работала под его руководством до 1928 года. С 1928 года художник работал в Самарканде, а в 1933-1936 гг. - в Душанбе. С 1937 по 1940 год жил во Фрунзе и преподавал во Фрунзенском художественном училище, являясь одним из авторитетнейших преподавателей. Н. Розанов работал как портретист, жанрист, занимался скульптурой.

На протяжении многих лет, сочетая творческую работу с педагогической и общественной деятельностью, художник оказал заметное влияние на развитие изобразительного искусства и подготовку художественных кадров в республиках Средней Азии.

В собрании КНММИИ им. Г. Айтиева хранятся 4 живописных работы, написанные художником до его приезда в Киргизию, в том числе «Таджик» (1934), «Мальчик с петухом» (1929).

В 1926 году в Киргизию приехали Г.А. Петров и Л.Л. Касаткин.

С именем Георгия Александровича Петрова связано зарождение киргизской театрально-декорационной живописи. В 1926 году во Фрунзе была открыта театральная студия (в 1931 г. реорганизованная в Киргизский театр драмы). Г. Петров стал первым художником национального театра, познакомив студийцев с основами театрально-декорационного искусства. Будучи человеком разносторонних творческих интересов и большой общественной активности он ставил спектакли как классического русского репертура, так и первые драматические произведения киргизских писателей.

В предвоенные годы во Фрунзе приехали работать русские художники различных творческих направлений, личных пристрастий в искусстве; все они приняли активное участие в масштабных республиканских выставках, посвященных 20-летию киргизского восстания против царизма 1916 года (1936), жизни и творчеству акына-демократа Токтогула Сатылганова. Кроме С. Чуйкова, В. Образцова, А. Игнатьева, Е. Малеиной в выставках этих лет приняли участие С.П. Бальзамов, А.А. Васильев-Есин, Г.И. Васильев, В. Груздев, А.Т. Евдаков, М.В. Добросердов, П.В. Иванов, В.В. Колокольников, А.Р. Майоров, О.М. Мануйлова, Е.И. Родова, М.В. Рындин, А.И. Простев.

В годы Великой Отечественной войны в Киргизии нашли пристанище художники, эвакуированные из Москвы. В их числе оказались Т.Г. Гапоненко, Н.М. Кочергин, Е.А. Львов, А.М. Любимов, А.П. Могилевский, Д.А. Шмаринов, жизнь которых слилась с непростыми буднями тылового Киргизстана: они работали в «Окнах КирТАГа», участвовали в сооружении памятников, экспонировались на различных выставках. В фондах музея хранятся произведения этих художников военных лет.

В истории советского изобразительного искусства творчество Владимира Андреевича Фаворского (1886-1964) играет выдающуюся роль. Художник принадлежит к числу великих мастеров советского изобразительного искусства. Он прожил долгую и напряженную жизнь. Подобно великим мастерам Возрождения, Фаворский не оставил без внимания ни одной области искусства. Будучи графиком и гравером, художником книги, он с большим успехом работал в области монументального искусства, в театре, в прикладном искусстве. Его теоретические работы по проблемам композиции, рисунка, оформления книги, монументальной живописи являются ценным вкладом в современное искусствознание.

Творческая и педагогическая деятельность Фаворского во многом определила блестящие успехи советской графики, получившей мировую известность. Его учениками были многие выдающиеся художники, в том числе основоположники профессиональной киргизской графики Л.А. Ильина и А.Н. Михалев.

Летом 1946 года по приглашению руководства республики и Союза художников Фаворский приехал в Киргизию. С группой художников он ездил по районам республики, изучая жизнь и быт народов, любясь природой Киргизии. Он побывал на Иссык-Куле, в Кочкорке, Ат-Башах, на озере Чатыр-Куль, в Таласской долине, создавая при этом многочисленные зарисовки. В собрании КНМИИ им. Г. Айтиева хранятся горные пейзажи, портреты, выполненные художником во время пребывания в Киргизии, а также гравюры к известным литературным произведениям, портреты Александра Невского и Ф.М. Достоевского, листы из серии «Самарканд».

Изобразительное искусство Киргизстана, зародившееся в первые десятилетия XX века, тесно связано с именем Семена Афанасьевича Чуйкова (1902-1980). Будучи уроженцем Киргизии, с первых лет самостоятельного пути он определил тематику творческих интересов, которой следовал всю жизнь, наметил и осуществил план организации художественной жизни родного высокогорного края. Его пейзажные этюды 1917-1918 годов ныне хранятся в Государственной Третьяковской галерее и в Киргизском национальном музее изобразительных искусств имени Г. Айтиева. В 20-30-е годы он получил высшее художественное образование во ВХУТЕМАС-ВХУТЕИИ и с тех пор до конца дней жил «на два дома» - в Москве и Фрунзе. Его первыми помощниками в организационной работе стали Владимир Витальевич Образцов (1891-1934), который в 1920-е годы приехал в Киргизию из Ташкента (туда из России), и прекрасный живописец, верный друг и жена С. Чуйкова - Евгения Алексеевна Малеина (1903-1984).

В начале 30-х годов в Советском Союзе получило окончательное оформление объединение художников различных направлений в Союз художников СССР (1934), что значительно облегчило работу С. Чуйкова и В. Образцова по подготовке I республиканской художественной выставки и, по ее итогам, образованию Союза художников Киргизии как одной из составных частей всесоюзной организации. Председателем Союза был избран С. Чуйков, его заместителем - А. Игнатъев (летом 1934 года В. Образцов умер). Одновременно с этой работой С. Чуйков добился создания в Киргизии художественного музея, без которого не мыслил привлечения киргизской молодежи к художественному творчеству. 1 января 1935 года была открыта картинная галерея, для которой С. Чуйков добился выделения из фондов Наркомпроса РСФСР и Государственной Третьяковской галереи 72 произведения русской классической живописи. Эти произведения и произве-

дения, закупленные на средства государства с I республиканской выставки, заложили основу коллекции будущего Киргизского национального музея изобразительных искусств имени Г. Айтиева, состоящей ныне из более 17 тысяч единиц хранения.

К этому времени в Киргизии уже работали А.И. Игнатъев, Л.Л. Касаткин (расстрелянный в 1937 году, его работы были уничтожены).

Надо отметить, что в течение всех последующих лет, вплоть до распада СССР, музей пополнялся произведениями русского искусства как в качестве даров Министерства культуры СССР, Художественного Фонда СССР, так и закупок самим музеем и Министерством культуры Киргизской ССР у наследников русских художников и коллекционеров.

Таким образом, в Киргизском национальном музее изобразительных искусств им. Г. Айтиева в настоящее время хранятся, а частью и экспонируются наряду с произведениями художников и народных мастеров Киргизстана произведения русских художников дореволюционного и советского периодов.

У истоков изобразительного искусства Киргизстана были в основном живописцы с ясной творческой программой, что обусловило преимущественное развитие портрета, пейзажа, в меньшей степени - натюрморта. Киргизская школа живописи развивалась на принципах реализма высокого поэтического накала. Все русские художники, жившие в Киргизии, работали в исключительно киргизской тематике. Вплоть до 60-х годов в этом направлении тон задавали С. Чуйков и ближайшие его соратники - А. Игнатъев, Г. Айтиев и С. Акылбеков. После участия в секторе самодеятельного творчества I республиканской выставки Г. Айтиев и С. Акылбеков были направлены в Московское художественное училище «Памяти 1905 года», где учились у Н. Крымова и П. Петровичева, замечательных русских пейзажистов, мастеров тональной живописи в передаче природного состояния. Это обстоятельство сыграло важную роль в приверженности первых киргизских живописцев пейзажному жанру, а позднее - в формировании самобытной киргизской пейзажной живописи как заметного явления в советском искусстве.

С. Чуйков как талантливый художник и сильная личность пользовался огромным авторитетом у своих коллег за активное участие в организации художественной жизни республики, за значимые творческие установки, в которые верили, которые воплощали в жизнь художники всех последующих временных срезов.

В чем же была суть программы С. Чуйкова? Темой творчества должна быть Киргизия - ее природа и жизнь киргизского народа в его демократических глубинках. Этнографическая скрупулезность, экзотическая фантазия в духе авангарда в отображении киргизских реалий уступали место поэме искренней вдохновенной любви к родине. Высоки были требования к профессионализму, понимаемому в традициях русской школы реализма. Осуществляя эту программу, сам С. Чуйков создал произведения в различных жанрах, объединенных им в конце 40-х годов в серию «Киргизская колхозная сюита». Сочетание поэзии и правды стало отличительной чертой и творческого наследия С. Чуйкова и киргизской реалистической живописи всех периодов, хотя художественное качество произведений было различным и определялось уровнем дарований их авторов.

К первому поколению художников, работавших в Киргизии, помимо С. Чуйкова, В. Образцова и А. Игнатъева, принадлежат Ф.М. Стукошин (1914-1974) - живописец и педагог, Л.Ф. Деймант (1913-1979), В.С. Тюрин (1917-2008) - живописцы, жанристы, мастера тематической картины, которые отличались почерком при общей реалистической ориентации с киргизской тематикой. Каждый из них имеет работы, вошедшие в основной фонд киргизской живописи.

А. Игнатъев в 50-е годы создал сюжетно-пейзажные картины: «В Чон-Кемине наступила зима» (1956), «Возвращение с полевых работ» (1957); портреты «Заслуженная

артистка Киргизской ССР Чолпон Джаманова» (1959). В 60-70-е годы он написал цикл картин, посвященных строительству Токтогульской ГЭС, за которые был удостоен Государственной премии Киргизской ССР имени Токтогула.

Большой вклад в дело подготовки кадров художников внес прекрасный педагог и вдумчивый художник Ф. Стукошин. В годы войны он воевал в знаменитой Панфиловской дивизии, позднее посвятил воинам-панфиловцам несколько произведений, но в основном его привлекала мирная жизнь рабочих и крестьян («На току» (1949), «Шахтерка» (1954), «Город строится» (1957), «Клятва панфиловцев» (1963).

Новую струю в киргизскую живопись внесло новое поколение, пришедшее в искусство в 60-70-х годах: В. Буторин, А. Воронин, В. Герасимов, Н. Евдокимов, Д. Игнатьева, А. Каменский. Все они считали себя вправе искать новые творческие пути, расширяя границы наследия древнерусского искусства, М. Врубеля и В. Сурикова до европейского сюрреализма, сохраняя при этом самостоятельность видения в решении избранных тем. Однако их поиски проходили в том же тематическом русле, что и у художников старшего поколения, а некоторое различие в понимании ими формообразующих задач диктовалось приверженностью к той или иной художественной школе - преимущественно московской и ленинградской.

Есть нечто общее в советской живописи «шестидесятников» в силу взаимовлияния, которое они испытывали, работая вместе в Домах творчества, в творческих командировках по Советскому Союзу и за рубежом. Лучшие их произведения хранятся и экспонируются в музее.

Началом искусства графики в Киргизстане можно считать напечатанные в газетах 20-х годов рисунки В. Образцова, иллюстрировавшие информационные заметки. Их сомнительное художественное качество не дает рассматривать их с эстетической точки зрения, однако они связаны с именем одного из основоположников киргизской живописи, талант которого бесспорен. Живописное наследие В. Образцова оказалось ближе творческим поискам художников 60-х годов, чем творчество С. Чуйкова, понятие которого о соотношении реалистического метода и творческого воображения воспринималось как устаревший академизм. Эстетика художественной формы в 60-е годы ценилась выше тематики и сюжетности произведений. Пренебрежение сюжетностью не коснулось графического искусства, очевидно потому, что графики тесно связаны с иллюстративной работой в книге.

30-40-е годы для графики зияли пустотой именно потому, что полиграфия в эти годы была исключительно утилитарной. Даже Л. Ильина и А. Михалев, приехавшие после окончания в 1939 году Московского полиграфического института в Киргизию, долгие годы не имели работы по специальности, существуя на заказах Художественного фонда республики на оформительские и живописные работы.

Подлинный переворот в отношении к графике произошел в конце 40-х годов после приезда в Киргизию В.А. Фаворского, приглашенного в Киргизию по инициативе Л. Ильиной и А. Михалева, учениками которого они были. В. Фаворский прочел художникам курс лекций о рисунке и композиции, о роли черного и белого в эстетике каждого графического листа, будь то рисунок или эстамп.

Л. Ильина была одной из самых талантливых учениц Фаворского, его приезд вдохновил ее вернуться к графике, сначала экспериментально, а к середине 50-х годов она уже создала в ксилографии¹ иллюстрации к «Абаю» М. Ауэзова, цикл пейзажей в этой же технике «Родные края» и серию цветных линогравюр² «Слово о киргизской женщи-

¹ Ксилография - листовое изондание, представляющее собой оттиск с изображения, награвированного на деревянных досках.

² Линогравюра - вид гравюры, изображение, полученное с плоской печатной формы на линолеуме или других пластических материалах.

не». В это же время в советском искусстве начался эстампный бум, особенно увлекались сериями сюжетных линогравюр, в то время как в живописи, как основная тенденция, возобладала бессюжетность и формализм - вплоть до абстракций.

Существенную роль в повышении качества книжной продукции сыграл А.С. Осташев (1929-2002), приехавший в Киргизию в 1954 году после окончания графического факультета института им. И.Е. Репина. Профессиональный художник книги, он в качестве главного художника Госкомиздата много сделал для того, чтобы киргизская книга как предмет полиграфического искусства могла конкурировать на всесоюзных и межреспубликанских книжных ярмарках. Часть изданий, главным образом художественной и детской литературы, стала выпускаться с иллюстрациями. Над детскими изданиями много работал В. Рогачев, над созданием иллюстраций к киргизскому фольклору трудились киргизские художники, в их числе Б. Джумабаев, А. Турумбеков, М. Ахмедов.

Для расцвета графики в 60-70-е годы сложилась благоприятная ситуация не только в связи с развитием полиграфии, но и с возможностью принимать участие в многочисленных специализированных международных выставках.

Ведущими графиками республики в этот период были Л. Ильина, А. Сгибнев, А.Осташев, В. Рогачев, А. Шубин, Е. Кузовкин, В. Максимов, В. Гладков, Н. Евдокимов, много сделавшие прежде всего в аспекте приобщения к графическому искусству киргизских художников.

Темами станковой графики, как и живописи, была жизнь киргизского народа и природа Киргизии, однако книжная иллюстрация не ограничивалась киргизской литературой. Появились иллюстрации к Шекспиру, Р. Бернсу, Пушкину, Лермонтову, Некрасову. Л. Ильина стала работать и на московские издательства, иллюстрируя русскую, украинскую, японскую, казахскую классику.

Киргизская графика 60-70-х годов была на уровне международных достижений. После развала СССР графическое искусство Киргизстана переживает тяжелейший кризис. И не только в области книжной иллюстрации (полиграфия печатает только заказную, то есть оплачиваемую литературу), но и в станковой. Практически исчез эстамп, исчезли выставки графики. Художники старшего поколения ушли из жизни (Л. Ильина, А. Михалев, А. Сгибнев, А. Шубин, А. Осташев, Е. Кузовкин) либо покинули Киргизстан (В. Рогачев, Н. Евдокимов).

Скульптура возникла в Киргизии позднее живописи. В 1936 году во Фрунзе приехал венгерский скульптор-коммунист Ласло Месарош, эмигрировавший в 1935 году в СССР из хортистской Венгрии. В Киргизии он сразу отдался творческой работе как скульптор и архитектор, поставив перед собой задачу создания киргизской скульптурной школы, как в свое время С. Чуйков, создавший живописную.

Л. Месарош со своими учениками построил первую в Средней Азии скульптурную студию (ныне в этом здании расположен Дом-музей С. Чуйкова с небольшим разделом, посвященным Л. Месарошу), которая в конце 30-х годов прекратила свое существование в связи с арестом и расстрелом его создателя.

Творческое наследие Л. Месароша было бережно сохранено (до 1953 года - тайно) музейными работниками и в 60-е годы привлекло внимание молодых художников высокой культурой лепки, созвучной поискам «шестидесятников» в области выразительности художественной формы.

В 1938 году по приглашению правительства республики в Киргизию приехала работать над проектом памятника Токтогулу Сатылганову О.М. Мануйлова и осталась здесь до конца своих дней. Более 40 лет жизни и творчества отдала она развитию художественной культуры Киргизии. Ученица С. Волнухина, соученица по институту В. Маяковского,

Д. Бурлюка, Л. Пастернака, А. Пластова, она до приезда в Киргизию работала в Москве, Ленинграде, Крыму, Ташкенте. Памятник Токтогулу до войны не был осуществлен и был сооружен только в 1974 году по проекту Г. Айтиева (архитектор А. Исаев).

О. Мануйлова создала большое число портретов - Тоголока Молдо, Сайры Кийизбаевой, Мураталы Куренкеева, И. Кочкорбаева и др. В годы Великой Отечественной войны она создала две композиции «Строительницы БЧК» и «Помощь фронту» (обе 1941). Наиболее значительной работой в годы войны был сооруженный в 1942 году (в соавторстве с А.А. Мануйловым) памятник генералу И.В. Панфилову - первый памятник в СССР, установленный герою Отечественной войны. О. Мануйлова является автором памятников Тоголоку Молдо (1965), М. Куренкееву (1959), Д. Шопокову (1958), Дж. Боконбаеву (1947), декоративно-монументальной скульптуры на фронтоне здания Театра оперы и балета (1958), а также барельефного фриза на фасаде здания прокуратуры (1941) (в соавторстве с Г. Араповым и С. Карпетченко). Кроме того, О. Мануйлова работала в декоративном рельефе на темы эпоса «Манас» и «восточного» (стилизованного) фольклора, а также в малой пластике преимущественно восточной тематики.

В одно время с Мануйловой в Киргизии работали В. Пузыревский и Н. Лодягин, почти не оставившие следа в искусстве ваяния. Правда, в начале 60-х годов во Фрунзе был установлен памятник молодогвардейцам, выполненный В. Пузыревским в соавторстве с Г. Тупым, в 1957 году - памятник-бюст А. Иваницину, созданный Н. Лодягиным, который является также автором памятника-бюста Герою Социалистического Труда Таширову (1957). С 1950 по 1970-е годы работал в скульптуре талантливый самоучка Г. Бурлин.

В декоративной и монументальной пластике в 50-е годы в Киргизии творили О. Минькова и К. Кошкин - авторы скульптур-торшеров у театра оперы и балета (1958). В музее хранятся и несколько их станковых работ.

С 60-х годов в Киргизии работает В.А. Шестопал как станковист и монументалист. Он создал многочисленную серию таких портретов как «Хирург И. Ахунбаев» (1966), «Бакен Кадыкеева» (1974), «О. Мануйлова» (1974), жанровых композиций «Счастье» (1971), «Возвращение» (1971), «На причале» (1979), «В мастерской» (1980) и другие. Он является автором памятника академику Скрябину (1979), памятника погибшим воинам в Токмаке. Наиболее значительной работой В. Шестопала является памятник А.С. Пушкину, установленный в Бишкеке к 200-летию со дня рождения великого поэта.

Особняком стоит творчество двух медальеров В. Копотева и А. Соловьева, создавших в 70-80-е годы высококлассные циклы тематических медалей, посвященных охране культурного наследия, киргизскому народному искусству, войне и миру. Это серии В. Копотева «Прикладное искусство Киргизии» (1972), «Архитектура Древней Руси» (1973), «Древние памятники Киргизии» (1973), «Сорок первый» (1977), «Мой город» (1978); А. Соловьева «Киргизское прикладное искусство» (1973), «Никто не забыт, ничто не забыто» (1974), «Токтогульская ГЭС» (1977), «Хиросима», «Война и мир», «Жизнь» (1979), «Предостережение» (1980).

Творчество А. Соловьева было прервано ранней смертью. В. Копотев с 90-х годов стал заниматься живописью из-за не востребоваемости медальерного искусства в последнее десятилетие, вызванной дороговизной бронзы и литейных работ. Изысканное по своему художественному потенциалу медальерное искусство исчезло в республике на пике развития.

Из русских мастеров ваяния только, пожалуй, О. Мануйлова, В. Копотев, А. Соловьев и В. Шестопал по художественному качеству работ стоят в одном ряду с русскими живописцами и графиками, работавшими в Киргизии.

В декоративно-прикладное искусство Киргизии русские художники, как и в другие виды художественного творчества, внесли свою лепту. В керамике работали А. Воронин, А. Каменский, в гобелене Н. Сиднева, Е. Лысогоров, в художественной обработке кожи В. Дударев, в ювелирном искусстве Л. Поджидаева, В. Сырнев.

С 1930 по 1980-е годы в театрах республики в разное время сценографами работали А.М. Торопов, А.В. Арефьев, ведущим художником-постановщиком Русского драматического театра в течение нескольких десятилетий был Г.И. Белкин, ныне работающий в Московском театре кукол им. С. Образцова.

Коллектив художников Киргизии изначально был интернациональным. Кроме русских здесь работали и работают представители других национальностей - украинцы (И. Гальченко, И. Мирошниченко, Н. Ефременко), татары (З. Хабибулин, Р. Бухарметов, Х. Ситдинов), буряты (Д. Цирендоржиева), грузины (Д. Хеидзе), евреи (Д. Флекман, Р. Нудель, В. Зухин, Д. Кругман). География мест рождения художников широка, но именно в киргизском крае они проявили свой талант, подарив миру обаяние земли Манаса.

«Национальная культура, в арсенал которой не войдет собственный кинематограф, окажется чем-то обделенной»¹

В.Л. Михайлов, киновед и театральный критик²

Датой рождения киргизского кинематографа номинально считается 1939 год. Именно тогда были изданы соответствующие правительственные документы, касающиеся организации собственной кинематографической базы в республике. А в 1942 году, в пору грозного военного лихолетья, база была создана - небольшая, маломощная. На ней делались выпуски киножурнала «Советская Киргизия». Однако начинать рассказ о зарождении кино в республике, очевидно, следует с более раннего времени и в этой связи необходимо вспомнить и тех, кто приезжал сюда на съемки по заданиям других киностудий страны, использовал киргизский материал и киргизских актеров в своих картинах.³

Авторы всех работ, по истории кинематографа Киргизии, единодушно отдают приоритет в создании фильма, использовавшего национальный материал, режиссеру О. Фрелиху, поставившему на базе кинофабрики «Узбекгоскино» игровую картину «Крытый фургон» в 1927 году. Однако приоритетная лента была снята несколько раньше, в 1925 году. Эта была картина режиссера В. Полевого «Черная смерть» («В степях Киргизии»), созданная на базе Саратовского отделения «Пролеткино». Где, кстати, начинали свою творческую деятельность некоторые будущие сотрудники Фрунзенской студии кинохроники. На «Черной смерти», к примеру, работал помощником оператора Георгий Николаев, ставший впоследствии директором Фрунзенской студии... Имеется свидетельство и еще более ранней фиксации на киноленте фрагментов из жизни республики, ее природы и национального быта: речь идет о хроникально-документальных съемках, произведенных летом 1923 года членами Памирской научной экспедиции под руководством профессора Н. П. Корженевского...

Но и эти съемки, как оказалось, не были первыми. В самое последнее время нами было найдено упоминание о съемках быта киргизов в 1920 году! Руководил ими сотрудник Всероссийского фотокиноотдела при Наркомпросе режиссер А. Терской...

Итак, год 1920-й. Экспедиция в составе режиссера А. Терского, оператора С. Завадского и этнографа профессора Ф. Осипова занята съемками природных объектов и естественно-научными наблюдениями на Сыр-Дарье. Завершив их, киногруппа приступает к съемкам бытовых сцен в дальних киргизских селениях. Рассказ режиссера А. Терского об этих съемках начинается с упоминания о национальной праздничной игре «уулак» («козлодрание»)⁴. К сожалению, о режиссере А. Терском и операторе С. Завадском почти ничего не известно. По некоторым данным, в начале 1920-х годов они работали в Фотокиноотделе при Наркомпросе. В 1924 году А. Терской был приписан уже к Ессентукской киносекции, а в 1926 учился на этнологическом факультете Первого московского университета. В начале 1920-х годов А. Терской с кинооператором приезжал в Пишпек, чтобы с местного аэродрома вылететь на аэроплане в Верный, где необходимо было заснять последствия крупного землетрясения. Позже А. Терской руково-

¹ Айтматов Чингиз. В соавторстве с землей и водою...: очерки, статьи, беседы, интервью. - Фрунзе: Киргизстан, 1979. - С.293.

² Данный очерк представляет собой изложение ряда фрагментов большой монографии автора: Михайлов В.Л. Кинолента памяти. Люди и судьбы киргизского кино. - Бишкек, 2007.

³ Относительно дореволюционного периода существует любопытное свидетельство: «Сибирские газеты отмечают, что среди киргиз(ов) степного края замечается исключительный интерес к кинематографу, и они охотно посещают при каждом удобном случае электротeatры. Среди наиболее культурных степняков даже зародились мысли о создании национальной ленты путем инсценировки на местах в степи цикла картин киргизских сказаний». - «Вестник кинематографии», N 117, 1916.

⁴ Терской А. С кинокамерой по СССР. - М.-Л.: Молодая гвардия, 1931 г. - С. 14.

дил съемками на Кавказе - в Тифлисе, в Дарьяльском ущелье, в Кабардино-Балкарии, в Сталинградской области, в долине реки Волги. С кинокамерой он побывал во многих больших и малых городах страны, в заштатных деревеньках, в колхозах и совхозах, в горных аулах, снимал подземелья сектантов-машковцев, молельные дома баптистов и другие, самые неожиданные порой места...

Следующие по времени кинематографические съемки, запечатлевшие жизнь и быт народа нашей республики, были произведены летом 1923 года членами Памирской научной экспедиции под руководством профессора Н. Л. Корженевского. Фотографические снимки делались на Памире и раньше, достаточно вспомнить фотографии известных путешественников - Станкевича, Никольского, Головина. А вот киноаппарат появился в Памирских горах летом 1923 года впервые. Экспедиция профессора Н. Л. Корженевского формировалась в Ташкенте, пунктом отправления был город Ош.

Сам Н.Л. Корженевский описывает свое путешествие в «Кратком отчете» для «Известий Туркестанского отдела Русского географического общества» так. В самом начале отчета профессор приносит благодарность Совнаркому Туркеспублики, «авторитетное и живое содействие которого выразилось не только в выдаче соответствующего мандата, но, главным образом, части средств, необходимых для снаряжения экспедиции, выдаче каждому участнику теплого обмундирования, столь необходимого для работы на больших высотах, и в отпуске средств для обработки фото- и кинопленок... Для фотосъемок мы располагали обыкновенным аппаратом 13/18 см и киноаппаратом системы «Эклер» с необходимым запасом к ним пластинок и негативных лент». Описав свое фото- и киноснаряжение, Н. Л. Корженевский рассказывает о первой съемке: «В Алайской долине мы остановились в урочище Кара-бугтур перед выходом в Сары-Таш у старика-киргиза Кунабая, одного из немногих старожилов этих мест, благополучно переживших басмачество (...) Здесь же нам удалось произвести киносъемку перекочевки киргизов, одного из самых ярких и увлекательных моментов в жизни алайских кочевников». Затем члены экспедиции прожили некоторое время на Памирском посту и непосредственно перед выступлением на Сарезское озеро, «пользуясь любезным содействием состава поста, (...) предприняли небольшую экскурсию вверх по реке Мургаб в кочевье Ша-киргиза»... «Произведено 24 кинематографических снимка, характеризующих быт памирского кочевого населения, а также горных таджиков. Снимки эти, обработанные на фабрике Госкино (бывш. Ханжонкова), демонстрировались в заседании Общества и распоряжением Совнаркома Туркеспублики переданы в собственность Туркестанского отдела Русского географического общества. Вместе с тем произведено 50 обыкновенных фотографических снимков, широко иллюстрирующих ландшафты Памира.»¹

Значение киносъемок, произведенных экспедицией 1923 года, трудно переоценить. Это одно из самых первых и наиболее полных в тот период кинематографических свидетельств о жизни киргизского народа. Оператор экспедиции пока не известен. Но вклад его в кинематографическую летопись горного края, думается, достаточно серьезен. Двадцать четыре непритязательных эпизода, снятых в Памирских горах, впервые отразили не только экзотическую сторону жизни киргизского народа, но и - главным образом - бытовую, повседневную, что особенно важно для истории и для будущих исследователей прошлого республики.

В 1925 году в Саратовском отделении «Пролеткино» было начато производство полнометражного культурфильма «Черная смерть» («В степях Киргизии»), Картина рассказывала о самоотверженной борьбе врачей с тягчайшей эпидемией чумы в республике. Сюжет ее вкратце таков: столичный врач-эпидемиолог Борисов неожиданно для всех

¹ Корженевский Н. Л. Краткий отчет о поездке на Памир летом 1923 года. Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. - Ташкент, 1924 г. - Т. 17.

бросал спокойную исследовательскую работу в Москве, тихий, налаженный быт и уезжал в Киргизстан на борьбу с эпидемией. Работа в районе эпидемии была чрезвычайно опасной и требовала соблюдения строжайших мер предосторожности. Страшная болезнь подстерегала на каждом шагу. Достаточно сказать, что два врача, работавшие в лаборатории и снимавшиеся в картине, погибли от чумы пока кинематографисты находились в районе эпидемии, так что, возвращаясь из экспедиции, они встретили в лаборатории уже других работников.

«Черная смерть» В. Полевого, так же как сюжеты, привезенные из республики А. Терским и неизвестным оператором экспедиции профессора Н. И. Корженевского, имела прежде всего большую познавательную ценность, знакомила зрителей с особенностями республики, с укладом жизни народа, сочувственно показывала его обычаи и традиции. Наряду с другими наиболее интересными культурфильмами того времени способствовала становлению отечественного научно-популярного кинематографа. Не случайно в тезисах доклада о работе Урало-Поволжского отделения «Пролеткино» за 1924-1925 годы среди фильмов, снятых Саратовским филиалом, упоминается в числе других и лента «Черная смерть», как «значительная работа, имеющая союзное значение».¹

Примерно в одно время с работой над «Черной смертью» кинематографисты из центра вели в Киргизстане хроникальные съемки и готовили различные кинопроекты. Об этом свидетельствует ряд документов, обнаруженных в деловой переписке Постпредства Киргизской АССР.

30 мая 1927 года Представительство получает докладную записку акционерного общества научно-художественного народоведения «Этно-мир», в которой сообщается о намерении осуществить киноэкспедицию «по засъемке Киргизской АССР». «Намеченная засъемка, - говорится в послании, - будет произведена нашими специалистами по особому сценарию, согласованному с Вами, и должна будет отображать: природу, богатства, знания, быт городов и кочевий, обычаи, культуру, памятники старины, рост национального самоопределения АССР и т. д. По нашему заданию и плану это будет интересная, полнометражная (1800-2000 м) кино-фильма, которая будет демонстрироваться по всем уголкам СССР и вывезется за границу, где сейчас наблюдается огромный интерес к такого рода картинам».²

Середина 1920-х годов ознаменована не только хроникальными съемками в республике, но и одной из первых попыток системного подхода к организации и постройке национального кинематографа. В конце 1920-х годов в Киргизстан все чаще стали приезжать кинохроникеры из Москвы. Они снимали здесь сюжеты для «Совкиножурнала» и других периодических киноизданий. Один из самых ранних дошедших до нас сюжетов повествует о митинге в Базар-Кургане.³ Это одна из редчайших пленок, сохранивших облик первого председателя КирЦИКа Абдыкадыра Орозбекова, репрессированного в 1937 году. Выступая перед жителями окрестных аилов, он разъясняет им смысл земельно-водной реформы. В 1928 году в «Совкиножурнале» (N 32) появляется сюжет о Каркаринской сельскохозяйственной ярмарке. Сюжет довольно хаотичный; понять происходящее можно лишь при помощи пояснительных титров: «Казакки, переходящие к земледелию, предъявляют большой спрос на сельскохозяйственные орудия». Ролик очень короткий (28 м) и проникнуться атмосферой события зритель не успевает, тем более, что оператору не

¹ Государственный архив Саратовской области. Ф. 324, Оп. 1, Д. 92.

² О конкретной работе по этому проекту, к сожалению, ничего не известно. А вот факты осуществленных кино съемок на территории республики подтверждает доклад Главполитпросвета, посланный 10 ноября 1927 года по запросу Постпредства Наркомпросом Киргизской АССР. В докладе сообщалось: «Положено начало местному кино-производству: выпущено за год 3 этнографических фильма «Советский Киргизстан» - 700 метров, Северные кантоны республики, их быт, этнография, г. Фрунзе, Учредительный съезд Советов, Ш-я Обл. конференция ВКП (б), «Кара-Каринская ярмарка» - 400 метров и «Скачки» - 200 метров. - ЦГА КФФД КР. Ф. 1246. Оп.Л.Д. 212.Л. 58.

³ «Совкиножурнал» - 1927 г. N 51.

удается здесь внятно рассказать о нем. За 1929 год сохранилось около десятка киргизских сюжетов «Совкиножурнала», а также большой (275 м) фрагмент из кинолетописи под названием «Общий вид города Ош». В этих сюжетах жизнь киргизского народа отражена в самых разных проявлениях. Союзный зритель конца 1920-х годов мог познакомиться с бытом кочевников Сусамырья, узнав об их стремлении к оседлому образу жизни, о работе джайляунных и сельских советов.¹ Большое внимание в то время на Востоке уделялось так называемому «женскому» вопросу, проблеме раскрепощения женщин, и это также нашло свое отражение в кинохронике.² Операторы снимали сюжеты, посвященные социальным преобразованиям в Киргизстане,³ участию республики в деле укрепления обороноспособности страны,⁴ подъему культурного уровня прежде почти поголовно неграмотного народа.⁵

Под рубрикой «В Средней Азии. Город Ош» в «Совкиножурнале» был помещен сюжет «Информация о чистке в партии». Сюжет динамичный, острый, в основе его - информация о митинге в Оше. Раскованный и, судя по изображению, весьма радикально настроенный оратор призывал собравшихся «удалять из партии тех, кто мешает раскрепощению женщин». Ныне эти кадры, кроме чисто познавательного интереса представляют, очевидно, еще и историко-этнографический интерес - на экране киргизская и узбекская одежда, колоритные национальные типажи, женщины с закрытыми паранджой лицами.⁶

Особого разговора заслуживает большой, почти десятиминутный сюжет «Общий вид города Ош», снятый в том же, 1929 году, и не использованный ни в одном союзном киножурнале, но сохранившийся в кинолетописи республики. Это сюжет не столько об Оше, сколько о религиозных обрядах, совершаемых паломниками на священной Сулейман-горе. Сулейман-гора нечто вроде Мекки местного значения, сюда приходили не только больные, увечные, верующие, но и здоровые, желающие с помощью «целебной» силы святых камней охранить себя от будущих хворей. Сюжет начинается долгими, снятыми с высоты птичьего полета панорамами гор и мазара на одной из вершин. На этом, собственно, кадры «общего вида города Ош» исчерпываются. Далее подробнейшим образом, скрупулезно рассказывается о таинственных обрядах различного характера, причем, снято все это очень неумело, почти по-любительски, с огромным количеством ненужных повторных кадров. Смонтирован материал также весьма неточно. Тем не менее, сюжет представляет определенный интерес; визуальные описания различного рода священнодействий, кадры молитв во дворе мечети, таиб в горах, верующие за исполнением различных религиозных манипуляций - все это в достаточной степени экзотично и привлекает внимание своей необычностью.

В дальнейшем тенденции, заявленные авторами-операторами в первых, снятых на территории Киргизстана сюжетах, продолжали развиваться. «Съемщики» последовательно освещали наиболее интересные события в жизни республики, отмечали все новое, неординарное. Так были сняты сюжеты «Электрификация национальных районов. Аламединская ГЭС»,⁷ «Подготовка кадров для сельского хозяйства»,⁸ «Раскрепощенная женщина Востока».⁹ Живой ироничный сюжет под названием «Гоголь путешествует по СССР» был помещен в первом номере «Совкиножурнала» за 1930 год. После титра

¹ «Совкиножурнал» N 57, 1929 г.

² «Совкиножурнал» N 36, 1929 г.

³ «Совкиножурнал» NN 54, 57, 1929 г.

⁴ «Совкиножурнал» N51, 1929 г.

⁵ «Совкиножурнал», N 68, 1929 г. Последний сюжет, который так и назывался «Культурный подъем в нацрайонах» интересен тем, что в нем оказался запечатлен оркестр национальных инструментов, один из первых коллективов подобного рода в республике.

⁶ «Совкиножурнал» N 36, 1929 г.

⁷ «Совкиножурнал», N 75, 1930 г.

⁸ «Совкиножурнал», N 2, 1930 г.

⁹ «Совкиножурнал», N 14, 1930 г.

«Вчерашние кочевники сегодня знакомы с костюмом и гримом» шла сцена подготовки киргизских актеров к спектаклю, а затем показывались два коротеньких кусочка из «Ревизора» в их исполнении. Сюжеты московских киножурналов за 1931-1933 годы в Центральном Государственном архиве кинофотофонодокументов, к сожалению, не сохранились.

В 1931 году режиссер Владимир Шнейдеров формирует новую киноэкспедицию на Тянь-Шань. Работа на Памире и лента «Подножие смерти», смонтированная из снятых там материалов, натолкнули его на мысль о создании полуигрового экспедиционного фильма. Картина должна была рассказать о путешествии группы членов Общества пролетарского туризма на Центральный Тянь-Шань. Из отснятого материала на кинофабрике «Межрабпомфильм» режиссер В. Шнейдеров смонтировал вскоре часовой художественно-документальный фильм «На высоте 4500». Задачи свои при создании картины сам режиссер определил таким образом: «Целевая установка фильма - показать необходимость развития высокогорного туризма, огромное значение пролетарских кадров туристов-высокогорников, готовых в любую минуту с оружием в руках стать на оборону границ нашего Союза».¹

Как видим, в Киргизстан периодически приезжали на съемки кинематографисты различных кинофабрик страны, но особенно оживилась их деятельность на территории республики в конце 1920-х - начале 1930-х годов. Причиной тому было создание в 1928 году акционерного общества «Востоккино», куда вошел наряду с другими автономными республиками и Киргизстан. В одном из программных документов нового общества подробно разъяснялись его цели и задачи:

а) производство восточных художественных, бытовых, научно-этнографических, производственных и культурных фильм;

б) прокат и перепрокат фильм на территориях нацменьшинств. Продажа и прокат фильм своего производства союзным республикам и за границу на договорных началах;

в) укрепление путем производства тематически соответствующих фильм культурной и политической связи Востока советского с Востоком зарубежным;

г) стимулирование развития кино-культуры среди национальных меньшинств путем организации широкой сети кинопередвижек, снабженных здоровыми и нужными Востоку фильмами (...);

д) организация общества друзей «Восточное кино» с привлечением в него научно-авторитетных востоковедов, местных знатоков Востока и национального молодняка;

е) учреждение киношкол для подготовки квалифицированного молодняка нацменьшинств по всем отраслям кинопроизводства;

ж) развитие местных киноорганизаций до степени самообслуживания, путем организации первичных производственных ячеек, могущих удовлетворить местные нужды (съемка хроники, текущего строительства, создание научно-краеведческих, этнографических картин и пр.).² Устав «Востоккино», составленный по инициативе представителей республик, а также Чичерина, Луначарского, Павловича и Рыскулова был утвержден 13 марта 1926 года. Председателем Оргбюро акционерного общества стал зампред Совнаркома РСФСР Т. Рыскулов.³ 29 декабря 1927 года Совет народных комиссаров Киргизской АССР принял постановление «Об участии Киргизской АССР в акционерном обществе «Восточное кино».⁴

¹ Шнейдеров В. Киноаппарат на Тянь-Шане. - М.: Молодая Гвардия, 1932. - С. 67.

² ЦГА КФФД КР. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 212, Л. 126-136 об.

³ ЦГА КФФД КРФ. 1246. Оп. 1. Д. 212.Л. 125 об.

⁴ На заседании СНК Киргизской АССР 21 января 1928 года было решено «отпустить согласно установленной Совещанием по организации «Восток-кино» от 8 декабря 1927 года разверстки 10 000 р.» (ЦГА КФФД КР. Ф. 21. Оп. 3. Д. 128.Л 15).

2 марта 1928 года правительству республики были пересланы из Москвы «дополнительные извещения о вступлении в число акционеров «Вост(ок)кино» и уже 26 марта 1928 года на заседании по вопросу организации «Востоккино» было официально закреплено вхождение Киргизстана в число акционеров треста. Вскоре операторы хроники, откомандированные трестом, уже снимали в республике сюжеты для киножурналов и эпизоды для больших документальных лент, в частности для фильма «Далеко в Азии», сделанного В. Ерофеевым в 1933 году (в создании ленты принимал участие Роман Кармен). Но не только ради получения оперативных хроникальных сюжетов была проведена огромная работа по созданию акционерного общества. Имелись у деятелей «Востоккино» и серьезные крупные замыслы, которые намечалось реализовать в автономных республиках РСФСР, в том числе и в Киргизстане.

Примерно с середины 1930-х годов после расформирования акционерного общества «Востоккино», просуществовавшего около семи лет, работа по киноосвоению киргизской действительности приобрела еще более планомерный характер. Эстафетную палочку товарищества приняли от «Востоккино» кинематографисты соседнего Узбекистана. Вот одно из свидетельств этого - небольшая заметка, помещенная в газете «Советская Киргизия»: «Бригада средне-азиатского отделения «Союз(кино)хроники» в составе оператора Саномьяна и его помощника Саидова заканчивает съемку фильма-хроники из жизни Киргизии. На юге Киргизии засняты хлопзавод в Кара-Су, шелкомотальная фабрика в Оше, рудник Кызыл-Кия. На севере заснято озеро Иссык-Куль, Буамское ущелье, великий киргизский тракт, овцесовхоз «Тамчи», совхоз им. Фрунзе, Чумышская плотина, совхозы Чулуба. Хроника также отразит работу предприятий города - мясокомбината, мелькомбината, швейной фабрики. Много места уделено культурному строительству. Большие за съемки сделаны в пединституте, комвузе. Сейчас материалы отправлены для обработки в лабораториях кинофабрики Узбеккино. В дни празднования десятилетия фильм будет демонстрироваться на экранах наших кино».¹

По решению руководителей Главного управления кинохроники в середине 1930-х годов были приняты меры к созданию корпунктов в Душанбе, Алма-Ате и Фрунзе. Однако в Киргизстане эти меры оказались недостаточными, вопрос не решился сразу, и корпункт не был организован. Съемки в Киргизстане продолжали осуществлять ташкентские операторы.

Вопрос об организации кинематографической базы во Фрунзе становится тем временем одной из важнейших задач культурного строительства в Киргизстане. Руководство республики прекрасно понимало это. Не случайно поэтому появление весной 1939 года в газете «Кино» беседы ее корреспондента с секретарем ЦК КП (б) республики А. Ваговым и председателем СНК Т. Кулатовым. «(...) Успешное развитие национального по форме, социалистического по содержанию киргизского искусства настойчиво требует создания и киргизской кинематографии. Сейчас никакой производственной кинематографической базы в Киргизской Республике нет. В прошлом году Комитет по делам кинематографии предложил Ташкентской студии кинохроники организовать во Фрунзе - столице Киргизии базу хроникальных съемок. Это распоряжение комитета не выполнено. Радостная творческая жизнь киргизского народа на союзном экране совершенно не отражается. Кинооператоры были в Киргизии только один раз, когда они приезжали для съемок выборов в Верховный Совет СССР. Ни одного кинофильма на киргизском языке до сих пор нет. Районы республики кинофицированы плохо. Население Чаткальского и Чон-Алайского районов совсем не знает, что такое кино. В Чон-Алайский район кинопередвижка приезжала дважды, но сеансы состоялись только в районном центре. Для нача-

¹ Фильм о Киргизии// Советская Киргизия. - 1935. - 12 февраля.

ла надо создать хотя бы небольшую киностудию в столице Киргизии».¹ В постановлении бюро ЦК КП(б) Киргизии о дальнейшем развитии национального искусства от 27 ноября 1939 года среди прочих задач указывается и такая: «Считать очередной задачей создание республиканского центра национальной кинематографии: для начала организовать в 1940 году регулярный выпуск хроникальных фильмов. Впредь до организации республиканской студии по выпуску художественных кинофильмов считать необходимым выпуск силами киностудий братских республик в течение 1940-42 гг. трех полнометражных кинокартин на материалах Киргизии:

- а) кинофильм о Советской Киргизии;
- б) кинофильм на историческую тему;
- в) цветной кинофильм, экранизирующий наиболее яркие эпизоды из народного сказания «Манас».²

Все перечисленные пункты были выполнены полностью или частично, но, конечно, в более значительные сроки. До войны успели наладить только периодический выпуск киножурнала «Советская Киргизия». В конце лета 1940 года было принято очередное правительственное постановление, касающееся создания кинематографической базы в республике. Постановление определило организацию самостоятельного отделения студии кинохроники во Фрунзе. Им была также санкционирована передача отделению нескольких комнат в здании музыкальной школы.³

17 ноября 1941 года было принято постановление Совета Народных Комиссаров Киргизской ССР об организации студии кинохроники в г. Фрунзе. Постановлением определялось для выполнения нескольких позиций: «1. Открыть студию кинохроники в Киргизской ССР в городе Фрунзе. 2. Просить Комитет по делам кинематографии при СНК СССР выделить необходимую аппаратуру, оборудование и определить производственную программу студии на 1942 год. 3. Предложить управлению по делам искусств при СНК СССР освободить подвальное помещение музыкального училища для временной технической базы киностудии. 4. Предложить Наркомфину Киргизской ССР изыскать 10.000 рублей для необходимого переоборудования подвального помещения под производственные цеха киностудии».⁴

Режиссер А. Михалков-Кончаловский, постановщик «Первого учителя», одной из наиболее удачных экранизаций Чингиза Айтматова, заметил: «Общение же с Айтматовым, с его героями, с киргизским народом, обращение к эпохе, о которой шла речь в повести «Первый учитель», заставило меня самого задуматься, насколько важно понять в людях проблему преданности идее, когда идея до конца владеет человеком, испепеляя его».⁵ Другой русский кинорежиссер Лариса Шепитько вспоминала о работе над фильмом «Зной»: «Его (Ч. Айтматова - В.М.) драматургия очень национальна по форме, но в ней существует весь комплекс проблем современности. Его сюжетные конструкции легко укладываются в современный классический образ. И это дает возможность каждый раз на основе его произведений создавать в кинематографе абсолютно современное произведение».⁶

В характере русских всегда было стремление к взаимообогащению культур народов - не только дарить, но и впитывать то лучшее, что накопило человечество. А 17 ноября 1941 года ныне считается официальной датой рождения киргизского кинематографа, начало которому было положено русскими, российскими и советскими энтузиастами.

¹ Пора создать киргизское киноискусство// Кино. - М., 1939. - 23 мая.

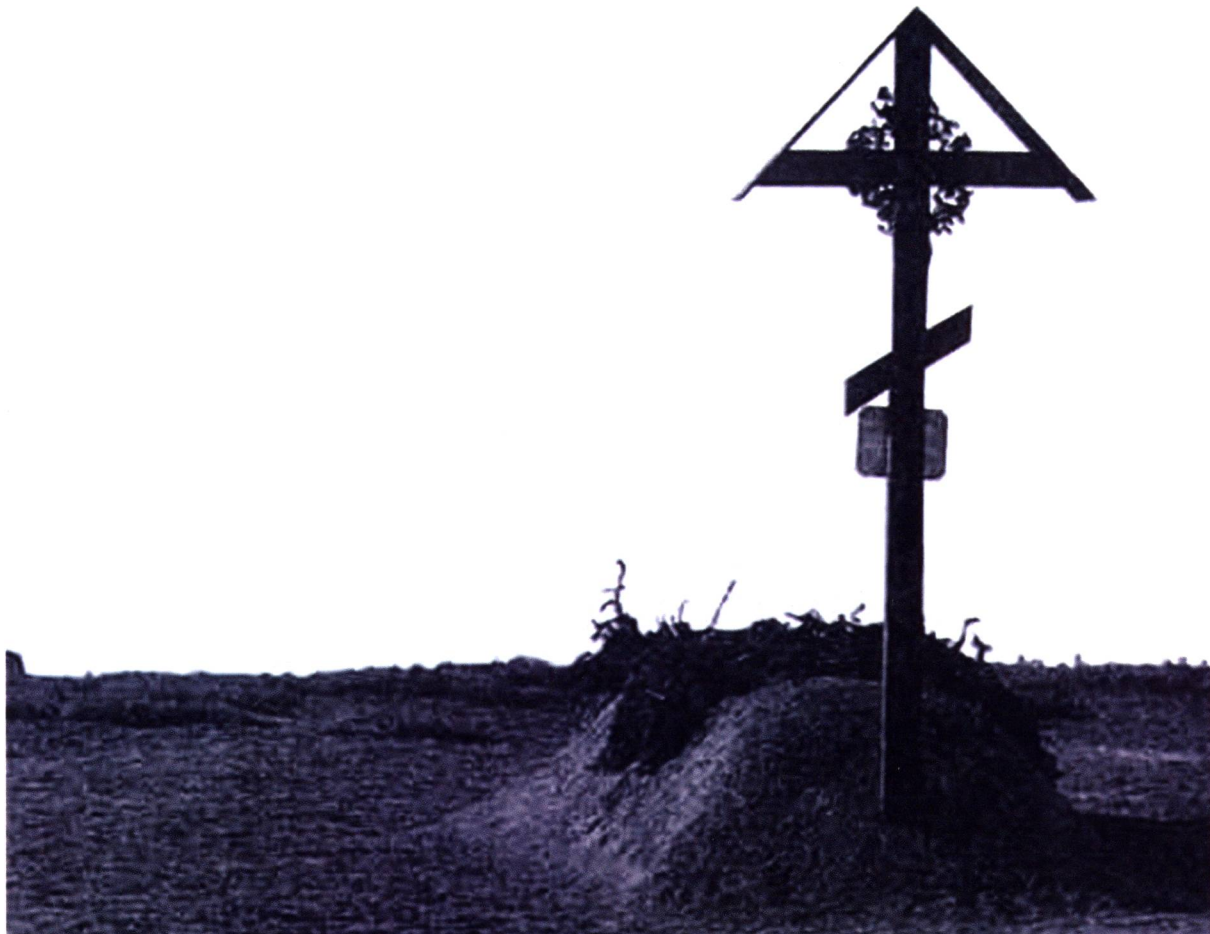
² Архив Киргизского филиала ИМЛ.Ф. 56. Оп. 4.Д. 319.Л. 19.

³ ЦГА КФФД КР. Ф. 350. Оп. I. Д. 104. Л. 17.

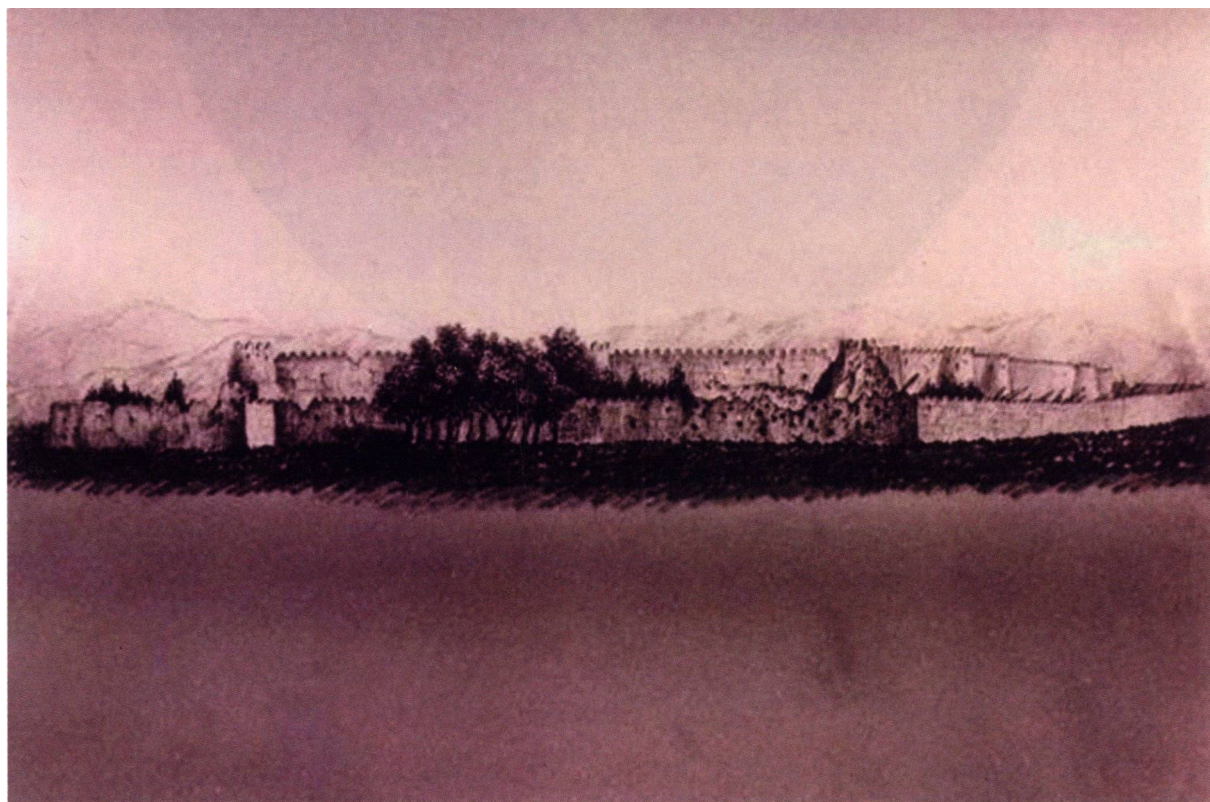
⁴ ЦГА КФФД КР Ф. 350. Оп. I. Д. 188.Л.149.

⁵ Айтматов Чингиз. В соавторстве с землей и водой...: очерки, статьи, беседы, интервью. - Фрунзе: Киргизстан, 1979. - С.296.

⁶ Айтматов Чингиз. В соавторстве с землей и водой...: очерки, статьи, беседы, интервью. - Фрунзе: Киргизстан, 1979. - С.297.

Могила Н.М. Пржевальского. 1888 г.

Цитадель иишиекской крепости. 1880-е гг.

Оренбургский генерал-губернатор В. Перовский, один из инициаторов
русского наступления в Средней Азии.

Первый Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман

Серафимовская церковь в г. Пишпекѣ.

П.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский.

Военный министр Д.А. Милютин.

М. Ионов, с 1876 г. - первый начальник Ошского уезда, в 1891-1893 гг. - руководитель «Памирского похода», с 1899 г. военный губернатор Семиреченской области.

Первый русский казачий отряд на Мургабе.

Памятная медаль за покорение ханства Кокандского 1875-1876.

Кзаки - первые пограничники киргизских границ. Начало 1900-х гг.

Вторая горная батарея отдельного Западно-Сибирского артиллерийского дивизиона.
22 февраля 1898 г.

А.Е. Снесарев, величайший русский геополитик, известный российский и советский военный деятель, ученый-востоковед, в 1903-1904 гг. служивший в г. Ош.

Дом Пишпекского городского головы И.Ф. Терентьева
(на углу ул. Кирова и бульвара Дзержинского).

Командир Пишпекского гарнизона
Зобнин. 1910 г.

Первый избранный городской голова
(староста) Пишпека И.Ф. Терентьев.
1890-е гг.

Уездный начальник. Пишпек. 1905 г.

Обработка земли трактором в Пишпекском уезде. Начало XX в.

Чиновник уездного управления Соколов с женой.
1910-е гг.

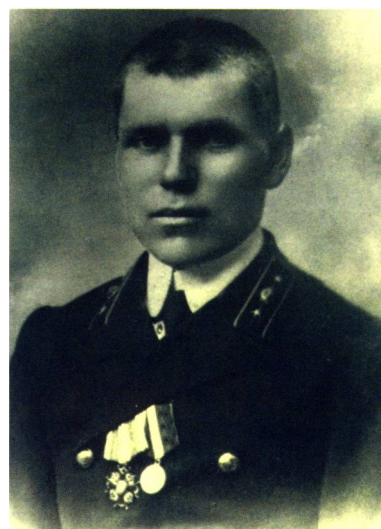
Почтмейстер Дубинин. 1910-е гг.

Офицер Пишпекского гарнизона
Крупенников. 1910-е гг.

Инженер Васильев В.А. -
начальник управления
работ по строительству
оросительной системы
в долине реки Чу.

Г.Ф. Одинцов -
заведующий Пишпекского
мужского приходского
училища. 1918 г.

Статс-секретарь
Кривошеин. 1910-е гг.

Администрация Семиреченской области. 1910-е гг.

Обсуждение с киргизским населением проекта переселенческого участка. 1910 г.

Занятия в 1 классе русско-туземной школы, 1899 г.

Сестра милосердия.

Семья русского крестьянина. 1910 г.

Переселенцы из Уфимской губернии.

Железнодорожники Восточной железной дороги. 1910 г.

Изыскательская партия на Курдайском перевале.

Священник Микалевский с женой.

Участники драматического кружка,
г. Пржевальск, 1899 г.

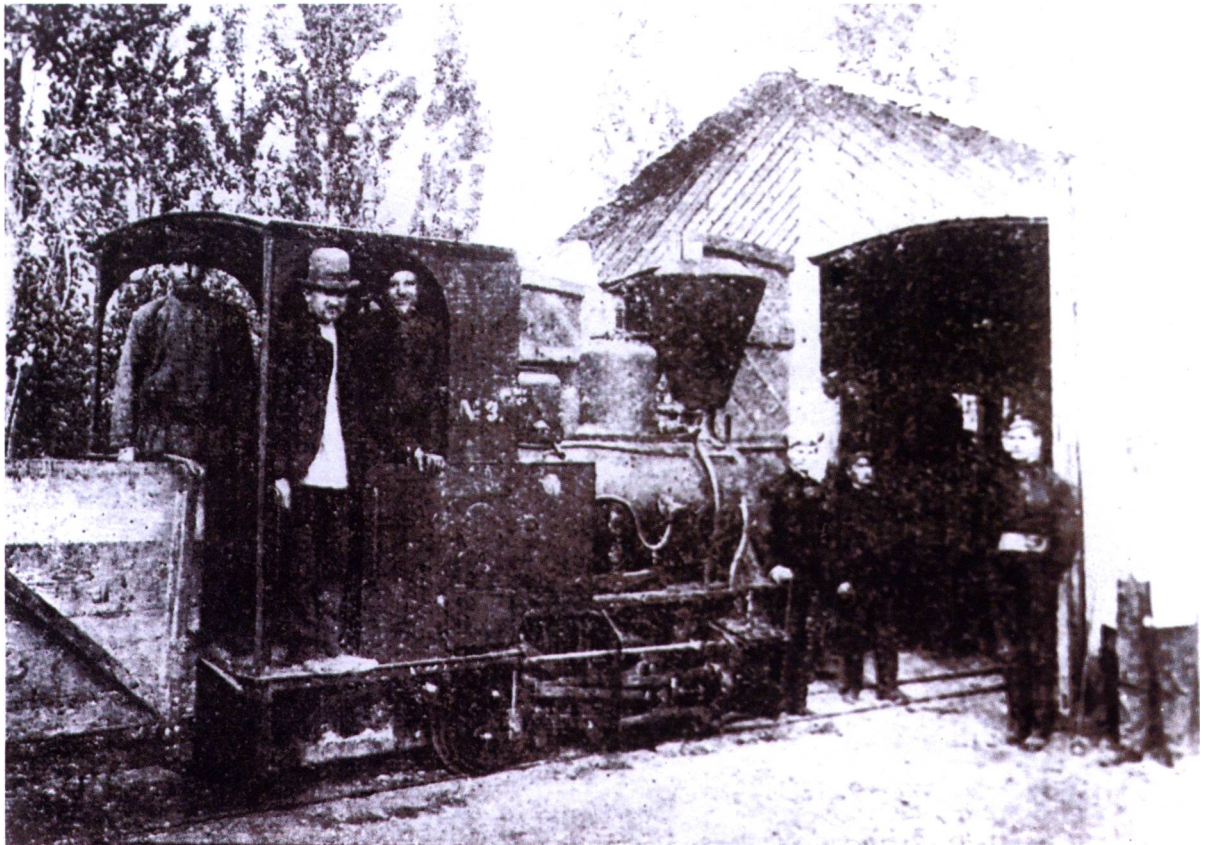
Учителя и духовенство г. Пржевальска. 1908 г.

Первая археологическая находка - китайская ваза. 1911 г.

Первый мотоциклист в Пишпекке. 1912 г.

Паровозное депо узкоколейной железной дороги Кызылкийских угольных копий
1910-е гг. (Н.Д.Батюшков).

Первый выпуск Пржевальского реального училища.

Штабс-капитан Кондратьев. 1907 г.

Офицеры Ошского гарнизона с семьями. 1907 г.

Семья С.А. Топорнина, первого начальника Ошского гарнизона,
основателя нового Оша. 1911 г.

Ученый-артиллерист Д.С. Топорнин.

Красные командиры. 1925 г.

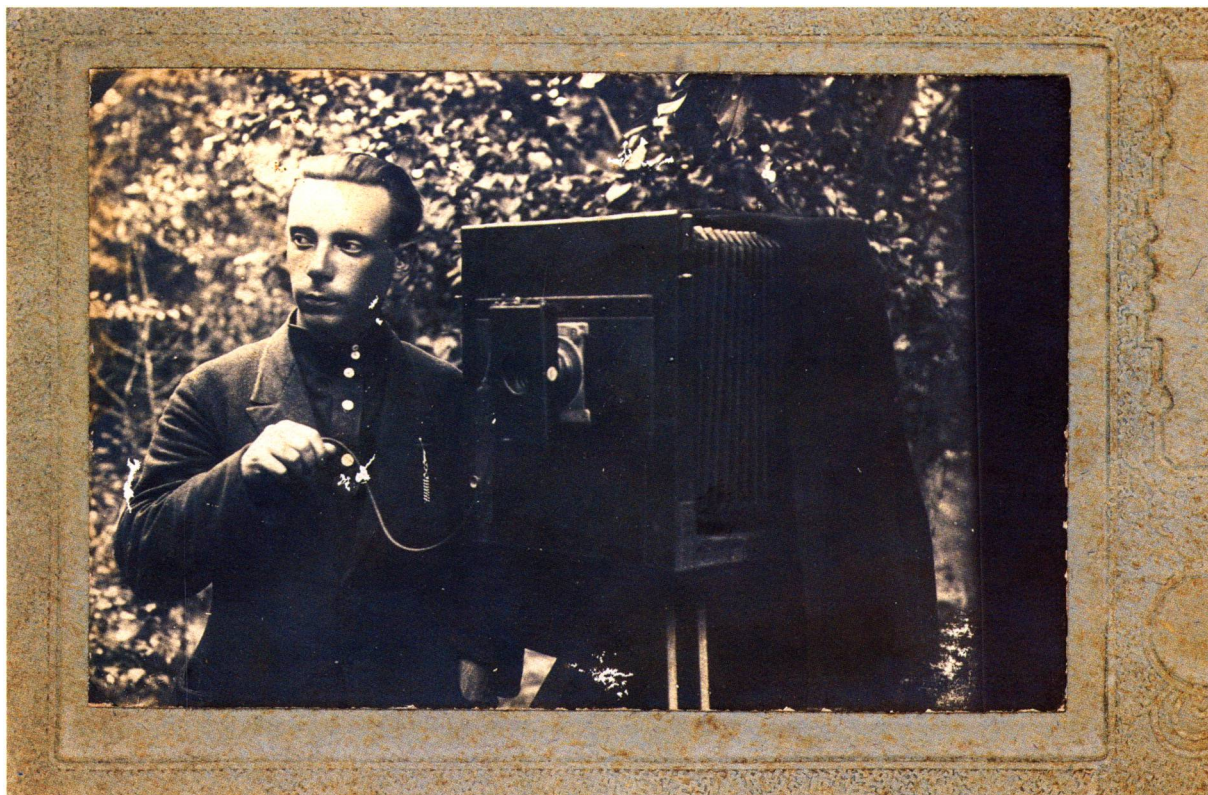
Трубач новой жизни. 1930-е гг.

Русская семья в с. Маевка. 1918 г.

Учащиеся Каракольского сельскохозяйственного техникума. 1928 г.

Фотограф Николай Комшилов, 1920-е гг.

1930-е гг.

Будущие учителя - учащиеся класса Киргизского педагогического техникума г. Фрунзе.
1930-е гг.

1930-е гг.

Воспитательница детского дома.
1930-е гг.

Группа учащихся Узкчурской школы в с. Токульдош Ворошиловского района Фрунзенской области.

Пограничники 18-й отдельной Ташрабатской погранкомендатуры. Начало 1930-х гг.

Сотрудник НКВД И. Кадышев.

Чекисты Киргизии. 1920-е гг.

Активисты социалистического строительства.

Рабочие Фрунзенского хлебзавода, г. Фрунзе. 1932 г.

Молодожены из с. Маевка, 1930 г.

Венчание в с. Лебединовка Пишпекского уезда.

Демонстрация в г. Фрунзе. 1938 г.

Члены передовой тракторной бригады Беловодской МТС.

Отдых на берегу Иссык-Куля. 1941 г.

Медицинский пункт на строительстве канала Отуз-Адыр. 1941 г.

Строительство Большого Чуйского канала (БЧК). 1941 г.

Строительство БЧК. 1941 г.

Колонна рабочих идет на строительство БЧК. 1941 г.

Строители БЧК, г. Фрунзе. 1941 г.

Подготовка к строительству участка БЧК в районе Карагачевой роши, г. Фрунзе. 1941 г.

Выдача картофеля на трудодни в коммуне им. Крупской. 1941 г.

Девушки-курсантки машинно-тракторных курсов Аламединской МТС во время занятий. 1942 г.

Обмолот семян в совхозе «Джангн-Джер», Фрунзенская область. 1944 г.

Группа священнослужителей на приеме в Верховном Совете Киргизской ССР. 1947 г.

Иссык-Кульская область, колхоз им. Дзержинского. Дойка коров на пастбище. 1947 г.

Награждение группы священнослужителей медалями
в Верховном Совете Киргизской ССР. 1950 г.

Строители Аламединской ГЭС. 1949 г.

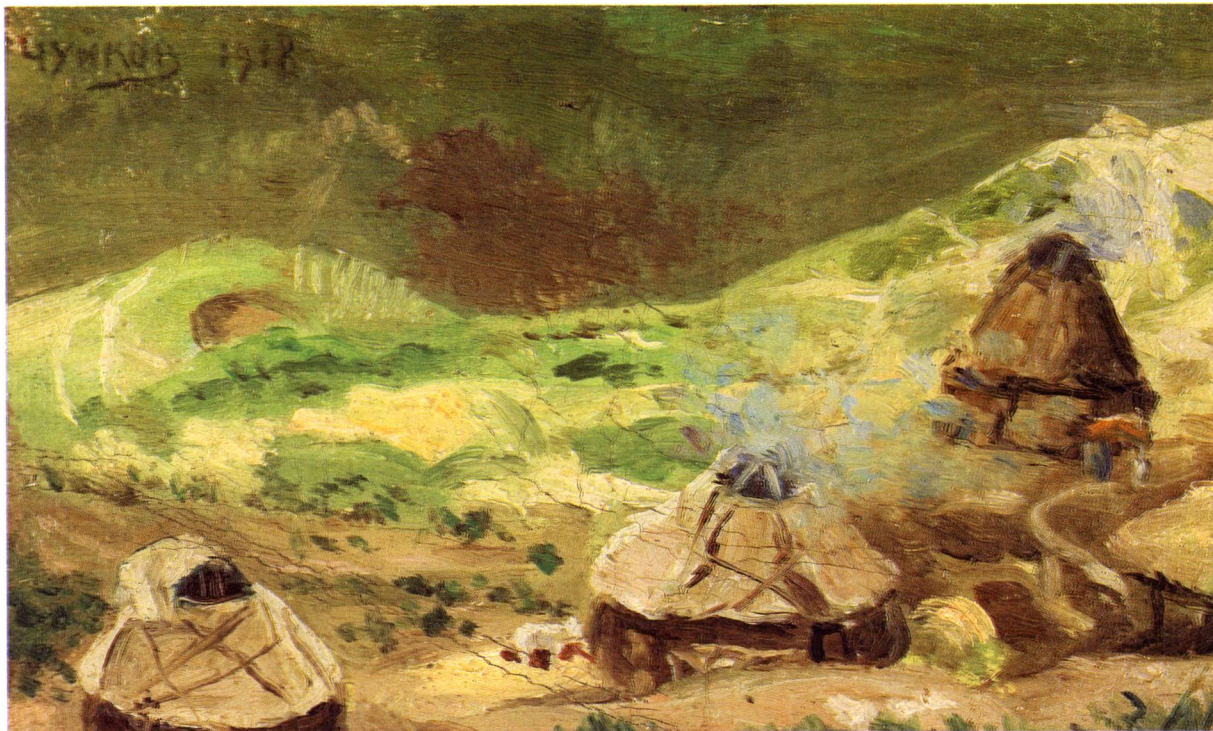
Передовые доярки колхоза им. Ленина Кантского района. 1950 г.

Фрунзе - город студенческий. 1953 г.

Художник В.С. Тюрин за работой.

С.А. Чуйков. Бедняцкие юрты. 1917 г.

С.А. Чуйков. Окрестности города Фрунзе. 1948 г.

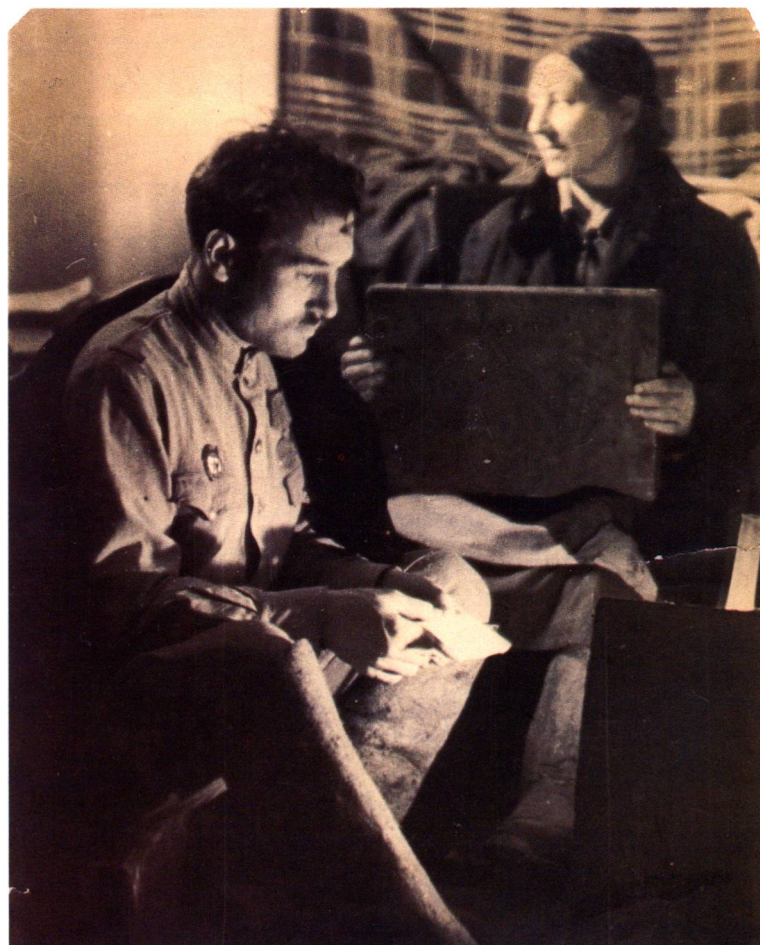
Семен Афанасьевич Чуйков. Автопортрет. 1945 г.

Директор детского дома им. Н.К. Крупской г. Фрунзе,
депутат Верховного Совета Киргизской ССР О. Семечкина
со своими воспитанниками. 1948 г.

Ф.И Зубахин., художник-плакатист, участник штурма Берлина. 1959 г.

Художник Николай Ефременко с матерью. 1946 г.

Группа рабочих на строительстве Уч-Курганской ГЭС. 1962 г.

Машинист В.Ф. Платошин и его помощник Е. Мамаев - строители Уч-Курганской ГЭС. 1962 г.

Празднование 40-летия пионерской организации. 1962 г.

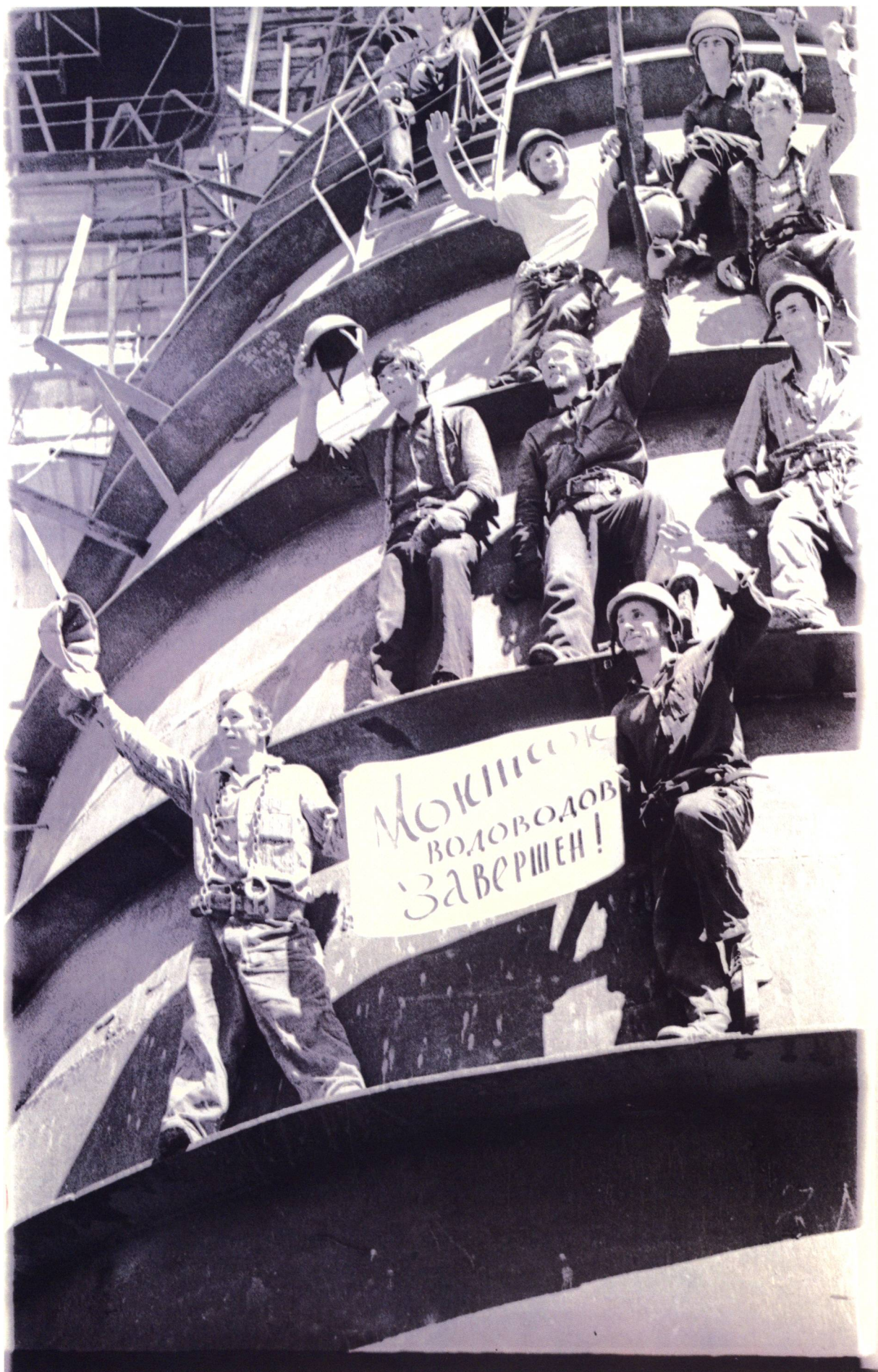
Передовая бригада бетонщиков П. Левченко на строительстве тоннеля под перевалом Тюя-Ашу. 1963 г. (А. Клейменов).

Мотальный цех Фрунзенской пенько-джутовой фабрики. 1965 г.

Главный инженер Толкачев дает команду к перекрытию тоннеля Токтогульской ГЭС.
1972 г. (А. Кадыркулов).

Строители Токтогульской ГЭС на монтаже последнего водовода. 1977 г. (В. Морев).

Чингиз Айтматов со строителями Токтогульской ГЭС.

Геодезисты управления оросительных систем О. Манина, В. Усов, М. Акбарова на месте будущей Ташкумырской ГЭС 1981 г. (М. Аширбаев.)

Молодежь Киргизии в гостях у военных летчиков 5-х Центральных курсов подготовки и усовершенствования авиаспециалистов. Здесь с 1941 г. родилось не одно поколение воздушных асов и покорителей космоса, г. Фрунзе. 1976 г.

Монтажники В.П. Дмитриев и В.В. Губенко на строительстве ЛЭП-500 Фрунзе-Кара-Куль. 1977 г. (В. Коротаев).

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II в гостях у российских пограничников.
Караракол. 1997 г. (В. Пирогов).

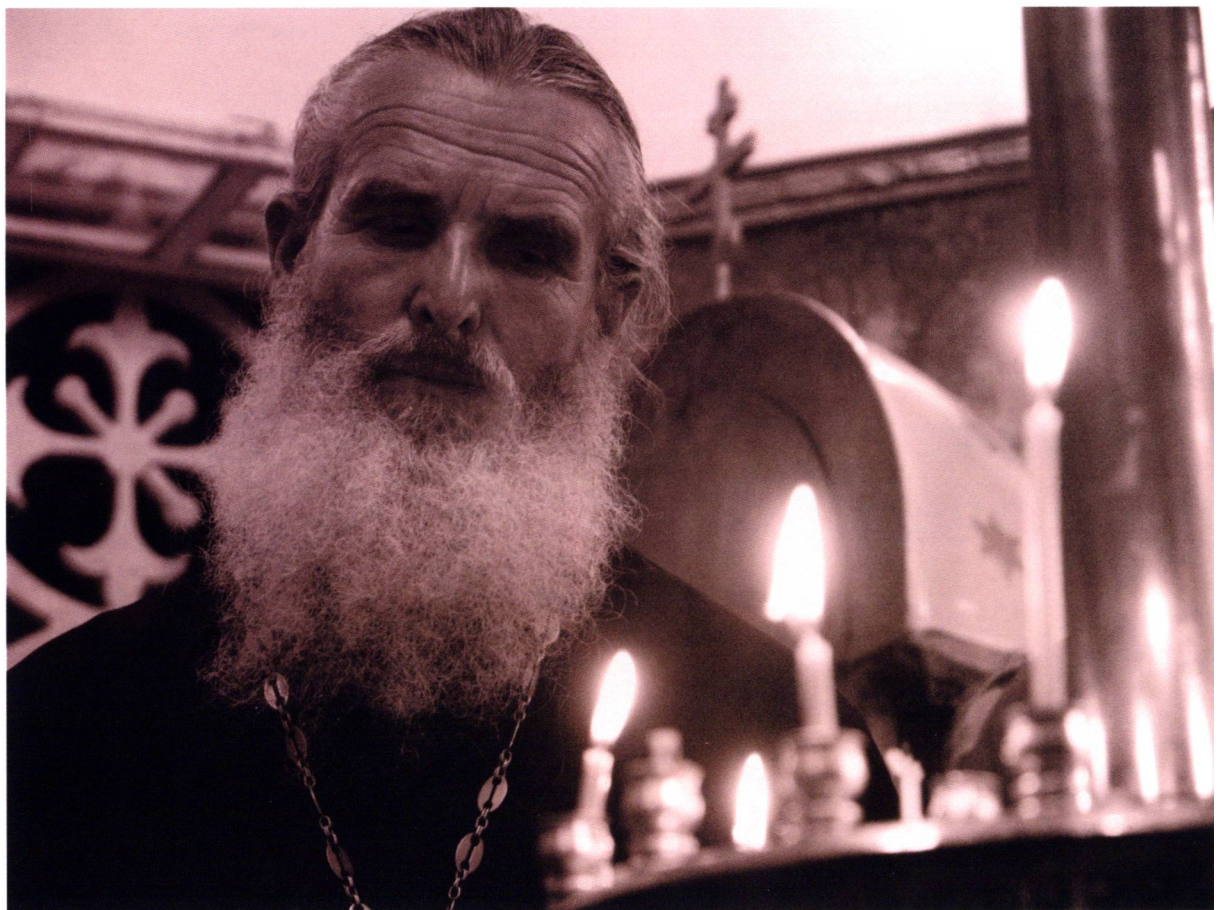
Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II и командующий Группой пограничных войск России в Киргизской Республике П.П. Васько. 1997 г. (В. Пирогов).

Ветераны Великой Отечественной войны в посольстве Российской Федерации
в Киргизской Республике. 1997 г.

Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир.
Служба в Воскресенском соборе г. Бишкека.

Праздник на авиабазе ОДКБ «Кант».

Российские пограничники и летчики в ходе Эстафеты дружбы вдоль внешних границ СНГ, посвященной 63-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне и 90-летию Пограничных войск, г. Кант, 2008 г.

В соревнованиях на приз «Российской газеты» по случаю Дня пограничника участвуют российские и киргизские пограничники, моряки и летчики России, ветераны Пограничных войск, журналисты. 2004 г.

Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Киргизской Республике В. Власов на митинге в честь 90-летия Пограничных войск: «Россия придает важное значение развитию пограничного сотрудничества с Киргизстаном и тому факту, что российские и киргизские пограничники в едином строю стоят на страже юго-восточных рубежей СНГ». 2008 г.

Казачий хор в Бишкеке. 2008 г.

Открытие первого фестиваля «Георгиевская ленточка» в Киргизии 3 мая 2008 г.

Участники Эстафеты дружбы вдоль внешних границ Содружества у могилы великого русского путешественника Николая Михайловича Пржевальского. 2008 г.

Содержание

Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. «Пойдем к русским, пусть народ отдохнет от междоусобиц и живет в покое...».....	5
А.А. Князев. Этническая идентичность и организационные проблемы русских и русскоязычных общин в Киргизии и Центральной Азии.....	12
Л.Ю. Немешина. К вопросу об этнокультурной и социально-политической структуре русских в Киргизии.....	21
А.А. Колесников. Русские исследователи Киргизстана.....	37
Л.И.Сумароков. Русская пограничная охрана на Тянь-Шане как фактор формирования государственности Киргизии.....	46
И. Бартенева. Переселенческая политика Российской империи во второй половине XIX века.....	63
Е.Е. Озмитель. Русское православное духовенство Туркестана и Семиречья - «насадитель правды и добра»	75
О.Л. Сумарокова. К вопросу о распространении русского языка среди народов Средней Азии во второй половине XIX - начала XX века.....	85
А.А. Князев. Россия снова в Средней Азии.....	96
Н.М. Мураталиева. Роль России в интеграционных процессах в Центральной Азии.....	107
А.А. Евграфов. Русская община южной Киргизии.....	113
С.Е. Сабельников. К истории исследований геологии Киргизии российскими учеными.....	129
В.А. Воропаева. Русские подвижники в формировании декоративно-сценического искусства Киргизии.....	135
О.Л. Сумарокова. Распространение основ русской грамоты среди киргизов на рубеже XIX-XX веков.....	140
И.Е. Голочалова. Русские в создании театрального искусства в Киргизстане.....	154
Т.П. Попова. Русские художники в Киргизии.....	162
В.Л. Михайлов. «Национальная культура, в арсенал которой не войдет собственный кинематограф, окажется чем-то обделенной».....	170

Русские в Киргизии

Компьютерная верстка и дизайн - Качанов Владислав

Корректор - Бейшенбаева Г.

Подписано к печати 11.09.2008

Формат 60x84/16

Печать офсетная.

Объем 10,23 усл.п.л. + 3,72 усл.п.л. (вкл.)

Тираж 1000 экз.

Общественный фонд Александра Князева

www.knyazev.org

Отпечатано в типографии «Printhouse»

г. Бишкек, ул. Шевченко, 1

тел.: 61 05 66,61 16 25

e-mail: printhouse@infotel.kg